

А·Н·Т·И·У·Т·О·П·И·Я

ДЕТИ БАФОМЕТА

The illustration depicts a post-apocalyptic scene. In the foreground, four children are seen from behind, standing on a dark, reflective surface. They are looking towards a large, intense fire that consumes the background. The fire is bright orange and yellow, contrasting sharply with the dark, smoky atmosphere. In the background, there are silhouettes of buildings and a utility pole with power lines. The overall mood is somber and dramatic.

АВТОР

АЛЕКСАНДР ГУЙТЕР

18+

Александр Эдуардович Гуйтер

Дети Бафомета

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65344161

SelfPub; 2021

ISBN 978-5-532-94622-4

Аннотация

Мрачная антиутопия о стране, в которой правят крысы. Они пришли к власти благодаря полному бездействию и равнодушию старшего поколения. Четверо подростков: Ушка, Острозубка, Чешуйка и Красноклык сбегают из посёлка. Им не важно, куда, лишь бы больше никогда не жить под властью и гнётом крыс.

Им предстоит встреча с бывшим журналистом, работавшим на крыс, с лесными отшельниками, с целой деревней религиозных фанатиков и со странной птицей без имени, которая будет зорко следить за каждым их шагом.

"Дети Бафомета" – зеркальное отражение нашей действительности, доведённое до абсурда. Книга о внутреннем безумии, спящем во всех жителях крысиной страны, книга о том, что даже лучшие друзья могут оказаться чудовищами.

Бафомет не образ, не иллюзия – он живёт в каждом...

Содержание

Друзья	4
Свалка	125
Лес	189
Деревня	260

Александр Гуйтер

Дети Бафомета

Друзья

Девочки и мальчики, в одинаковой чёрно-синей школьной форме, курили за гаражами. Времени у них было более, чем достаточно – шла большая перемена, длившаяся целых пятнадцать минут, поэтому они никуда не торопились.

Первые два урока были посвящены изучению родного языка – учительница выписывала на доске слова, а дети хором их прочитывали и записывали в тонкие тетради печатными буквами, ведь прописью писать не умел никто, даже преподаватели.

Да и зачем, в самом деле, писать прописью? Сплошное бумагомарание, а бумагу, между прочим, нужно беречь – лесов то почти не осталось, а из тряпок и мусора много бумаги не наделаешь, тем более, что эти самые тряпки тоже нужно где-то взять.

Новую бумагу обычно делали из старых книг – всех этих никому не нужных и даже запрещённых писателей-мечтателей, размышлявших о высоких чувствах и всяких глупостях вроде свободы слова, личности и прочей вседозволенности.

Вседозволенность непозволительна – она разрушает нрав-

ственные устои общества, вносит беспорядок в умы граждан и вообще является вредной идеей, придуманной врагами для разрушения государства.

Каждый раз, когда учитель патриотизма упоминал врагов государства, его покрытое чёрной шерстью лицо передёргивало от отвращения и праведной ненависти. Он вздымал вверх свои тоненькие лапки и резко рассекал воздух, словно бил невидимого противника.

Раньше учитель патриотизма, которого звали Кротослеп, служил в органах защиты и обороны, участвовал в операциях по выявлению скрытых врагов, подавлял выступления рабочих на заводе по переработке мусора, а выйдя на пенсию, подался в учителя и вот уже десять лет обучал детей, передавая им свой бесценный опыт.

С этим заводом, кстати, вообще удивительная история вышла: рабочие с какого-то перепугу решили, что переработка мусора, который собирался за периметром, вредно сказывается на их здоровье и устроили забастовку. Нет, они действительно умирали подозрительно часто, но это никак не было связано с мусором, тем более, что специально созданная комиссия, обследовав и мусор, и сам завод, пришла к выводу, что производство абсолютно безопасно, а мрут рабочие от того, что пьют самодельный самогон и не соблюдают личную гигиену.

Подстрекателей быстро нашли и отправили на перевоспитание.

Мальчик по имени Красноклык выкинул окурок, достал из серого рюкзака тетрадку и раскрыл её.

– Единство, честь, достоинство, память, единство, честь, достоинство, память.

– Боишься забыть? – спросила Острозубка, симпатичная мышка с острыми передними зубами.

– Разве это можно забыть? – спросил Красноклык.

– Да, – согласился Чешуйка, худенькая ящерица с глазами, смотрящими в разные стороны, – каждую неделю одно и то же.

Красноклык кивнул.

– Мне они скоро уже сниться начнут, а книгу с изречениями...

Он понизил голос до шёпота и продолжил:

– А книгу с изречениями Плешекрыса я вообще скоро наизусть выучу.

Острозубка улыбнулась.

– В первом классе мальчик есть, Славосветом зовут, так он эту книжку наизусть ещё до школы выучил. Его все учителя в пример ставят, а оценки он просто так получает. У него что-нибудь спросят, а он в ответ цитату из книги! Отличник...

– А так разве можно? – спросил Чешуйка.

– Сам подумай – вот спросит тебя учитель, кто автор таблицы умножения, которую мы пять лет изучаем, а ты ему и ответишь: *Все великие открытия мира были сделаны нашим*

народом, его волей и целеустремлённостью.

– А ведь подходит, – хихикнул Красноклык.

– Ага, – согласилась Ушка, девочка-переросток, отличница по физической подготовке, предпочитавшая молчать, если её ни о чём не спрашивают, – там на любой случай можно ответ найти, если захотеть.

– А если не получится найти? – спросила Острозубка.

– А если не получится – говори что угодно и добавь, что это было им сказано в такой-то и такой-то речи на каком-нибудь выступлении, – ответил Красноклык и облизал нос красным языком, – думаешь, кто-нибудь будет проверять?

Раздался вой сирены.

– Пошли, – сказала Острозубка, – а то опоздаем.

Вой всегда раздавался за три с половиной минуты до начала урока, чтобы все ученики успели дойти до класса, разложить тетрадки, ручку и учебник и встать по стойке, ожидая учителя.

В дверях школы ребят встретил Нюхошмыг, школьный сторож – старый, облезлый хорёк с плохим зрением, но невероятным обонянием. От него всегда отвратительно пахло, а из беззубой пасти на форменный китель капала похожая на пену слюна.

– Курили? – проворчал он скрипучим голосом, когда Острозубка, Чешуйка, Ушка и Красноклык прошли мимо него.

Не услышав ничего в ответ, Нюхошмыг гневно зафыркал и взвизгнул:

– А вот когда я учился, нам курить не разрешали! А сейчас такая молодёжь, такая молодёжь! Да вы даже не отличите плесень от гриба! Расслабили вас, а надо бы пороть, да посильнее!

Не оборачиваясь на его уже ставшие привычными вопли, они поднялись на второй этаж школы. В коридорах уже было пусто, и им навстречу попался лишь Удоклюв, учитель математики, молодой, красивый, с лихо закрученным на голове хохолком и озорно вздёрнутым клювом.

– Я, когда его вижу, у меня сердце быстрее биться начинает, – прошептала Остроzubка Ушке.

– Не в моём вкусе, – равнодушно ответила Ушка.

– Эх, – вздохнула Остроzubка, – у тебя все не в твоём вкусе.

Ушка ухмыльнулась, но ничего не ответила.

Они вошли в класс, где, кроме них, находилось ещё восемь учеников, уже занявших места у парт. Быстро разложив ручки и тетрадки, ребята встали в проходе и опустили головы вниз.

Кротослеп, неслышно ступая короткими ногами, вошёл в класс и оглядел учеников.

– Как же я рад вас видеть, – тоненьким голосом пропищал он, поправляя огромные очки с толстыми стёклами.

Разгоняя третью забастовку на мусороперерабатывающем

заводе, Кротослеп попал под газовую атаку, устроенную одним из рабочих активистов. Негодяй и подстрекатель ухитрился где-то достать точно такой же баллончик с газом, которым пользовались органы защиты и обороны, и распылил его Кротослепу в лицо. Ему, разумеется, досталось по полной – десять лет исправления за нападение на представителя власти, а Кротослепа, чьё зрение серьёзно пострадало, с почётом отправили на пенсию.

– А теперь поднимите вверх свои умные глазки и почитите нашего великого лидера, Мудрокрыса!

Ученики подняли головы и, глядя на портрет, висевший над доской, начали хором почитать.

– ВЕЛИКИЙ!

– МУДРЫЙ!

– ЗАБОТЛИВЫЙ!

– ДРУГ ДЕТЕЙ!

– ГЕРОЙ ВОЙНЫ!

– ЗАЩИТНИК СТАРИКОВ!

– ХРАНИТЕЛЬ УСТОЕВ!

– ВОПЛОЩЕНИЕ СКРОМНОСТИ!

– УСМИРИТЕЛЬ ВРАГОВ!

– НАДЕЖДА РОДИНЫ!

– ГАРАНТ СТАБИЛЬНОСТИ!

– Молодцы! Молодцы, мои хорошие! – хлопнув тоненькими лапками, выкрикнул Кротослеп, – наш великий лидер гордится вами, гордится всеми детьми нашей прекрас-

ной страны!

На этих словах он вытянул правую лапу в направлении портрета, на котором был изображён Мудрокрыс – старая, плешивая крыса с острым носиком, маленькими бесцветными глазками и торчащими в разные стороны усиками. Со стороны можно было подумать, что великого лидера запечатлели в тот момент, когда он к чему-то принюхивался.

– Садитесь.

Ученики сели.

– А теперь раскройте тетрадки и записывайте за мной: *Мудрокрыс наш лидер. Мудрокрыс это все мы.*

При этих словах он благоговейно взглянул на портрет, из-за которого, как назло, в этот момент выглянул огромный чёрный паук, размером с ладонь.

– Вот гадина! – вскрикнул Кротослеп, – дети, никому не двигаться!

Все, включая него, замерли, а паук, повертев уродливой головой по сторонам, осторожно выполз из-за портрета и начал спускаться по доске. Когда он достиг пола и уже поставил на него свои лапки, Кротослеп быстро наступил на него и раздавил.

– Фу! – шёпотом сказала Ушка, почувствовав острую вонь, исходящую от раздавленного паука.

– Вот ведь какая неприятность, – пропищал Кротослеп, – и ведь прятался прямо за портретом нашего любимого лидера. Дети, кто-нибудь из вас заходил в класс перед началом

урока?

С передней парты поднялась Кривоглазка, староста класса.

– Господин Кротослеп, когда я открывала класс, здесь никого не было, – ответила она.

– Спасибо, садись. Но ведь откуда-то он взялся, паук этот? И ведь прятался не где-нибудь, а именно за портретом! Это неспроста, детишки, это неспроста! Острозубка, ты почему улыбаешься?

Острозубка поднялась со своего места и, виновато смотря в пол, прошептала:

– А может, это просто паук и ничего больше?

– Что ты имеешь в виду, Острозубка? – спросил учитель.

Слегка приподняв голову с прижатыми к голове ушами, Острозубка пояснила:

– Может, этот паук сам залез в класс, тем более окно было открыто.

Кротослеп взглянул на окно, которое действительно было открыто на четверть, хотя это было неважно – в одной раме стекла вообще не было.

– Ты слишком наивна, моя девочка, – сказал он, – может быть, ты и права, но не стоит исключать того, что паука специально могли подбросить, чтобы он поглумился над портретом нашего любимого Мудрокрыса.

– Не думала, что пауки настолько умные, – сказала Острозубка.

Кротослеп улыбнулся.

– О, ты ещё очень многого не знаешь, – самодовольно пискнул он, – садись. Когда я служил, нам рассказывали, что за стеной есть специальная лаборатория, в которой изучают всех этих комаров, жуков и прочих ползучих и летающих тварей. Их заражают всякими болезнями и посылают к нам, чтобы заразить. Кто знает, может, с тех пор они научились делать их умнее?

Ушка подняла руку.

– Да, Ушка?

– А враги сами не боятся, что заразятся от них? – поднявшись, спросила Ушка.

Учитель поправил очки и откашлялся, обдумывая ответ.

– Садись, – после короткой паузы сказал он, – враги... Враги... **ВРАГИ!**

Он поднял лапки вверх и громко, почти крича, завизжал:

– Вы не знаете всего их коварства! В то время, как наш великий лидер и наши учёные улучшают жизнь простых граждан, враги используют достижения науки, чтобы погубить нас! Они десятилетиями собирали в нашей стране генетический материал, чтобы придумать оружие, поражающее только жителей Межречки! Наверняка они сумели этих ползучих и летающих распознавать, кого можно кусать и заражать, а кого нельзя!

Задышавшись от гнева, он опустился на стул.

– Запомните это, дети, – сказал он, держась правой лап-

кой за вздымающуюся грудную клетку, – тем более, что я вспомнил, что в одной своей речи что-то такое говорил наш любимый Мудрокрыс.

Отдышавшись, Кротослеп встал и подошёл к доске.

– За то время, что наша страна находится под руководством великого Мудрокрыса и партии «Неделимая Родина», у наших нечестивых соседей сменилось тридцать пять руководителей! ТРИДЦАТЬ ПЯТЬ! Только вдумайтесь в эту безумную цифру, дети! И чего они достигли этой своей сменяемостью, а? А я вам отвечу – ничего! Голод, болезни, безработица, разрушение семьи, народные недовольства – вот результат политики нестабильности! Они со злобой и завистью смотрят на нашу страну, остров стабильности, порядка, процветания и благополучия. Но они не хотят учиться у нас, нет! Они хотят захватить нас, захватить наши ресурсы, захватить наши земли, захватить вас, наших детей!

Он снова чуть не перешёл на крик, но вовремя остановился.

– Уф, что-то я увлёкся, – сказал Кротослеп, – со мной такое бывает! Я так ненавижу врагов нашей страны, что иногда забываюсь. В следующий раз остановите меня, пожалуйста.

Он внимательно оглядел класс маленькими глазками, спрятанными за толстые стёкла очков.

– Как вы смирененько сидите, – улыбнувшись, прошептал учитель, – а я, между прочим, подготовил для вас небольшой, но очень полезный опрос. Хочу узнать, внимательно ли

вы слушали мои уроки.

Опрос не был сюрпризом – его проводили через день почти на всех уроках, и заключался он в одних и тех же вопросах. Их было около ста, но спрашивали всегда по двадцать и за неделю все ученики успевали ответить по два раза.

– Кривоглазка!

Староста поднялась со своего места, подошла к учительскому столу, взяла стопку пластиковых листов, с которых было очень легко стирать написанное, и разнесла их по классу.

– Ну, приступим!

Вопросы были простые, знакомые, поэтому отвечали дети без лишних раздумий.

С КАКИМ СЧЁТОМ ВЕЛИКИЙ МУДРОКРЫС ВЫИГРАЛ ПАРТИЮ В ДОРОКУ У ЧЕМПИОНА МЕЖРЕЧКИ?

В КАКОМ ГОДУ ВЕЛИКИЙ МУДРОКРЫС ОСНОВАЛ ПАРТИЮ «НЕДЕЛИМАЯ РОДИНА» И КАКИЕ ПАРТИИ В НЕЁ ВЛИЛИСЬ?

СКОЛЬКО ЛЕТ БЫЛО ВЕЛИКОМУ МУДРОКРЫСУ, КОГДА ОН ДОСРОЧНО ПОБЕДИЛ НА ВЫБОРАХ В ПЕРВЫЙ РАЗ?

ПОЧЕМУ ВЕЛИКИЙ МУДРОКРЫС ТАК И НЕ ВВЁЛ СМЕРТНУЮ КАЗНЬ ДЛЯ ВРАГОВ МЕЖРЕЧКИ?

ЧТО ОТВЕТИЛ ВЕЛИКИЙ МУДРОКРЫС СМЕНЯЕМЫМ ЛИДЕРАМ ВРАЖЕСКИХ СТРАН, КОГДА ТЕ СКАЗАЛИ, ЧТО ВЛАСТЬ ДОЛЖНА БЫТЬ СМЕНЯЕМОЙ?

ПОЧЕМУ ВЕЛИКИЙ МУДРОКРЫС ЗАПРЕТИЛ ВСЕ ЛЖИВЫЕ ТЕЛЕПЕРЕДАЧИ И ТЕЛЕКАНАЛЫ И КАК ЭТО СВЯЗАНО СО СВОБОДОЙ СЛОВА?

ЧТО СКАЗАЛ ВЕЛИКИЙ МУДРОКРЫС, КОГДА ЕМУ ДОЛОЖИЛИ, ЧТО НАШ КОСМИЧЕСКИЙ АППАРАТ С ТРЕМЯ ГЕРОЯМИ-КОСМОЛЁТЧИКАМИ ДОСТИГ САМОЙ ДАЛЬНЕЙ ПЛАНЕТЫ НАШЕЙ СИСТЕМЫ И ОСНОВАЛ ТАМ КОЛОНИЮ?

ПОЧЕМУ ВЕЛИКИЙ МУДРОКРЫС ОТМЕНИЛ ПЕНСИИ, ЯВЛЯЮЩИЕСЯ ПЕРЕЖИТКОМ СИСТЕМЫ НЕСПРАВЕДЛИВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ?

ПОЧЕМУ ВЕЛИКИЙ МУДРОКРЫС ОТМЕНИЛ ВЫБОРЫ СОВЕТНИКОВ?

КАК НАЗЫВАЛАСЬ НЕИЗЛЕЧИМАЯ БОЛЕЗНЬ, ЛЕКАРСТВО ОТ КОТОРОЙ СОЗДАЛ ВЕЛИКИЙ МУДРОКРЫС?

ПОЧЕМУ ВЕЛИКИЙ МУДРОКРЫС ВО ВРЕМЯ ВСТРЕЧ С РАБОЧИМИ НЕ ЖМЁТ НИКОМУ ЛАПУ?

ОПИШИТЕ СВОИМИ СЛОВАМИ, КАКАЯ ЧЕРТА ВЕЛИКОГО МУДРОКРЫСА ВАМ НРАВИТСЯ БОЛЬШЕ ВСЕГО.

Все вопросы были приблизительно такими. На некоторые можно было отвечать прямыми цитатами лидера, что только приветствовалось, а на другие, вроде последнего, следовало отвечать своими словами, хотя вставить какое-нибудь выражение Мудрокрыса тоже было полезно.

За эти опросы оценок не ставили, ведь нужны они были лишь для того, чтобы убедиться, что ученики твёрдо запоминают то, что им рассказывают на уроках патриотизма, нравственности и истории.

Ученики ответили на вопросы, Кривоглазка прошла по классу, собрала листы и положила их на учительский стол.

В это время прозвенел звонок, означающий окончание урока.

– Сидите смирненько и думайте о том, как отвечали, а я пока проверю ваши работы, – сказал Кротослеп.

Пяти минут перерыва, во время которого большинство учеников со скучающим видом смотрели в окно, ему вполне хватило, поэтому, когда прозвенел звонок, все листы, кроме одного, лежали справа от Кротослепа.

– Дети, вы все ответили правильно на все вопросы, – торжественно произнёс учитель, – особенно мне понравились ваши ответы про нашего великого лидера. Ум, мудрость, скромность, умеренность, честность, доброта! Я чуть не прослезился от умиления и счастья за вас, пока читал! Но один ответ, признаюсь честно, меня немного смутил.

Ученики переглянулись между собой.

– Острозубка, милая, встань, пожалуйста! – сказал Кротослеп.

Мышка послушно поднялась из-за парты.

– Посмотри на меня, Острозубка, – попросил учитель.

Девочка подняла лицо и со страхом посмотрела в толстые

линзы очков.

– В ответе на последний вопрос ты написала, что в нашем лидере, великом Мудрокрысе, тебе больше всего нравится такая черта его характера, как хитрость. Хитрость не очень хорошее свойство личности, так что, прошу тебя, милая, поясни, почему ты ответила именно так.

Острозубка помялась с ноги на ногу и смущённо спросила:

– Помните, вы нам показывали фильм, где было про то, как враги угрожали нам войной и разместили страшные ракеты у наших границ?

– Отлично помню, – улыбаясь, сказал Кротослеп, – думаю, что и вы все хорошо помните этот замечательный фильм! Но ты не ответила.

– И в этом же фильме дальше рассказывалось о том, что наш великий лидер не испугался и показал всему миру, какие ракеты есть у нас.

Кротослеп бросил лист на стол, вскочил и закивал головой, так что его очки чуть не слетели, и ему пришлось придерживать их лапой.

– Да, да! Ракеты, летящие с такой скоростью, что их невозможно засечь! Способные облететь планету сто сорок раз! Как они тогда все испугались! Продолжай.

Острозубка чувствовала устремлённые на неё взгляды, и это немного смущало мышку.

– Так вот... Хитрость нашего великого лидера была в том,

что он сумел сохранить в тайне ото всех разработку и создание этих ракет и предъявить их миру в самый нужный момент, – робко сказала она и опустила глаза.

– Боюсь, девочка, ты немного неправильно понимаешь слово хитрость, – ласково сказал Кротослеп, – это называется предусмотрительность и предвидение. Но твой ответ достаточно хорошо аргументирован, поэтому я зачту его, как благонадёжный.

Острозубка тихо, почти неслышно выдохнула.

– Садись. А сейчас мы с вами, дети, посмотрим чудесный фильм про парад, посвящённый победе нашего лидера, великого Мудрокрыса, в войне против коварных южных террористов-отщепенцев. Кривоглазка!

Староста встала, спустила экран на доску и достала из шкафа маленький проектор.

– Включай!

На экране побежали какие-то надписи на незнакомом языке, после чего появилось лицо Мудрокрыса, через минуту сменившееся видом площади, по которой длинными шеренгами шли одетые в синюю и черную форму солдаты.

Мудрокрыс с ближайшими соратниками стоял на высокой трибуне и приветствовал войска, подняв вверх правую лапу.

– Здравствуйте, воины свободной Межречки!

– УРА! УРА! УРА!

Вслед за шеренгами солдат пошли боевые телеги с пушками, ракеты, сделанные из добытого в шахтах металла, на-

чинённые самым страшным оружием, что есть в мире.

Каждый из учеников видел этот фильм десятки раз, с точностью знал, что и после чего будет, в какой момент покажут лицо Мудрокрыса, но всё равно должен был смотреть и всем своим видом проявлять заинтересованность.

Фильм закончился ровно за минуту до конца урока.

– Можете помолчать минутку, – сказал Кротослеп, взглянув на часы, – знаю, что увиденное вам понравилось, как и всегда.

Дети отсидели эту минуту в полной тишине, положив лапки на парты и глядя на две строчки, написанные в начале урока.

– Всё, урок закончен, – сказал Кротослеп, когда прозвучал звонок, – можете идти домой. Надеюсь, что теперь вы стали любить нашу родину и нашего великого лидера Мудрокрыса чуть-чуть сильнее.

Ученики встали, сложили тетрадки и ручки в рюкзаки, поклонились портрету и вышли.

– Покурим? – спросила Ушка, когда четвёрка, вместе с другими учениками вышли во двор.

– Пошли, – ответил Красноклык, – ты, наверное, расстроена?

– Чем? – спросила Ушка.

Красноклык облизал нос и весело оскалился.

– Сегодня же не было твоего любимого физического развития.

Ушка фыркнула:

– П-ф-ф! Зато завтра будет целый день! В конце, правда, опять придётся на вопросы по патриотизму отвечать, но я уже все ответы наизусть знаю.

Острозубка подскочила к ней и задорно спросила:

– А как ты на последний вопрос отвечаешь?

– Всегда одинаково, – равнодушно ответила Ушка, – стойкость.

– А так разве можно? – вращая глазами в разные стороны, спросил Чешуйка.

– Ушке можно, – пробурчал Красноклык, – она дальше всех кидает копье, быстрее всех бегает, выше всех прыгает, так что ей прощают. Сколько ты медалей на последнем соревновании взяла?

– Четыре, – ответила Ушка, – да там соревноваться было не с кем – все какие-то слабенюкие, а один даже умер после забега.

– Всё, пришли, – сказала Острозубка, достала из рюкзака пачку сигарет и протянула ребятам.

Ушка, закурив, прислонилась к стене сарая, закрыла глаза и принялась что-то бубнить себе под нос, шевеля длинными ушами.

Красноклык кивнул в её сторону. Острозубка посмотрела на Ушку и улыбнулась.

– Она бывает такой смешной, – шёпотом сказала она Красноклыку.

– Ага.

– О чём вы говорите? – громко спросил Чешуйка.

– Ни о чём, – ответил Красноклык.

Ушка открыла глаза, сделала затяжку и выкинула окуроч.

– Скажи, а разве спортсменам можно курить? – спросил её Красноклык.

– А мне посрать, – ответила Ушка, – пойдёмте домой, а то есть уже хочется.

В детстве Ушка часто болела и очень медленно росла. Её часто обижали другие мальчики и девочки, а однажды, когда она играла в песочнице, отняли совок и ведёрко. Острозубка, которая была на полгода старше, увидела из окна плачущего зайчонка, выбежала во двор и бросилась на обидчиков с кулаками. Отняв совок и ведёрко, она вернула их Ушке.

– Спасибо, – вытирая слёзы, сказал маленький худенький зайчонок, – а как тебя зовут?

– Острозубка. А тебя?

– Ушка.

– Какое смешное имя, – улыбнулась мышка.

– Мама говорит, что когда я родилась, она сначала увидела мои ушки.

– У тебя хорошая мама.

– Я знаю, – кивнула Ушка, – я её очень люблю. Будешь со мной дружить?

– Да. А ты со мной?

– Буду. Давай строить домики?

– Давай. А потом пойдём ко мне в гости? У меня две куклы есть. Мама сама их сшила. Хочешь, я одну тебе подарю?

Ушка кивнула, поднялась, подошла к Остроzubке и обняла её.

– Мы будем дружить всю жизнь, правда?

– Правда.

На школьном дворе стояла большая толпа учеников. Кого тут только не было: ежи, еноты, мышки, зайцы, два поросёнка, воробьи, маленький медвежонок, у которого неделю назад умер папа, работавший на мусорном заводе и четверо выдрят-близнецов, у которых уже начали расти усики.

– Что здесь происходит? – со страхом спросил Чешуйка.

– Наверное, опять драка, – предположил Красноклык.

– Не похоже, – сказала Остроzubка.

Ушка фыркнула, давая понять, что ей это неинтересно, однако пошла вместе со всеми.

Они протиснулись сквозь толпу и увидели Сухогрыза, высокого парнишку-бобра с причудливо закрученным хохолком на голове. Он гордо стоял в центре толпы, облокотившись на новенький велосипед.

– Вау, – открыв рот с короткими клыками, сказал Красноклык, – велосипед!

– Да, – восхищённо прошептал Чешуйка.

Остроzubка взглянула на Ушку – та стояла, скрестив лапы на груди и равнодушно смотрела на велосипед.

– Тебе нравится?

– Нет, – ответила Ушка, – да и маленький он для меня.

Это было правдой – после пяти лет Ушка стала очень быстро расти и вскоре стала самой сильной не только среди девочек, но и среди большинства мальчиков. Она на голову возвышалась среди своих одноклассников, легко могла поднять самую тяжёлую гирию в спортзале и подтягивалась на одной лапе целых пятьдесят раз. Сядь Ушка на этот велосипед, ей пришлось бы отталкиваться ногами.

Острозубка дотронулась до плеча Красноклыка.

– Пошли.

Красноклык вздохнул и последовал за ней и Ушкой.

– Подождите!

Чешуйка, растолкнул учеников и подбежал к ним, вращая глазами.

– Видели? Видели? Я всю жизнь хотел себе такой!

– Ты ещё слишком мало живёшь, – сказала Ушка, – мечты с возрастом меняются.

– Но это же велосипед! – не успокаивался Чешуйка.

– Вступи в Юные помощники «Неделимой Родины» и твоим родителям тоже выдадут разрешение на велосипед, – сказала Ушка.

– Нет, нет, нет, – пробормотал Чешуйка, – у меня папа неблагонадёжный, вы разве забыли?

– А так бы вступил, да? – язвительно спросил Красноклык.

– Ради велосипеда? – добавила Ушка.

Глаза Чешуйки завертелись и уставились на Острозубку.

– Ребят, ну не издевайтесь вы над ним, – сказала мышка, – вспомните, что с его папой случилось.

– Прости, Чешуйка, – виновато сказал Красноклык и опустил лицо.

– Мы пошутили. Прости.

Ушка несильно хлопнула Чешуйку по спине, от чего тот покачнулся и чуть не упал.

– Ушка! – сказала Острозубка, – ты ведь его приберёшь!

Зайчиха пожалала плечами.

– Не умею рассчитывать свои силы.

– Мы это знаем, – сказал Красноклык и засмеялся лающим смехом.

В ответ засмеялись все, даже Чешуйка – они любили подтрунивать над неловкостью и силой Ушки, да и сама она была не против подобных шуток.

Смех прервало урчание.

– Это у меня, – призналась Ушка, – я же говорила, что есть хочу.

Острозубка сняла свой рюкзак и открыла.

– Ой, я совсем забыла, – быстро сказала она, доставая маленький свёрток и протягивая его Ушке, – у меня же четверть белковой лепёшки есть. На!

Зайчиха развернула свёрток.

– Спасибо, – поблагодарила она и махом проглотила мяг-

кую лепёшку.

– Мой покойный дед называл их издевательством над едой, – сказал Красноклык, – а мне нравится.

– Всем нравится, – надевая рюкзак, ответила Острозубка.

Они подошли к небольшому мостику, перекинутому через широкий и вонючий ручей, на дне которого копошились жирные черви размером с лапу. На той стороне ручья сидел старый облезлый барсук, доставал этих червей из воды и складывал в большое ржавое ведро.

– Здравствуйте! – поприветствовала его Острозубка.

Барсук посмотрел на неё испуганными глазами и что-то быстро зашептал.

– Что он говорит? – спросил Красноклык.

– Не знаю, – ответила Острозубка, – надо подойти поближе.

– Не думаю, что это хорошая идея, – сказала Ушка, – хотя дело твоё.

Острозубка сошла с мостика и подошла к барсуку, который завалился на спину и заверещал.

– Не надо! Не надо! Не надо больше! Мне больно! Мне очень больно!

– Вам помочь? – спросила мышка и осторожно тронула его за лапу.

Барсук громко взвизгнул, вскочил на ноги и убежал по направлению к мёртвым деревьям, опрокинув своё ведро.

– Станный он какой-то, – задумчиво сказала Острозубка,

разглядывая червей, ползущих обратно к воде, – зачем ему эти черви?

– Съесть, – ответила Ушка, облокотившись на перила моста.

– Их можно есть?

– Наверное. Для чего он ещё мог их собирать?

Острозубка аккуратно поставила ведро и вернулась к ребятам.

– А я его здесь раньше не видела.

– А это, скорее всего, один из этих, как там их, – сказал Красноклык, – перевоспитавшихся.

– А ты откуда знаешь? – спросила мышка.

– Просто подумал.

– Наверное, ты прав, – согласилась Острозубка.

Навстречу по тропинке шёл полицейский. Высокий, мощный крыс был одет в чёрную форму, на поясе висел усмиритель, а кокарда на его фуражке имела форму крысиной морды.

– Кто кричал? – надменно спросил он, когда школьники подошли ближе.

– Господин, – склонив голову, ответил Красноклык, – там какой-то барсук червей ловил, а как нас увидел, завопил и убежал.

– Барсук? – переспросил полицейский.

– Да, господин.

– Я выясню. Вы из школы?

Он говорил медленно и вальяжно, всем своим видом демонстрируя превосходство и силу. Ребята стояли перед ним, склонив головы, и даже Ушка выглядела напуганной.

– Да, господин.

Полицейский достал блокнот и ручку.

– Назовите ваши имена. Я выясню, что это за барсук и, возможно, вызову вас для дачи показаний.

Назвав свои имена, они поклонились полицейскому, и пошли дальше, а тот, насвистывая, направился в сторону ручья.

Вскоре впереди показались дома – длинные, двухэтажные бараки из строительного мусора с маленькими окнами. У каждого дома стоял одноэтажный туалет с двумя кабинками, и раз в неделю приезжала машина с насосом, чтобы выкачать накопившиеся отходы. По стенам туалетов ползали огромные жирные тараканы. Они шевелили длинными усами и совершенно не боялись жителей, хотя некоторые из обитателей домов этих тараканов ловили и ели.

– Я, как поем, зайду, – сказала Ушке Острозубка.

– Хорошо, – ответила зайчиха.

– А вы гулять пойдёте? – обратилась Острозубка к Чешуйке и Красноклыку.

Красноклык оскалится и ответил:

– Да я хоть сейчас!

Чешуйка повертел глазами и кивнул.

– Да мы все знаем, Красноклык, что ты хоть сейчас готов пойти гулять, но нельзя, – сказала Острозубка, – нельзя вы-

зывать подозрений, понимаешь?

– Конечно, понимаю, – слегка обидевшись, ответил лис, – я же не совсем дурачок!

– Ладно, расходимся, – сказала мышка, – я сначала зайду к Ушке, а потом мы вместе зайдём за вами.

– Хорошо, – подмигнув, сказал Красноклык, – пошли! Он толкнул Чешуйку в плечо, и они пошли к своему дому. Ушка ничего не сказала – она просто подняла вверх правую лапу, и медленно побрела в свой барак.

Острозубка вздохнула, посмотрела вслед друзьям и пошла к дому.

Открыв фанерную дверь, покрытую разводами чёрной плесени, мышка поднялась на второй этаж и оказалась в длинном коридоре, вдоль которого располагались жилые комнаты. В каждом конце коридора находилась общая кухня, где круглыми сутками работал небольшой телевизор с единственным каналом.

Острозубка зашла в свою комнатку, настолько маленькую, что она больше подошла бы под кладовку, где обычно хранят мётлы, швабры, вёдра и ненужные вещи. Около самого входа стояла узкая кровать, напротив крошечный столик, за которым Острозубка делала уроки, а единственное окно было наполовину закрыто плёнкой.

Мышка бросила рюкзак на кровать, переделалась и пошла на кухню.

Бабушка, как обычно, сидела в жёстком кресле и смотре-

ла телевизор. Она была самой старой обитательницей в их доме и почти никогда не выходила из кухни. Положенную ей норму белкового порошка обычно получал папа.

– Привет, бабуль!

Острозубка подошла к бабушке и поцеловала её в дряблую щёку.

– Здравствуй, Острозубка, – прошамкала бабушка.

– ВРАГИ! БЕЗЗАКОННИЕ! ВЕЛИКИЙ ЛИДЕР! – неслось из телевизора.

Острозубка взяла с полки пачку с белковым порошком и мерный стакан. Отсыпав пятьдесят грамм, она поставила пачку обратно, высыпала порошок в миску и развела водой.

– Что там? – спросила Острозубка, усаживаясь на пол рядом с бабушкиным креслом.

– Опять против нас что-то замышляют, – слабым голосом ответила бабушка.

– Понятно, – равнодушно сказала мышка, зачерпнула ложкой кашу из миски и, не жуя, проглотила.

– А ещё, – сказала бабушка, – в следующем месяце норму порошка увеличат на тридцать грамм.

– ДА ВЫ ПОСМОТРИТЕ НА НИХ! ТАМ СПЛОШНОЙ РАЗВРАТ! – кричал с экрана толстый крыс во френче.

– Как хорошо, – взглянув на экран, сказала Острозубка.

– ДА ТОЛЬКО БЛАГОДАРЯ ВЕЛИКОМУ МУДРОКРЫСУ МЕЖРЕЧКА ДО СИХ ПОР СУЩЕСТВУЕТ!

– Великий Мудрокрыс заботится о нас, – медленно сказа-

ла бабушка, – а эти хотят нас на колени поставить.

Она указала на экран, где как раз показывали одного из «этих» – тощего, подслеповатого хорька с дёргающейся щекой.

– ДА МЫ ТРАВУ ЕСТЬ БУДЕМ, НО НЕ ОТВЕРНЁМСЯ ОТ НАШЕГО ЛИДЕРА!

– ДА ВЫ И ТАК НИЩИЕ!

– ПАМЯТЬ ПРЕДКОВ!

– ВЫ ПРЕДАЛИ СВОИ ЦЕННОСТИ!

– А НУ ИДИ СЮДА, ДЕРЬМА КУСОК! ЧТО ТЫ ПРО МОИХ ПРЕДКОВ СКАЗАЛ?

Крыс во френче подскочил к хорьку и схватил его за горло.

– ОХРАНА! ОХРАНА! ВЫВЕДИТЕ ЭТУ МРАЗЬ, А НЕ ТО Я ЕМУ ГОРЛО ПЕРЕГРЫЗУ!

Из-за кулис выскочило трое охранников. Они схватили визжащего хорька за лапы и вынесли его из студии.

Зрители зааплодировали.

– Правильно, – кивнула головой бабушка, – гнать надо эту нечисть!

– И ТАК БУДЕТ С КАЖДЫМ ВРАГОМ!

Острозубка доела кашу и вылизала миску.

– Бабушка!

– Чего?

– А тебя не смущает, что завтра этот хорёк снова будет на этой передаче? – спросила Острозубка.

Бабушка удивлённо посмотрела на неё мутными глазами.

– Какой хорёк?

– Которого только что показывали.

– Так ведь это не хорёк был, – ответила бабушка, – хорька уже давно из Межречки выгнали, а это был...

Она поморщилась, пытаясь вспомнить, кого только что видела, но у неё ничего не получилось.

– Не хорёк это был и всё! – наконец, сказала бабушка и уставилась в телевизор.

– И ВОТ ТАКОЕ ВОТ ДЕРЬМО ЕЩЁ ЧТО-ТО НАМ УКАЗЫВАЕТ! – торжественно сказал крыс во френче.

– ПОЛАГАЮ, ЧТО ЕГО И ВСЕХ СТОРОННИКОВ ДАВНО ПОРА ВЫГНАТЬ ИЗ СТРАНЫ!

Это сказал чёрный грач, пожизненный член Совета советников, помогавших Мудрокрысу управлять Межречкой. Как и все члены Совета, он состоял в партии «Неделимая Родина» и носил на груди соответствующий значок с крысиной мордой.

– ПРАВИЛЬНО, СОВЕТНИК ЧЕРНОКЛЮВ! НЕЧЕГО С НИМИ НЯНЧИТЬСЯ!

На кухню зашла соседка – толстая ежиха, на спине которой почти не осталось игл, выпавших во время работы на фабрике.

– Что показывают? – прошепелявила она.

– Что и всегда, – ответила Острозубка и пошла к раковине, чтобы помыть миску.

– МЫ ПРЕРЫВАЕМСЯ НА НОВОСТИ! – серьёзным голосом сказал крыс во френче, – МУДРОКРЫС – ЭТО МЕЖРЕЧКА, А МЕЖРЕЧКА – ЭТО МУДРОКРЫС!

Заиграла тревожная музыка и на экране появилась молоденькая крыска с напряжённым взглядом.

– У СТЕНЫ СХВАТИЛИ ОЧЕРЕДНУЮ ГРУППУ ДИВЕРСАНТОВ! ВЕЛИКИЙ МУДРОКРЫС ПРОВЁЛ ВСТРЕЧУ С ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ СОВЕТА СОВЕТНИКОВ! ВЕЛИКИЙ МУДРОКРЫС ОТВЕТИЛ НА ПИСЬМО ДЕВОЧКИ ИЗ РУЧЕЙКИ! ВЕЛИКИЙ МУДРОКРЫС ПОТРЕБОВАЛ ОБРАТИТЬ ВНИМАНИЕ НА ЖИЗНЬ ПРОСТЫХ ГРАЖДАН! УРОВЕНЬ ЖИЗНИ СО ВЧЕРАШНЕГО ДНЯ ВЫРОС НА ДВА С ПОЛОВИНОЙ ПРОЦЕНТА! НА МУСОРНОМ ЗАВОДЕ ИЗ-ЗА ХАЛАТНОСТИ РАБОЧИХ ПРОИЗОШЁЛ ХЛОПОК! ОТРИЦАТЕЛЬНЫЙ РОСТ ПРОДЕМОНСТРИРОВАЛА НАША СТАБИЛЬНОСТЬ! В ЧЕСТЬ ГОДОВЩИНЫ ПРОВЕДЕНИЯ ПЯТОЙ ГОДОВЩИНЫ СО ДНЯ ПЕРВОГО ИЗБРАНИЯ ВЕЛИКОГО ЛИДЕРА МУДРОКРЫСА БУДУТ ПРОВЕДЕНЫ МЕЖДУНАРОДНЫЕ СОРЕВНОВАНИЯ И ПАРАД!

– Кто-нибудь на эти соревнования приедет, интересно? – спросила Острозубка, убрав вымытую миску в шкаф.

– Кому надо, тот и приедет, – ответила соседка, – а до остальных нам дела нет. Чему вас только в школе учат?

– Чему надо, тому и учат, – дерзко ответила Острозубка и вышла из кухни.

Сзади до неё донёлся голос соседки:

– Какая она у вас невоспитанная – никакого уважения к старшим!

Бабушка что-то ответила, но настолько тихо, что Острозубка не услышала.

Она заскочила в свою маленькую комнатку, взяла пачку сигарет и, спустившись по скрипучей лестнице, вышла во двор.

Ушка жила в бараке напротив, но только на первом этаже и её комната была на два шага в ширину больше, чем у Острозубки.

Мышка перешла двор, подошла к окну и постучала по полусгнившей раме.

– Ушка! Ушка! Выходи!

В окне показалось голова Ушки с торчащими в разные стороны ушами.

– Не стучи так, – недовольно сказала зайчиха, – ты мне раму ломаешь!

– Твою раму даже бревном не ломаешь!

– Ха-ха! Как смешно! Сейчас выйду.

Меньше, чем через минуту, Ушка вышла во двор.

– Покурим сначала или сразу за Красноклыком и Чешуйкой пойдём? – спросила Острозубка.

– Пойдём сразу к ним, – ответила Ушка, – потом и покурим. Нет, давай лучше сейчас.

– Ты чем-то взволнована? – спросила Остроzubка.

Ушка прикусила нижнюю губу длинными резцами.

– Пошли за сральник, там и покурим, – сказала она.

Зайдя за туалет, девчонки закурили.

– Что случилось?

Ушка затынулась, сплюнула и со злобой спросила:

– Ты новости слышала?

– Да.

Послышалось чье-то кряхтение – в туалете явно кто-то был.

– Пошли подальше.

Они отошли от туалета на тридцать шагов и спрятались за деревьями.

– Ну?

– Соревнования будут, – мрачно ответила Ушка, – в честь этого сраного парада.

– А тебе-то что? – просила мышка.

Ушка потушила окурок о ствол дерева и достала новую сигарету.

– Отец со смены пришёл, – сказала она, – сигарет принёс. Помнишь, как в прошлом году мне сказали, что я для соревнований по возрасту не подхожу?

– Помню, – ответила Остроzubка, – ты ещё тогда так разозлилась, что стену кулаком пробила.

Ушка усмехнулась:

– Такую стену даже Чешуйка языком пробьёт. Так вот,

про соревнования – в этом-то году я подхожу по возрасту, значит, меня на них позовут, а я не хочу.

– Откажись.

– Ты не обижайся, – сказала зайчиха, – ты моя единственная подруга и всё такое, но иногда ты такая дура!

– Чего? – обиженно спросила Острозубка.

– Нельзя отказаться, понимаешь? Нельзя. Если я туда поеду, то больше никогда с вами больше не увижусь. Помнишь парня из Гнилушки? Он по прыжкам в длину победил и всё, обратно не вернулся, а потом и его родителей забрали.

– А в прошлом году ты вроде хотела, – сказал Острозубка.

– В прошлом году я ещё ни о чём не догадывалась, да и в этом как-то не особо вспоминала, пока новости не услышала. Вернее, пока сосед поздравлять не начал. Я на кухню зашла, а он такой мне и говорит, что вот, мол, какая радость тебе – самого великого лидера увидишь! А оно мне надо?

– И что же делать?

– Мы должны убраться отсюда как можно раньше, – ответила Ушка и щелчком пальцев отправила второй окурочек в лужу, на дне которой копошились такие же черви, что и в ручье, только раза в три меньше.

Острозубка проследила взглядом полёт окурочка, заметила червей и задумчиво спросила:

– Неужели их и в самом деле можно есть?

– Попробуй.

– Нет, спасибо, – ответила Острозубка, – мне пока порош-

ка и грибов хватает. Пошли к ребятам?

– Пошли.

У туалета стоял старый одноглазый енот с корзиной. Из дырки, на месте которой когда-то был правый глаз, стекала тонкая струйка зеленовато-жёлтого гноя. Единственным глазом енот внимательно смотрел на девчонок.

– Здравствуйте, гражданин Полохвост! – поздоровалась Острозубка.

– Добрый день, девочки, – проскрипел енот, – а куда вы ходили?

Ушка ткнула подругу в бок и сказала на ухо:

– Вот зачем ты с ним заговорила? Он же давно с катушек слетел. Сейчас ведь не отстанет.

– Курить ходили, гражданин Полохвост, – ответила еноту Острозубка.

Енот раскрыл беззубую пасть, наклонил голову и медленно сказал:

– А вот в моё время девочки стеснялись курить. Они ходили в белых юбочках, синих блузочках, красных туфельках. Помню, как мы танцевали! Как мы танцевали!

Не глядя на девчонок, енот вскинул лапы вверх и закружился около туалета.

– Весной расцветали цветы, и я бегал за ними в лес, – нараспев говорил енот, обнимая невидимую партнёршу, – я дарил их ей, а она смеялась. Я целовал её глаза и признавался в любви!

– Он пришёл сюда за тараканами, – уверенно сказала Ушка, – видишь корзину?

– Вижу, – ответила Остроzubка.

Кружась, енот не заметил свою корзину и споткнулся об неё.

– Осторожно! – крикнула Остроzubка, подбежала к старику и взяла его за лапу, помогая подняться.

– Со мной всё хорошо, девочки, со мной всё хорошо, – прошептал Полохвост, – спасибо.

Он повернулся к Остроzubке, и та увидела, что из его единственного глаза текут слёзы.

– С вами точно всё хорошо?

– Да он же уже сказал тебе, – Ушка подняла перевёрнутую корзину и поставила рядом с енотом, – вот ваша корзина, а нам надо идти.

– Да, нам надо идти, – сказала Остроzubка.

– Спасибо, девочки, – тихо пробормотал енот.

– За что?

Полохвост ничего не ответил, достал из-за пазухи короткую плоскую палку и стал бить спящих по стене туалета тараканов.

– Пошли, – зайчиха дёрнула Остроzubку за плечо, – он больше не будет с тобой разговаривать, уж я-то знаю – в одном коридоре живём.

Остроzubка взглянула на енота – тот шептал что-то невразумительное и не обращал на них никакого внимания.

С дороги послышались голоса.

– О, со школы идут, – догадалась Ушка, – всё на велосипед не могли налюбоваться! Пойдём быстрее отсюда.

Красноклык жил в соседнем дворе и, когда Острозубка и Ушка подошли, уже ждал их, сидя на скамейке возле песочницы.

– Чего так долго? – увидев девчонок, крикнул лис.

– Не ори, – строго сказала Ушка, – ты топор взял?

– Конечно, – ответил Красноклык и достал из-под скамейки плотницкий топор, – ещё от деда достался!

– Давай сюда.

Ушка взяла топор и убрала в рюкзак.

– Чешуйка у себя?

– Я слышал, как мама на него кричала, так что не думаю, что его выпустят, – ответил Красноклык.

После того, как отцу Чешуйки при разгоне забастовки сломали хвост, он серьёзно заболел и, промучившись пару дней, умер. Мама после этого немного повредила рассудком и часто срывалась на сына, который и так с самого детства был запуганным и нервным.

– Зайдём к нему? – предложила Острозубка.

– Зайдём.

Они зашли в барак, поднялись на второй этаж и постучали в дверь.

На стук выглянула мать Чешуйки. Её глаза бешено вертелись в разные стороны, а из полуоткрытого рта торчал язык.

– Он не пойдёт с вами! – прошипела она.

– Можно нам у него спросить? – спросила Острозубка.

– Нет!

Ушка посмотрела поверх голов Острозубки и ящерицы и увидела Чешуйку – он сидел на полу у окна, зажав голову лапами.

– Чешуйка! – громко позвала она.

– Он никуда не пойдёт! – крикнула ящерица и плюнула Ушке в лицо.

– Фу! – вскрикнула зайчиха и принялась снимать с лица зеленоватую клейкую слюну.

Из соседних комнат начали выходить соседи. Это были, по большей части, старики и больные, которые не могли больше работать. Выживали они за счёт белкового порошка, который еженедельно выдавали в городском пункте социального обеспечения, грибов, травы и насекомых. Тем, у кого были родственники, было легче.

– Уходите!

– Пойдёмте, ребята, – сказала Острозубка.

Выйдя во двор, Красноклык спросил Ушку:

– Ты как?

– Нормально. Хорошо, что не дерьмом кинула – говорят, оно у ящериц липкое и вонючее, не то, что у нас.

– Это всё из-за тебя! – раздался из открытого окна крик матери Чешуйки.

– Пойдём, а то не успеем, – сказала Острозубка.

Зайчиха, лис и мышка зашли за барак и направились в умирающий лес.

Острозубка и Красноклык, каждый с огромной охапкой хвороста в лапах, подошли к огромному пню и, наклонившись, аккуратно положили его на землю.

– Думаю, на сегодня хватит, – сказала Острозубка, – разглядывая большую стопку нарубленного хвороста.

– Его же его перетащить надо, – добавил Красноклык.

Ушка посмотрела на кучу свежего хвороста, потом на нарубленный, переложила топор в правую лапу и кивнула в знак согласия.

– Да, начинайте таскать, а я пока этот нарублю, – сказала зайчиха, взяла толстую ветку и принялась быстро рубить её на одинаковые куски.

Острозубка и Красноклык набрали нарубленного хвороста, отошли на триста шагов и вывалили его на землю.

– Сначала переносим, а уже потом сложим, – сказала мышка.

– Давай так.

Они не успели сделать и двух ходок, когда Ушка, закончив рубить, присоединилась к ним. Зайчиха брала хворост своими огромными лапами, успевая за раз принести больше, чем Острозубка и Красноклык вдвоём, поэтому закончили быстро.

Лис сел на корточки рядом с кучей хвороста и спросил:

– Как вы думаете, нам этого хватит?

– Не знаю, – ответила Острозубка.

Она явно хотела что-то добавить, но Ушка закрыла ей рот лапой.

– Тихо! – прошептала зайчиха.

– Что такое? – спросил лис.

Ушка пошевелила своими огромными ушами и посмотрела вверх.

– Там, – сказала она и указала на две чёрные точки.

– Это грачи? – убрав лапу Ушки со своего рта, спросила Острозубка.

– Не знаю, – ответила Ушка, – у меня не такой хороший слух. Я слышу, что кто-то разговаривает, но кто именно и о чём, я не понимаю.

– Надо лечь на землю, – предложил Красноклык, – мне папа говорил, что, если лежать и не шевелиться, они могут не заметить.

Все грачи, как и крысы, были верными членами партии «Неделимая Родина» и если крысы, по большей части, занимали руководящие посты и служили в полиции, то грачи, благодаря своей врождённой способности к полёту, занимались разведкой и слежкой и лишь немногие из них становились советниками.

Ребята легли на землю. После нескольких минут, проведённых в полном молчании, Красноклык медленно подполз к Ушке и прямо в ухо спросил:

– Улетели?

– Посмотри.

Лис медленно перевернулся на спину и долго вглядывался в небо, но ничего не увидел.

– Вроде нет никого.

– Вставай тогда, – тихо сказала Острозубка.

– Ты первая.

– Боишься?

– Нет.

– Тогда вставай.

– Не хочу.

– Да сколько можно, – громко сказала Ушка и поднялась на лапы, – вы так до вечера будете спорить. Всё, я встала! Если заметят меня, то заметят всех!

– Никто вас не заметит, – раздался насмешливый голос.

Острозубка и Красноклык вскочили и стали оглядываться по сторонам.

– Кто здесь? – громко спросила Ушка, доставая топор.

– Ну не надо так сразу за топор хвататься, девочка, – сказал голос, – поранишься ненароком.

– Выходи и я тебя без топора так отделаю, что месяц под себя ходить будешь, – пригнув уши к голове, сказала зайчиха.

– Хорошо, хорошо, только не бей!

Из-за толстого дерева вышел взъерошенный заяц с одним ухом, закутанный в грязные тряпки и опирающийся на суч-

коватую палку.

– Вот он я, – поклонившись, сказал заяц и, волоча правую лапу, направился к Ушке, Острозубке и Красноклыку.

– Стой! – вытянув лапу, сказала Ушка, – кто ты и что здесь делаешь?

Заяц с опаской покосился на топор в её лапе, грустно вздохнул и сел, прислонившись спиной к дереву.

– У вас курить есть? – спросил он.

Острозубка достала из пачки сигарету, и пошла было к нему, но Ушка её остановила.

– Мы не знаем, кто это, – сказала зайчиха, – может, это один из тех насильников, о которых нам рассказывали в школе. Может, у него нож под этими тряпками спрятан. Кинь ему сигарету и спички.

Острозубка кинула зайцу сигарету и коробок спичек. Тот поднял их дрожащей лапой и с наслаждением закурил.

– Да, – блаженно произнёс он, выдохнув дым, – сейчас бы ещё стаканчик водочки! Было бы вообще замечательно! М-м-м...

Ушка нервно застучала лапой по земле.

– Кто ты такой? – чеканя каждое слово, спросила она.

– Лесной чокнутый? – предположил Красноклык.

– Да не похож, – ответила Острозубка.

– Меня зовут Зубогрыз, – медленно сказал одноухий заяц, – и я здесь живу. Уже очень давно, между прочим. А сегодня иду себе, ковыляю потихонечку, смотрю – детишки по

лесу шастают, дровишки таскают. Ну, мне интересно стало, дай, думаю, спрячусь, да посмотрю, что они дальше делать будут. А детишки испугались, на землю попадали. Не было там никаких грачей, детишки!

– А ты откуда знаешь? – спросила Ушка.

– Грачи так высоко не летают – им с такого расстояния ничего не разглядеть, – ответил заяц, – это же не орлы, а грачи!

Он засмеялся хриплым смехом, но тут же начал захлёбываться от кашля. Кашель словно разрывал его грудную клетку, внутри что-то булькало и клокотало. Заяц отбросил недокуренную сигарету, опустился на корточки и ребята увидели, что из его рта потекла тонкая струйка крови.

– Надо ему помочь! – воскликнула Острозубка.

Зубогрыз вытянул лапу вперёд и прохрипел:

– Не надо, не надо. Сейчас всё пройдёт.

Кашель действительно скоро прошёл и заяц, вытерев со рта кровь, снова сел.

– Уже лет десять так кашляю, – слабым голосом сказал он, – дышать тяжело, но, когда выпью, легчает. Можно у вас ещё сигарету попросить?

– Попросить можно всё, что угодно, – насмешливо ответила Ушка.

– Да ладно тебе, – возмутилась Острозубка, подбежала к Зубогрызу и протянула сигарету.

– Спасибо, девочка, – поблагодарил заяц, взял сигарету и

чиркнул спичкой, – я давно не был у врача и не знаю, можно мне курить или нет. Как вы думаете?

– Нельзя, – ответила Ушка, – Острозубка, отойди от него!

Острозубка отошла от Зубогрыза, встала рядом с Красноклыком и тоже закурила.

– И мне дай, – попросил лис.

– Курить никому нельзя, детишки, – улыбнувшись, сказал Зубогрыз, – говорят, раньше с курением даже боролись. Сложно в это поверить, правда?

– Во многие вещи сложно поверить, но они существуют, – ответила Ушка.

– В то, что не существует, тоже можно поверить, – продолжил её мысль Зубогрыз.

Ушка насторожилась – он явно хотел вывести их на что-то серьёзное, иначе не стал бы ходить вокруг да около. Зубогрыз явно хотел, чтобы она открылась первой, но зайчиха не хотела рисковать.

– Что ты имеешь в виду?

– Много чего.

– Мы так с тобой можем вечно беседовать, прямо как эти, – Ушка кивнула на Острозубку и Красноклыка, – хочешь сказать – говори прямо, или мы уйдём. Нам лишних проблем не надо.

– Она всегда у вас такая? – спросил Зубогрыз.

– Первый раз её такой вижу, – ответила Острозубка, – Ушка обычно молчаливая, а сегодня сама не понимаю, что с ней

случилось.

– Я тоже, – сказал Красноклык.

– Нормально со мной всё! – топнув лапой по земле, крикнула Ушка, – ну, ты будешь говорить, что ты имел в виду, когда сказал, что можно поверить в то, что не существует?

Зубогрыз внимательно посмотрел на Ушку.

– Да какого чёрта! – прошептал он себе под нос и встал, опёршись на палку.

– Не подходи.

– Я и не собираюсь, – ответил Зубогрыз, – я вас сейчас спрошу кое о чём.

Ушка кивнула.

– Вы верите в то, что у Мудрокрыса есть чудо-ракеты?

– Это которые сто раз могут планету облететь? – спросила

Острозубка.

– Да.

– Нет, – твёрдо ответила Ушка.

Острозубка и Красноклык со страхом посмотрели на подругу.

– Ушка, ты что? Разве можно так говорить при незнакомце? – с неподдельным ужасом прошептала мышка.

– А мне всё равно, – ответила Ушка, – не верю. Я ни во что не верю.

– Замечательно, – восхищённо сказал Зубогрыз, – значит, есть те, кто прозрел.

– Ты про что? – спросила зайчиха.

– Про то, что есть те, кто не верит во все эти достижения, победы, врагов, великого лидера. Мы называли его Мелко-мразью.

– Плешекрыс, – сказала Ушка.

Зубогрыз усмехнулся:

– Звучит смешно, ведь он действительно просто плешивая крыса, а не великий лидер.

– Ты знаком с ним?

– Да.

Острозубка и Красноклык в ужасе присели на корточки – они ещё никогда в жизни не встречали того, кто был лично знаком с великим лидером.

Ушка положила топор рядом с кучей хвороста.

– И как ты с ним познакомился?

– Разве это так важно?

– Нет, но просто интересно, что кто-то, кто лично знает великого лидера, живёт в лесу.

– Мне тяжело стоять, – сказал Зубогрыз, – поэтому я присяду. Вы ещё не родились, когда он пришёл к власти, и я был одним из тех, кто ему помогал.

– Каким образом? – спросила Ушка.

– Мы с командой создавали образ мудрого и заботливого лидера, который день и ночь думает о том, как улучшить жизнь граждан. Мы придумывали новости о заговорах, сочиняли истории о шпионах, делали репортажи о том, как плохо живут в соседних странах, в то время как наша страна

процветает. Помните историю о том, как наш великий лидер выиграл партию в дорожку у чемпиона?

– Да, – ответила Ушка.

Острозубка, слушавшая зайца с открытым ртом, добавила:

– Нам это каждый месяц на уроке показывают.

– Да, – согласился Зубогрыз, – помню, как мы делали этот репортаж. Чемпион, его звали Буркохвост, сидит и дрожит от страха, а за спиной Мудрокрыса его жена и дочь сидят. Связанные, а рядом с ними два здоровых крыса. Он должен был проиграть, и он проиграл. Не знаю, что потом с ними стало.

– Почему ты этим занимался?

– Хороший дом, вкусная еда, девушки. Достаточный повод?

– Ты отвратителен, – с омерзением сказала Ушка.

– Я знаю, – ответил Зубогрыз, – зная, что происходит на самом деле, я создавал ложь, иллюзию, обман.

– И почему ты здесь? – спросила зайчиха, – понял, что больше так не можешь?

– Нет, девочка, – слабо улыбнувшись, ответил Зубогрыз, – меня устраивала моя роскошная жизнь. Роскошная, разумеется, если сравнивать её с вашей. Я совершил оплошность: в одном репортаже в кадр попал двойник Мудрокрыса, я этого не заметил и пустил репортаж в эфир. Другие сотрудники тоже этого не заметили, или сделали вид, что не заметили,

ведь многие метили на моё место. Я успел сбежать. Думаю, что теперь я в розыске.

– Что-то я ничего такого не помню, – сказал Красноклык.

Зубогрыз пожал плечами и равнодушно ответил:

– Да там этот двойник всего на пару секунд в кадре появился и то на заднем фоне.

– Слушайте, вот вы говорите, что выдумывали новости, – с жаром сказал Красноклык, – вы сказали, что никаких ракет нет, но ведь мы видели их на параде!

– Это были муляжи. В Межречке не осталось никого, кто мог бы создать нечто подобное.

– Почему? – спросила Ушка.

– Все, кто успел, уехали, а сами крысы не могут ничего создать, они умеют только паразитировать и пользоваться результатами чужого труда. Всё, до чего дотягиваются их лапы, превращается в гниль.

– Они уехали за стену?

– Да, девочка, – ответил на вопрос Ушки Зубогрыз, – они уехали за стену.

– Но ведь там враги и значит они предатели! – воскликнул Красноклык.

– Враги и предатели управляют Межречкой, мальчик.

– Но ведь они хотят нас захватить! – не унимался Красноклык.

– Захватить? Нас? – с лёгким смешком спросил Зубогрыз, – ты сам-то в это веришь?

– Да я даже не знаю, – смущённо ответил лис.

– Знаете, откуда здесь столько мусора? – неожиданно спросил Зубогрыз.

– Нет, – ответила Ушка.

Острозубка отрицательно покачала головой.

– Весь этот мусор из-за стены, его привозят из тех стран, где живут враги, мечтающие свергнуть нашего великого лидера. Этот мусор ядовит и на его переработку уходит очень много ресурсов, поэтому его везут сюда, чтобы ваши родители перебирали его вручную и умирали раньше положенного времени. То, что не подходит для переработки, просто сжигают, отравляя всё вокруг. Думаю, вы заметили, что все деревья в этом лесу или уже умерли или умирают.

– Тогда почему мы ещё живы? – спросила Ушка.

– Вы не пьёте дождевую воду.

– Да, – согласилась Ушка, – когда начинается дождь, нам не разрешают выходить. Мы иногда в школе до вечера сидим, а иногда дома остаёмся.

– Превращая Межречку в огромную свалку, крысы зарабатывают огромные, просто чудовищные деньги. Они покупают себе дома за стеной, а здесь живут в специальных, накрытых защитными куполами поселениях с системой очистки воздуха. А вам говорят – враги! Эти враги – их самые лучшие друзья.

– В это сложно поверить, – сказала Острозубка.

– Верить или нет – дело твоё, но это правда.

– А я тебе почему-то верю, – сказала Ушка, – просто теперь всё становится на свои места.

– Ты о чём? – спросил Красноклык.

– Вот смотри – нам всё время говорят, что кругом враги, которые хотят нас извести, но они до сих пор этого не сделали; нам говорят, что жизнь улучшается, но год из года мы жрём белковый порошок, грибы и траву. А свобода? Нам говорят, что мы живём в самой свободной стране, но из-за любого неосторожного слова можно попасть на допрос к крысам. Помнишь, Острозубка, как на тебя учитель разозлился, когда ты спросила, почему в Совете советников одни крысы и три грача?

– Помню, – ответила Острозубка, – он так на меня шипел, что у меня лапы подкашивались.

– А почему ты так спросила? – спросил Зубогрыз.

Немного помявшись, Острозубка ответила:

– Он, ну это, рассказывал, что во всех странах существуют кланы, захватившие власть. Они никому не дают пробиться наверх, и только в Межречке любой гражданин своим трудом и талантом может добиться всего. Даже стать главой государства, как это сделал наш великий лидер. Ну, я руку подняла и спросила: а почему тогда у нас правят одни крысы, и нет ни зайцев, ни мышей, ни котов? Он весь задрожал, затрясся, так что я даже подумала, что сейчас набросится. Подошёл ко мне и как начал шипеть!

– И что он сказал?

– Что крысы самые способные к управлению, а другие не проявляют достаточного усердия. В других странах кто только не руководит, и от этого один бардак и разруха, а у нас порядок и стабильность.

– И всё благодаря крысам, – добавил Зубогрыз.

– Да, так и сказал, – кивнула Острозубка, – и за эту стабильность мы, если понадобится, будем сражаться.

– Никто ни за что не будет сражаться, ведь всех всё устраивает. Крыс устраивает то, что они добрались до самых вершин власти, а других лидеров устраивает то, что им не нужно думать о том, что делать с опасным мусором. Все в выигрыше!

– Кроме простых граждан, – мрачно сказала Ушка.

– А ваша жизнь на самом деле никого не волнует, – ехидно сказал Зубогрыз, – вам дают ровно столько, чтобы вы не сдохли с голоду и могли работать. Кстати, знаешь, откуда берётся этот самый белковый порошок и грибы, которыми вас кормят?

– Ещё витамины дают, – вставил слово Красноклык.

– Да, я знаю.

– Откуда? – спросила Ушка.

– Пищевой мусор, дерьмо, ваши трупы.

– Что? – хором спросили Ушка, Острозубка и Красноклык.

Зубогрыз грустно посмотрел на них и медленно произнёс:

– Это всё отличная пища для опарышей. Их промыва-

ют, сушат и перемалывают. Я был на такой фабрике. Грибы и траву, кстати, тоже выращивают на всём этом. Это единственное, что производят в Межречке.

Острозубка, вспомнив, как ела в обед белковую кашу, опёрлась лапой о дерево и её вырвало.

– Что, теперь не сможете ничего есть? – спросил заяц.

– А что едят крысы? – спросила Ушка.

– То, что привозят из-за стены. Я тоже когда-то ел то же, что и они, но я был исключением. Полагаю, что они учли свою ошибку, и теперь на моём месте сидит какой-нибудь крыс. Скоро крысы и от грачей избавятся.

– Мы сегодня видели барсука, который ловил червей в ручье, – задумчиво сказала Острозубка, – он так кричал, когда я к нему подошла.

– Я видел его, – сказал Зубогрыз, – не знаю, как его зовут, но он уже несколько недель бродит по лесу.

– А он этих червей ловил, чтобы есть?

– Я тоже так делаю, – ответил заяц, – они почти такие же, как опарыши. Их нужно вычистить, два раза прокипятить и слить воду. Пахнут мерзко и на вкус отвратительно, но есть можно.

Острозубку снова затошнило.

– Видели бы вы, как опарышей выращивают, вам бы эти черви милыми показались.

Мышка не сдержалась и отвернулась.

– А кто на этих фабриках работает? – спросила Ушка.

– Приезжие, – ответил Зубогрыз, – они не разговаривают по-нашему. Им всё равно, что есть, поэтому они питаются теми же опарышами. Такие маленькие зверьки, мне по пояс, похожие на мышей.

– Уже темнеет, – заметила Ушка, – надо домой идти.

– Комендантский час так и не отменили? – спросил Зубогрыз.

– Нет.

– Тогда идите. Хотя нет, подождите! Ответьте мне на один вопрос и оставьте пару сигарет.

Ушка протянула ему две сигареты и спросила:

– Какой вопрос?

– Зачем вы таскали хворост?

Ушка переглянулась с Красноклыком.

– Скажи ему.

– Это топливо, – тихо, как будто за ними следили, сказал лис, – мы уже почти сделали воздушный шар и хотим улететь отсюда куда-нибудь.

– Это та корзина в сарае метрах в ста отсюда? Там ещё рядом какие-то верёвки и куча тряпок.

– Да, – ответил Красноклык.

Зубогрыз улыбнулся.

– Вы бы никуда на этом не улетели. Кто это придумал?

– Чешуйка, но его здесь нет, – смущённо ответила Острозубка.

– Передайте вашему другу, что для воздушного шара нуж-

ны другие материалы, да и того, что я видел, явно мало для четверых. Хотя сама схема рабочая.

Он несколько секунд помолчал и добавил:

– Даже если бы вы построили настоящий воздушный шар, вы бы никуда не смогли улететь.

– Почему? – спросила Ушка.

– Грачи вас бы быстро сбили.

– И что же нам теперь делать? – чуть не плача, спросила Острозубка.

– Живите, как жили и никуда не суйтесь. А теперь бегите домой, а то уже и в самом деле темнеет.

– До свидания, – попрощалась Ушка, сунула топор в рюкзак и пошла к дому.

– До свидания, – вместе сказали Острозубка и Красноклык и поспешили за зайчихой.

Они нагнали Ушку, и Острозубка увидела, что та плачет.

– Ты плачешь?

– Какие мы всё-таки наивные дурачки, – прошептала зайчиха.

Острозубка попрощалась с Ушкой и пошла домой. Бабушка, как всегда, сидела на кухне и дремала, по телевизору шла очередная передача про какую-то беременную школьницу из маленького городка. Мышка взглянула на часы – на них было без трёх минут девять.

– Успела, – тихо, чтобы не разбудить бабушку, прошепта-

ла Остроzubка.

После девяти часов вечера несовершеннолетним было запрещено выходить из дома. Для взрослых комендантский час начинался с одиннадцати, а ночью по улицам могли ходить лишь полицейские и сотрудники спецслужб. Даже врачам требовалось особое разрешение.

Остроzubка взяла пачку белкового порошка, но, вспомнив, как и из чего его делают, почувствовала новый приступ тошноты и поставила порошок обратно в шкаф.

По телевизору снова заиграла тревожная музыка и на экране появилась молодая крыска.

– СРОЧНО! СОВЕТНИК ЧЕРНОКРЫЛ АРЕСТОВАН ПО ПОДОЗРЕНИЮ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИЗМЕНЕ! ДРУГИЕ СОВЕТНИКИ ИЗ НАРОДА ГРАЧЕЙ В СРОЧНОМ ПОРЯДКЕ ПРОВЕРЯЮТСЯ НА ПРИЧАСТНОСТЬ К ЗАГОВОРУ! УЖЕ ПЯТЬ АРЕСТОВАННЫХ! ВЕЛИКИЙ ЛИДЕР МУДРОКРЫС ВЫРАЗИЛ ОБЕСПОКОЕННОСТЬ В СВЯЗИ С ТЕМ, ЧТО ИЗМЕНА ПРОКРАЛАСЬ В РЯДЫ БЛИЖАЙШИХ СТОРОННИКОВ И ВЫСШЕГО РУКОВОДСТВА СТРАНЫ!

На экране появился Чернокрыл, которого держали под лапы-крылья два сотрудника спецслужбы в масках и без знаков различия. Кончик клюва грача был сломан, на лице не хватало перьев.

– Я вступил в контакт с нашими врагами шесть лет назад, – плача, каялся Чернокрыл, – всё это время я передавал

агентам иностранных спецслужб данные о состоянии здоровья нашего великого лидера Му...

Крыс ударил его в бок и сказал, смотря в камеру:

– Предатель не имеет права произносить имя нашего великого лидера!

Чернокрыл вытер сломанный кончик клюва о грудь и продолжил каяться:

– Ещё я сообщал о маршрутах передвижения великого лидера, передавал данные о новейших разработках в области вооружений.

– Что они тебе обещали? – грозно спросил крыс.

– Они обещали, что, когда великого лидера свергнут, мне будет дана полная свобода для удовлетворения моих извращённых фантазий, шестьдесят миллионов голдов, дворец на берегу Среднего моря и право нарушать закон.

– То есть, даже за убийство ты не понёс бы никакого наказания?

– Да.

– В чём заключались твои извращённые фантазии?

– Я люблю насиловать маленьких детей, расклёвывать их на куски и есть.

Крыс повернулся в сторону камеры.

– Суд над предателем состоится завтра утром, – сказал он, – иногда я жалею, что наш великий лидер Мудрокрыс отменил смертную казнь.

На экране появилась ведущая новостей.

– Я тоже иногда сожалею об этом, – быстро сказала она, – милость нашего великого лидера поистине не поддаётся моему разуму.

Острозубка не верила своим глазам и ушам.

– Он ведь говорил, – прошептала она, – он ведь говорил, что крысы избавятся от грачей.

– Кто говорил?

Острозубка обернулась и увидела соседку.

– Кто говорил тебе про грачей? – спросила ежиха.

– Никто, – испуганным голосом ответила Острозубка.

– Хорошо, – сказала ежиха и ушла в свою комнату.

Через пятнадцать минут к их дому подошли трое полицейских в чёрной форме. Они поднялись на второй этаж, выбили дверь в комнату и увели Острозубку на допрос.

Соседка вызвала их по телефону, находившемуся на каждом этаже каждого дома и по которому можно было позвонить только на один номер.

Полицейский участок находился в пятнадцати минутах ходьбы от дома Острозубки. Это было длинное двухэтажное здание из красного кирпича, крытое листовым железом и окружённое высоким забором с двустворчатыми воротами.

Крысы постучали в ворота, и открылось небольшое окошко, в которое выглянула заспанная морда.

– Да? – сварливо спросила морда.

– Открывай, Кровохвост, – сказал полицейский.

– А, это та, про которую звонили?

– Она самая.

Раздался лязг отодвигаемого засова и ворота раскрылись.

– Пошла, – презрительно сказал крыс, ткнув Остроzubку в спину.

От толчка мышка налетела на Кровохвоста, который, грубо отшвырнув её в сторону, хихикнул и язвительно сказал:

– Припишите ей ещё нападение на сотрудника. Вы же всё видели?

– Видели, – подтвердили крысы, – обязательно занесём в протокол задержания. Поднимайся!

Остроzubка встала и, дрожа от страха, взглянула на представителей власти.

– Вперёд.

Во дворе полицейского участка стояли три автомашины, предназначенные для транспортировки задержанных к местам перевоспитания: огромные железные коробки на шести цельнолитых колёсах, передвигающиеся на паровом ходу, из-за чего задержанные во время пути буквально задыхались от жары, ведь вентиляции предусмотрено не было. Об этих коробках ходили страшные слухи: рассказывали, что были случаи, когда задержанные запекались заживо, а один раз котёл просто взорвался и те, кто не погиб от осколков, сварился в кипятке, и выжили лишь крысы, находившиеся в момент взрыва в кабине.

Внутри полицейский участок выглядел, как обычное административное здание: длинные коридоры, покрытые пла-

стиком полы, жёлтые стены, двери многочисленных кабинетов, тусклые лампы, светившие мертвенным бледным светом.

На двери каждого кабинета была надпись.

СТАРШИЙ ПОМОЩНИК МЛАДШЕГО ЗАМЕСТИТЕЛЯ НАЧАЛЬНИКА УЧАСТКА ПО ИДЕЙНО-ДУХОВНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.

ГЛАВНЫЙ СЛЕДОВАТЕЛЬ ПО ДЕЛАМ ХИЩЕНИЙ БЕЛКОВОГО ПОРОШКА.

СТАРШИЙ УПОЛНОМОЧЕННЫЙ ПО ВОПРОСАМ ПРОВЕДЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРАЗДНИКОВ.

ПЕРВЫЙ ЗАМЕСТИТЕЛЬ НАЧАЛЬНИКА УЧАСТКА ПО ВЫЯВЛЕНИЮ НЕБЛАГОНАДЁЖНЫХ.

НАЧАЛЬНИК ОТДЕЛА ПО ВНЕДРЕНИЮ ИДЕАЛОВ КРЫСЯТНИЧЕСТВА.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ УЧАСТКОВОГО ОТДЕЛЕНИЯ ПАРТИИ «НЕДЕЛИМАЯ РОДИНА».

ЗАВЕДУЮЩИЙ УЧАСТКОВЫМ МУЗЕЕМ ВЕЛИКОГО ЛИДЕРА МУДРОКРЫСА.

ПОСТАНОВКА ГРАЖДАН НА УЧЁТ.

СНЯТИЕ ГРАЖДАН С УЧЁТА.

КАРТОТЕКА.

ФИЛЬМОТЕКА.

ДОГОВОРНАЯ.

ДОПРОСНАЯ.

Острозубку завели в допросную.

– Садись, – приказал Крыс, указывая на железный табурет у стола, – сейчас с тобой будут разговаривать.

Он вышел, и Острозубка осталась одна. Оглядевшись, она увидела на стенах допросной засохшие бурые пятна. Точно такие же были на полу, столе, даже на потолке.

«Это кровь, – догадалась мышка, – точно кровь».

– Симпатичная? – послышался из коридора громкий хриплый голос.

Вошёл толстый крыс в мятой чёрной форме с засаленными рукавами и большим жирным пятном на груди. Он грузно сел напротив Острозубки, положил на стол папку и уставился на мышку маленькими чёрными глазами.

– Имя.

– Острозубка.

– Где проживаешь?

– Цветочный квартал, дом три, комната одиннадцать.

– Где родители?

– Вчера утром ушли на суточную смену.

– Учишься в школе?

– Да, в десятом классе.

Крыс взял папку, раскрыл и начал читать:

– Сегодня, в двадцать один час четыре минуты от анонимного свидетеля...

– Её зовут Червежуйка, – перебила Острозубка.

Крыс со злобой посмотрел на неё и прошипел:

– Не перебивай. От анонимного свидетеля поступил зво-

нок, где сообщалось, что некая Остроzubка, в частной беседе, сообщила, что знает кого-то, кому было заранее известно об аресте бывшего советника Чернокрыла. Это так?

Отпираться было бесполезно, поэтому Остроzubка кивнула и прошептала:

– Да.

– Я не слышу.

– Да, – громко сказала Остроzubка.

– Хорошо. При доставлении в участок задержанная совершила нападение на старшего помощника дежурного, офицера при исполнении, порвала форменное обмундирование и причинила ему серьёзную психологическую травму. Справка о психологической травме прилагается.

Он вытащил из папки бумагу с печатью, показал её мышке и положил обратно.

– Всё было не так, – испуганно прошептала Остроzubка.

– Полицейские пишут показания, – равнодушно сказал крыс, – офицер Кровохвост уже написал заявление, медицинское освидетельствование я тебе показывал.

– Так быстро?

– Наши полицейские врачи самые лучшие в мире, – ответил крыс, – чтобы поставить правильный диагноз, им нужно меньше минуты! И всё это благодаря уникальной системе высшего медицинского образования, созданной под руководством нашего великого лидера, гениального Мудрокрыса!

Он достал сигарету, закурил и выпустил в лицо Острозубке струю дыма.

– А теперь отвечай: кто тебе сказал про грачей?

Дым попал мышке в глаза, и она прослезилась.

– Слёзы это вода, – ехидно сказал крыс, – если ты хочешь меня разжалобить, то у тебя ничего не получится. Отвечай!

Шмыгнув носом, Острозубка сказала:

– Я гуляла в лесу и встретила старого безумного зайца.

– Как его звали? – быстро спросил крыс.

– Он не назвался.

Крыс встал, открыл дверь и что-то сказал полицейскому, сторожившему снаружи.

– Ты была одна? – спросил крыс, вернувшись на место.

– Да.

– Очень подозрительно, очень. Что такая девочка, как ты, может делать в лесу?

– Я просто гуляла после школы, – ответила мышка, – дышала воздухом.

Крыс улыбнулся.

– Дышать воздухом не преступление, но я тебе не верю.

В дверь постучали.

– Войди!

Вошёл полицейский и положил на стол папку.

– Свободен.

Толстый крыс раскрыл папку и стал показывать Острозубке фотографии зайцев.

– Этот? Этот? Этот? Этот? Этот?

Острозубка отрицательно качала головой.

– Точно?

– Простите, но эти зайцы молодые, а тот был старый, облезлый, с оторванным ухом, – ответила мышка, – ещё он сильно кашлял.

Крыс задумался, прикусив нижнюю губу зубами.

– Так-так-так, – пробормотал он, – ухо, старый...

Выхватив из папки фотографию, он протянул её Острозубке.

– Этот?

На фотографии был молодой Зубогрыз с целыми ушами.

– Вроде он, – сказала мышка.

Крыс посмотрел на неё алчным взглядом.

– Знаешь, кто это?

– Нет.

– Это Зубогрыз, – сказал крыс, – один из самых мерзких, отвратительных, презренных предателей! Он пользовался доверием нашего великого лидера, обманывал его многие годы и лишь счастливый случай помог вычислить эту тварь! Но он ухитрился сбежать и вот он объявился! Я поймаю его, я поймаю его и получу личную благодарность нашего великого лидера! Где конкретно ты видела его?

– На берегу Гнилушки, – ответила Острозубка, – рядом с тем местом, где в неё впадает ручей.

– Я знаю, где это, – кивнул крыс, – ты благоразумная де-

вочка, но ты совершила нападение на офицера. Зачем ты это сделала?

– Меня толкнули, – ответила Острозубка.

– Не ври, девочка, – усмехнувшись, сказал крыс, – никогда не ври, а то будет только хуже.

– Но я не вру, – со слезами на глазах прошептала мышка, – меня действительно толкнули.

– Лгунья! – крикнул крыс.

Он поднялся со стула, вразвалку подошёл к Острозубке, взял её за подбородок и прошептал:

– Маленькая лгунья...

Острозубка чувствовала на своём лице горячее, влажное дыхание крыса.

– Позовите офицера Кровохвоста! – крикнул крыс, обрызгав мышку слюной.

Меньше, чем через минуту, пришёл Кровохвост с листом бумаги.

– Я всё написал, – сказал он и уставился на Острозубку жадными глазками.

Толстый крыс отпустил подбородок мышки и со всей силы ударил её по лицу. Острозубка слетела со стула и упала на пол, схватившись за разбитую губу.

– Ты первый, – сказал ударивший мышку крыс.

Кровохвост подошёл к Острозубке, схватил её за шкурку, положил на стол и начал срывать одежду.

– Люблю молоденьких мышек, – прохрипел он.

Толстый крыс достал сигарету и закурил...

...Прижимая к груди порванную одежду, Острозубка дошла до своего дома, поднялась на второй этаж и зашла в комнату с выбитой дверью.

На кухне работал телевизор, перед которым, как обычно, спала бабушка, слышался храп Червеедки, заснувшей с чувством выполненного долга, с первого этажа доносился плач и чьё-то ворчание.

После Кровохвоста был толстый крыс, потом снова Кровохвост, а после ещё трое.

Выкинув мышку за ворота, крысы рассмеялись.

– Заявление на тебя мы оставим на память, – сказал Кровохвост, – вдруг пригодится?

Оно и в самом деле могло пригодиться – дела о нападениях на представителей власти не имели срока давности и могли быть рассмотрены даже через много лет. Крысы этим пользовались и фабриковали дела в огромных количествах, заставляя подозреваемых шпионить, лжесвидетельствовать или оказывать определённые услуги.

Острозубка села на пол у окна и, уткнувшись лицом в разорванную кофточку, заплакала, поняв, что теперь она полностью в их власти.

Сказав Красноклыку и Чешуйке, что им нужно поговорить наедине, Острозубка и Ушка на большой перемене отошли вдвоём за старый сарай, и мышка рассказала зайчихе,

что произошло ночью.

– Это ужасно, – прошептала Ушка и обняла подругу, – ты как?

Всхлипывая, Острозубка ответила:

– У меня до сих пор кровь идёт. Пришлось даже у мамы вату взять. Что я им сегодня скажу, когда со школы приду?

– Ничего не говори, – уверенно ответила Ушка, – может быть ещё хуже.

– А эта, когда меня с утра увидела, аж онемела. Она ведь наверняка думала, что я уже не вернусь. Слушай, Ушка, а ведь они мою дверь выбили, так что мне придётся рассказать!

– Ну, ты всего-то не рассказывай. Как бабушка?

– Знаешь, мне кажется, что она уже ничего не соображает, – ответила Острозубка, – сидит, смотрит телевизор целыми днями. Иногда даже в туалет забывает сходить.

– Моя бабушка за месяц перед смертью стала голая ходить, – сказала Ушка, – даже на улицу.

– Я помню, – прошептала Острозубка и поморщилась, – как у меня всё болит!

– Ещё бы. Эти крысы к нам и в самом деле, как к скоту относятся.

– Как ты думаешь, они найдут Зубогрыза? – спросила мышка.

– Скорее всего. О, смотри!

Ушка вытянула вверх правую лапу.

– Точно в лес полетели!

Острозубка задрала голову вверх и увидела, что в метрах в тридцати над землёй медленно летит воздушный шар с двумя крысами.

– В сторону леса полетел, – сказала Острозубка.

– Да, а остальные крысы пешком идут.

– Эй, – раздался голос Красноклыка, – вы идёте?

– Да.

Урок физического развития проходил во внутреннем дворе школы.

Учитель, жирный кот по имени Когтемур, раздал ученикам по паре метательных ножей.

– А теперь, дети, метайте их, – урчащим голосом сказал он, указав на деревянный щит с изображением врага – толстого зверя со свисающими из носа зелёными соплями. В каждой лапе зверь держал по обезглавленному крысёнку. В облике зверя можно было увидеть черты ежа, зайца, голубя, ящерицы и лишь от крысы в нём не было ничего.

Ушка вышла вперёд и, взяв в каждую лапу по ножу, одновременно метнула. Ножи вошли в оба глаза врага и Когтемур восхищённо заплодировал.

– Молодец, молодец, Ушка! Замечательно! Я должен открыть вам небольшой секрет, дети.

Он улыбнулся и оглядел учеников.

– Наша Ушка, – учитель сделал паузу и выдохнул, – наша Ушка будет участвовать на соревнованиях в честь парада и

увидит нашего великого лидера!

Кривоглазка на этих словах громко захлопала, подошла к зайчихе и, глядя ей в глаза, сказала:

– Поздравляю, Ушка! Это такая честь!

Ученики по очереди подходили к зайчихе и поздравляли, а Когтемур даже обнял.

– Какое же всё-таки внимание наш великий лидер уделяет физическому развитию молодёжи, – взволнованно сказал учитель, глядя Ушке в глаза и поглаживая её чуть пониже спины, – ведь любой ученик, приложив усилия и старание, может выступить на международных соревнованиях. Раньше такого не было!

Ученики начали перешёптываться, и Когтемур, заметив это, отошёл от зайчихи.

– Ладно, продолжим.

Ученики по очереди метали ножи, но успех Ушки повторить никому не удалось, а Кривоглазка так вообще упала в грязь и испачкалась.

Когда настала очередь Острозубки, она попыталась представить вместо врага толстого крыса, метнула нож, но он отскочил от щита и упал на землю. Со второй попытки произошло то же самое.

– Вот именно поэтому, дети, во всех специальных службах работают только крысы, – многозначительно сказал Когтемур, – они на генетическом уровне предрасположены к метанию ножей, стрельбе, отлову преступников! В других стра-

нах этого не учитывают, и от этого у них высокий уровень преступности, коррупция, безработица и падение нравов! С природой шутки плохи, а природа уже давно определила, кому управлять, а кому заниматься другой полезной работой! Но помните, дети, что управлять – самое трудное, ведь тот, кто управляет, несёт ответственность не только за себя! Крысы – лучшие управленцы, предназначенные самим мирозданием, а наш великий лидер Мудрокрыс является самым гениальным крысом, когда-либо появлявшимся на свет!

Кривоглазка захлопала в лапы. Остальные ученики, чтобы не попасть на беседу к директору, который, как бы это не выглядело банальным, был старой крысой, тоже зааплодировали, хоть и без особого энтузиазма.

– Чудненько, – продолжил Когтемур, – как же замечательно обновить в памяти высокие истины крысятничества, единственно правильной и научно подтверждённой теории управления государством!

Острозубка почувствовала, что у неё кружится голова. Она пошатнулась и, чтобы не упасть, схватилась за лапу Ушки.

– Что с тобой? – нагнувшись к ней, спросила зайчиха.

– Голова кружится.

– Что там у вас? – обеспокоенно спросил Когтемур.

– Голова закружилась, – ответила Ушка.

– Ой, как нехорошо, – всплеснув лапами, воскликнул кот, – отведи подругу к врачу, Ушка, чтобы не было, как в

тот раз.

Он имел в виду случай, произошедший в прошлом учебном году, когда один из учеников, худенький лемминг, умер после пробежки и, хотя и учителям, и директору, и полицейским было на это наплевать, бумаг пришлось оформлять целую папку, а руководство школы даже вызывали в министерство. Крысы вообще любили заниматься бюрократией, составлением поручений, отчётов, предписаний, да и компрометирующая бумажка о том, что лемминг умер на уроке Когтемур, была для кота ещё одним поводом вести себя лояльно.

Ушка взяла Острозубку под лапу и повела в кабинет школьного врача, находившийся почему-то в подвале.

– Говорят, когда-то предки Когтемура крыс ловили и ели, – тихо сказала Ушка, когда они спустились в тёмный коридор, по стенам которого ползали жирные слизни, – а он их так расхваливает, что даже противно.

– Мышей они тоже ловили, – слабым голосом ответила Острозубка, – я не думаю, что Когтемур верит в то, что говорит.

– Почему?

– Уж очень он старается.

– Да, ты права, – сказала зайчиха, – это видно.

– А ты действительно сильно изменилась, – сказал Острозубка, – совсем недавно молчаливая была, а со вчерашнего дня другой стала.

– Я не хочу на эти соревнования.

– Тебе придётся.

– Я знаю, но это не отменяет того, что я на них не хочу.

Постучавшись, девочки вошли в помещение с низким потолком, уставленное шкафами, стеллажами, тумбочками, стульями, а в углу даже было разобранное гинекологическое кресло. Это больше походило на склад, чем на кабинет врача и, в принципе, этим самым складом и являлось, потому, как сюда стаскивали всё ненужное.

– Эй, есть тут кто? – громко спросила Ушка.

Раздалось шуршание, и из кучи сложенных матрасов и одеял высунулась взъерошенная голова с заспанными глазами.

– Есть, конечно, – сказала голова, – я всегда есть. Здесь есть я. Всегда.

Старая мышь в рваном сером халате вылезла из-под одеял, скатилась на пол, вскочила на ноги, отряхнулась и уставилась на девочек мутными глазами.

– Да? Что пришли? Колею докопали? А если проверю? Вы, молодые, все живёте неправильно! Эх, помню, как мы пиво пили на юге у моря! Неужели война? Великий лидер всех победит! Сколько сейчас стоит зерно? – затараторила она со скоростью швейной машинки.

– Ей плохо, – сказала Ушка, кивнув на Острозубку.

Мышь склонила голову набок, цокнула языком и, быстро подскочив к Острозубке, зачем-то сунула ей в рот грязный

палец.

– Зубы хорошие, да! Зубики очень хорошие! Такими зубками очень хорошо перегрызать что-нибудь! Или кого-нибудь! Ха!

– Она плохо себя чувствует, – повторила Ушка.

Врач достала из кармана печать, подышала на неё и, взяв со стола грязный лист бумаги, несколько раз приложила его к печати.

– Вот и всё! Есть бумага, нет болезни! Нет бумаги, есть болезнь! Ха! А вы точно не знаете, сколько нынче стоит зерно?

– Нет, – ответила Ушка.

Она взяла у неё пустой лист, на котором не было даже следа от печати, сложила его и убрала в карман.

– У неё голова кружится очень сильно, – сказала зайчиха.

Врач посмотрела на неё мутными глазами и заплакала.

– Это плохо, это очень плохо, но такое бывает, когда не ешь достаточно зерна.

Она сунула лапу в карман и достала упаковку маленьких жёлтых таблеток.

– Нам их давали, когда мы были ещё совсем молодыми.

Взгляд мыши на какое-то мгновение стал осмысленным. Ушка взяла таблетки, попыталась прочитать название, но его было невозможно разобрать, а мышь, словно потеряв к ним всякий интерес, отвернулась и полезла обратно под одеяла.

– Интересно, что за таблетки она дала? – спросила Ушка.

Острозубка взяла у неё упаковку и слабым голосом сказала:

– Мне всё равно, если честно. Думаю, что хуже уже не будет. Слушай, а ведь в прошлый раз, когда мы здесь были, она вроде нормальная была.

– Она и сейчас временами нормальная бывает, но только всё реже и реже. Пошли отсюда.

Они вышли в тёмный коридор и поднялись на первый этаж школы, где Острозубка приняла таблетку, запив водой из большого бака.

В это время прозвенел звонок с урока, но никто из учеников в коридор не вышел, ведь на маленьких переменах все оставались в классе, чтобы в тишине и покое обдумать и проанализировать полученные знания.

Девочки вернулись во внутренний двор и увидели, что одноклассники стоят вдоль жёлтой стены, а Когтемур, заложив лапы за спину, расхаживает перед ними.

– Таким образом, наш великий лидер Мудрокрыс, пересмотрев ошибочную политику своих предшественников, принял трудное, но единственно верное решение об отмене пенсий. Да, Пятнощёчка?

Девочка-панда, поднявшая лапу, спросила:

– Но ведь пенсии есть у крыс, советников, полицейских. Почему так?

– Я же уже вроде говорил, – улыбнувшись, ответил Когтемур, доставая блокнот и делая там какие-то пометки, –

управленческий труд и неусыпная работа по обеспечению нашей безопасности требуют много усилий и невероятного напряжения, поэтому, в виде исключения, крысам оставили пенсии. А все остальные, что, между прочим, научно доказано, до глубокой старости сохраняют способность к плодотворной трудовой деятельности. Можете почитать очень познавательную книгу профессора Лживохвоста, тем более что она есть в нашей школьной библиотеке. О, девочки! Ну как, были у врача?

Ушка с Острозубкой встали рядом с одноклассниками и зайчиха ответила:

– Да, господин Когтемур, она выдала справку и дала лекарство.

Когтемур взял у неё листок, повертел его в лапах и, сложив, убрал в свой блокнот.

– А сейчас, дети, мы будем играть в игру! В нашу любимую игру вопрос-ответ! Кривоглазка!

Староста сбегала в кладовку, принесла волейбольный мяч и отдала его коту.

– Начнём! – крикнул Когтемур.

В КАКОМ ГОДУ НАША СБОРНАЯ, НЕ ПРОИГРАВ НИ ОДНОГО МАТЧА, СТАЛА ЧЕМПИОНОМ ПО ЗИМНЕ-МЯЧУ?

– Четвёртый год от прихода великого лидера Мудрокрыса! – громко крикнул Красноклык.

СКОЛЬКО РАЗ ВЕЛИКИЙ ЛИДЕР МУДРОКРЫС ПО-

РАЗИЛ ВОРОТА СОПЕРНИКА В ИГРЕ ПРОТИВ КОМАНДЫ ИЗ СУХОСТЕПИ?

– Двадцать три! – крикнул мальчик-воробей.

КАКОЙ РАЗМЕР СПОРТИВНОЙ ОБУВИ НОСИТ НАШ ВЕЛИКИЙ ЛИДЕР МУДРОКРЫС?

– Сорок шестой!

Пятнощёчка согнулась пополам от страшного удара мячом, который со всей силы кинул в неё Когтемур. Девочка-панда упала на колени, и некоторое время стояла, жадно хватая ртом воздух.

– Сорок шестой с четвертью! – крикнул Когтемур и взял у Кривоглазки мяч.

ПОЧЕМУ НАШУ КОМАНДУ ХОТЕЛИ ОТСТРАНИТЬ ОТ ВСЕХ МЕЖДУНАРОДНЫХ СОРЕВНОВАНИЙ?

– Из-за ненависти к нашему великому лидеру! – ответил Красноклык.

ЧЕМ ОТВЕТИЛ НАШ ВЕЛИКИЙ ЛИДЕР МУДРОКРЫС ЭТИМ ЛЖИВЫМ И МЕРЗКИМ ВРАГАМ?

– Мы стали проводить свои соревнования с самыми передовыми и процветающими странами, – ответил Чешуйка.

В КАКОМ ВИДЕ СПОРТА НАШ ВЕЛИКИЙ ЛИДЕР МУДРОКРЫС СТАЛ ПРИЗНАННЫМ ЧЕМПИОНОМ?

– Во всех, в которых принимал участие! – торжественно крикнула Кривоглазка.

ПОЧЕМУ ОН БОЛЬШЕ ЛИЧНО НЕ ПРИНИМАЕТ УЧАСТИЯ В СОРЕВНОВАНИЯХ?

– Великий лидер скромнен и хочет дать шанс на золотые медали другим, – ответил мальчик-енот.

СКОЛЬКО ПРОЦЕНТОВ ГОРМОНА МУЖЕСТВЕННОСТИ СОДЕРЖИТСЯ В КРОВИ НАШЕГО ВЕЛИКОГО ЛИДЕРА?

– Шестьдесят два, что на сто три процента выше нормы! – ответила девочка-ежиха.

Удар мяча впечатал её в стену.

– Шестьдесят один и девять десятых! Сто три и четыре десятых! Это же так просто!

В КАКОМ ВИДЕ СПОРТА МЛАДШИЙ СЫН НАШЕГО ВЕЛИКОГО ЛИДЕРА МУДРОКРЫСА, СТАРШИЙ СОВЕТНИК ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ, ДОСТОЙНЕЙШИЙ ХИТРОКРЫС, ВЫИГРАЛ ПРЕСТИЖНЕЙШИЙ ТУРНИР В ПРОШЛОМ ГОДУ, И СКОЛЬКО ЕМУ НА ТОТ МОМЕНТ БЫЛО ЛЕТ?

– Дискоспуск по снегу, – ответила Ушка, – в горах Восточного Травосклона. Достойнейшему Хитрокрысу было двенадцать лет.

– Настоящий талант, правда? Берите с него пример, дети! Всего двенадцать лет, а сумел вырвать победу у самых лучших мастеров дикоспуска! У нашего великого лидера выдающиеся дети!

Дети великого лидера действительно были выдающимися и с самого раннего возраста занимали важные посты в Межречке.

Старший сын, Хвостокрыс, названный в честь дедушки, с шестнадцати лет возглавлял силы правопорядка и был главным полицейским.

Дочь, Красокрыска, возглавляла комитет по культуре, телевидению и печати.

Второй сын, Клыкохвост, курировал образование и науку.

Младший сын, Хитрокрыс, руководил спортом.

На многих важных мероприятиях, вроде многочисленных парадов, дети Мудрокрыса всегда стояли рядом с отцом. Это были стройные, прилизанные крысы с блестящей шерстью, одетые в красивые костюмы. Даже на фоне отца они выглядели выходцами из другого мира, непонятно как оказавшимися в Межречке.

Рассказывали, что Хитрокрыс, когда ему было лет шесть, на одном из парадов расшалился и, подскочив к микрофону, крикнул: «Папа, а почьему оныи такие стряшьнии?»

При этих словах он указал на зрителей, сидевших на пластиковых трибунах с флажками в лапах.

Слова, произнесённые с чудовищным акцентом, слышали все присутствующие, а их было больше пяти тысяч, не считая участвующих в параде крыс. Мудрокрыс оттолкнул сына от микрофона и праздник продолжился.

Разумеется, это были мерзкие слухи, придуманные гнусными врагами (скорее всего, грачами), ведь тот парад показывали по телевизору, в школе и ничего подобного на записи не было.

– Острозубку я спрашивать не буду, – сказал Когтемур, – не думаю, что она в состоянии отвечать.

Острозубка действительно выглядела неважно: мутные глаза, приоткрытый рот, нервно подёргивающиеся щёки. Она переминалась с лапы на лапу и почёсывала ладони друг о друга.

– Что с тобой? – шёпотом спросила её Ушка.

Острозубка, набрав полную грудь воздуха, во весь голос запела:

– Наш лучший друг, наш Мудрокрыс!

Когтемур подхватил, а следом за ним песню запел весь класс.

НАШ ЛУЧШИЙ ДРУГ! НАШ МУДРОКРЫС!

ЗАЩИТНИК ВСЕХ ДЕТЕЙ НА СВЕТЕ!

ВЕЛИКИЙ ЛИДЕР И ОТЕЦ!

ТЕБЕ МЫ ШЛЁМ СВОИ ПРИВЕТЫ!

С ТОБОЙ ПОЙДЁМ МЫ НА ВРАГОВ

И ВТОПЧЕМ В ЗЕМЛЮ ГНУСЬ И ПОГАНЬ!

НАШ ЛУЧШИЙ ДРУГ! НАШ МУДРОКРЫС!

С ТОБОЙ ИДЁМ НОГА МЫ В НОГУ!

Эту немного нескладную песню, больше похожую на марш, сочинил Сухогрыз, счастливый обладатель велосипеда и юный помощник «Неделимой Родины». Песня так понравилась директору, что он заставил всех учеников выучить её наизусть, а на Сухогрыза составил замечательную характеристику, что и помогло ему вступить в организацию.

«Нашего лучшего друга» даже отправляли на конкурс детских песен, и она заняла там четвёртое место, о чём пришла соответствующая телеграмма и грамота. Первые три места заняли крысята.

То, как они пели, слышали во всей школе и, не прошло и минуты, как её подхватили все классы.

ЛУЧШИЙ ДРУГ ВСЕХ ДЕТЕЙ! ВЕЛИКИЙ МУДРО-КРЫС!

ЛУЧШИЙ ДРУГ ВСЕХ ДЕТЕЙ! ВЕЛИКИЙ МУДРО-КРЫС!

– Как же замечательно! Как же замечательно! Нельзя лучше закончить урок!

Когтемур пребывал в восторге: он заламывал лапы, кружился и подпрыгивал, топорщил усы и восхищённо смотрел на детей.

– Я обязательно предложу на ближайшем собрании, чтобы эту чудесную песню пели в конце каждого учебного дня!

Красноклык прошёл за спинами учеников, подошёл к Ушке и тихо спросил:

– Что это с ней?

– Не знаю.

Когтемур взглянул на часы и, подняв лапу вверх, начал считать:

– Десять! Девять! Восемь! Семь! Шесть! Пять! Четыре! Три! Два! Один! Ноль! Урок окончен!

Ученики поклонились учителю, зашли в школу, взяли

рюкзаки и вышли через главный вход.

– Кто первый запел? – спросил Нюхошмыг, куривший на улице.

– Острозубка, – ответила Кривоглазка, раздосадованная тем, что идея с песней пришла не в её голову.

– Острозубка, – прошамкал хорёк, – это мышка такая, да?

– Ага.

Кривоглазка явно не испытывала радости от общения с хорьком, поэтому быстро спустилась по ступенькам и, ни с кем не попрощавшись, побежала домой.

Ушка, держа Острозубку под руку, открыла дверь и вышла на крыльцо. Сзади шли Красноклык и Чешуйка.

– Это ты Острозубка? – спросил Нюхошмыг.

Мышка проямлила что-то невразумительное.

– Да, – вместо неё ответила Ушка, – а что вам от неё надо?

Хорёк сделал удивлённые глаза и, прижав лапу к груди, ответил:

– Мне – ничего, а вот Сухогрыз был очень злой. Пробежал мимо меня буквально минуту назад, сказал, что это его песня и, если он узнает, что кто-то из учеников запел её самовольно, то он с ним разберётся.

– Пусть попробует, – усмехнувшись, сказала Ушка, – я свою подругу в обиду не дам.

Она посмотрела на стоявшую у школы толпу, разглядела в ней бобра и погрозила ему кулаком.

– Ты что делаешь? – робко спросил Чешуйка.

– Да, – согласился Красноклык, – он ведь юный помощник!

– А мне посрать, где он там состоит, – сказала Ушка.

Хорёк, слышавший их разговор, затряс головой и страстно прошептал:

– А вот это правильно! Это правильно, девочка! Не нужно бояться! Не нужно бояться! Никогда не нужно бояться! Они очень хорошо умеют пользоваться страхом!

Ушка, Чешуйка и Красноклык оглянулись и посмотрели на Нюхошмыга, которого трясло так, словно он перекусил электрический кабель. Глаза хорька горели ненавистью, губы покрылись пеной.

– Не надо бояться! – взвизгнул сторож, выкинул недокуренную сигарету и бросился в толпу.

Сухогрыз даже не успел стать в стойку: хорёк прыгнул ему на грудь, обвился вокруг и одним движением челюстей прокусил шейные позвонки.

Бобр упал, несколько раз дёрнул правой лапой и затих, медленно вращая глазами, а хорёк, издав торжествующий клич, огромными прыжками ускакал по дороге.

– А ведь он так радовался своему велосипеду, – грустно сказал Чешуйка.

– Пойдём, посмотрим, что с ним, – предложил Красноклык.

Они спустились и подошли к Сухогрызу. Бобёр неподвижно лежал на боку, и лишь по глазам можно было понять, что

он ещё жив. Некоторые девочки плакали.

– Он ещё живой, – шёпотом сказал Красноклык.

– Это ненадолго, – ответила Ушка.

– Эй, что тут произошло? Почему толпитесь?

Школьники обернулись и увидели директора. Старый тощий крыс, с зачёсанной налево чёлкой и с пенсне на длинной морде, стоял на крыльце и злобно смотрел на них.

– Что у вас тут?

Ребята расступились.

– Это... Это... Это Сухогрыз? – взвизгнул директор, сбегал по ступенькам и подскочил к бобру.

– Да, господин Крысак, – ответила девочка-выдра.

– Что с ним случилось? – спросил директор.

– На него напал Нюхошмыг, господин Крысак.

– Как это произошло?

– Он стоял на крыльце с ними, – указав на Ушку, Остроzubку, Красноклыка и Чешуйку, сказала выдра, – а потом прыгнул на Сухогрыза, прокусил ему шею и ускакал.

Директор повернулся к Ушке и, прищулив левый глаз, спросил:

– О чём вы с ним разговаривали?

– Ни о чём непозволительном, господин Крысак, – ответила Ушка, – Нюхошмыг спросил, действительно ли Остроzubка запела песню, я ответила, что да, а он после этого затрясся и бросился на Сухогрыза.

– И всё?

– Всё.

– Надо было этого Ньюхошмыга на перевоспитание отправить лет пять назад, – сказал директор, – а что с ней?

Он кивнул на Острозубку, которая по-прежнему была явно не в себе.

– Врач ей таблетку дала, господин Крысак, – ответила Ушка, – вот, после этой таблетки она и ведёт себя немного странно.

– Понятно. Надо будет с ней поговорить, чтобы больше не давала несовершеннолетним сильнодействующих препаратов. Ну, а теперь расходитесь по домам! Тут больше нечего смотреть!

Крысак дождался, пока ученики разойдутся, после чего позвал Удоклюва и Кротослепа, чтобы они занесли ещё живого Сухогрыза в школу до прибытия полиции.

По дороге домой, у моста, ребята встретили двоих полицейских, которые, тяжело дыша, волочили за ноги Зубогрыза, которого Ушка, Красноклык и Чешуйка узнали по ушам. Вместо лица у зайца было кровавое месиво, а одежда отсутствовала.

– Соппротивление при задержании, нападение на сотрудников, сквернословие в адрес великого лидера, – остановившись и вытерев пот со лба, сказал толстый крыс, в котором Острозубка, если бы находилась в нормальном состоянии, легко узнала того, кто её вчера допрашивал.

– А с этой что? – спросил второй крыс, указывая на Острозубку.

– Неправильное лекарство дали в школе, – ответила Ушка.

– Неправильное лекарство дали! Нет, ты слышал? – со смехом спросил первый крыс.

– Ага, всем бы такое лекарство давали!

– Ей сегодня в школе плохо стало, – сказала зайчиха, держа Острозубку за плечи.

– С чего бы это? – спросил крыс.

Они засмеялись, отпустили ноги Зубогрыза и сели на корточки.

– Нет, с чего бы, а? – хрюкая и булькая, смеялся крыс.

– Всё же хорошо!

– Эти подростки такие ранимые!

– Ха-ха-ха! Насмешил! Ранимые!

Толстый крыс встал, подошёл к Острозубке, щёлкнул её по носу и прошептал:

– Не стоит быть такой чувствительной.

Мышка клацнула зубами, так что он еле успел отскочить.

– Ты смотри! Нападение при исполнении, – сказал он и погрозил пальцем, – да за это...

Оглянувшись на напарника, он спросил:

– Но мы ведь сегодня добрые?

– Да, – согласился тот.

Крыс повернулся к школьникам.

– Вот так вот, из-за свойственной нам доброты, мы иногда

нарушаем закон, – сказал он, – только никому не рассказывайте, хорошо?

Ребята кивнули.

– А теперь идите домой, – приказал крыс, – и учите уроки.

– На мусорной фабрике вам знания пригодятся, – сказал второй крыс.

Они взяли труп Зубогрыза за ноги и, оставляя после себя кровавую полосу, потащили дальше.

Во дворе Ушка попрощалась с Красноклыком и Чешуйкой и, придерживая Острозубку, повела её домой.

Мама Острозубки, низенькая мышка с усталыми глазами, шла по коридору. Она несколько часов назад пришла со смены, но, в отличие от отца, так и не легла спать, ведь нужно было сменить бельё бабушки.

– Что с ней? – обеспокоенно спросила она, увидев Острозубку и Ушку.

– Ей врач в школе какую-то таблетку дала, – ответила зайчиха.

Из двери выглянула соседка, посмотрела на них и спряталась обратно.

– Похоже на что-то сильнодействующее, – сказала мама, – глаза мутные, не разговаривает. Вам всем такие таблетки дают?

– Нет, – ответила Ушка, – но почти никто к врачу и не обращается. А ещё сегодня наш школьный сторож перегрыз шею одному из учеников.

– Какой ужас! Как его звали?

Она спросила это безо всякого интереса.

– Сторожа или ученика?

– Ученика.

– Сухогрыз.

– А, – равнодушно сказала мама Острозубки, – я знаю его родителей. Эти бобры в прошлом году строили плотину, чтобы перенаправить ручей, который тёк мимо нашего завода. Нам теперь за водой нужно за полкилометра пешком ходить.

– Зачем?

– Не знаю.

За дверью ежихи послышалось шуршание – соседка явно подслушивала, о чём они разговаривают.

Ушка кивнула на дверь и, наклонившись к маме Острозубки, прошептала:

– Это она вызвала крыс.

– Я знаю, Ушка, – печально ответиламышь, – вы с Острозубкой можете ничего не рассказывать, но я догадываюсь, что с ней сделали. А теперь иди, пожалуйста.

Она взяла дочь за руку и отвела в комнату с выбитой дверью.

Ушка подошла к двери ежихи, хотела постучать, но, постояв немного, передумала и пошла домой.

Выйдя во двор, она увидела одноглазого енота с корзиной. Старик шёл по направлению к туалету, приплясывал и что-то тихо напевал.

– Здравствуйте! – зачем-то поздоровалась Ушка.

Енот вздрогнул, остановился и повернулся к ней.

– Это ты мне?

– Вам.

Он повернул голову набок, внимательно посмотрел на зайчиху единственным глазом и, пригнувшись, подошёл.

– А зачем ты со мной поздоровалась?

Ушка и сама не понимала, почему поздоровалась с этим странным персонажем, ведь она даже не знала о нём ничего, кроме имени и того, что он ловит и ест тараканов.

– Я не знаю.

– Если не знаешь, то и нечего было здороваться, – резонно заметил енот.

– А вы за тараканами? – спросила Ушка, так как енот явно не собирался уходить.

Енот улыбнулся и тихо сказал:

– А я видел, как твою подругу уводили крысы.

– Её допрашивали.

– Я знаю, как допрашивают крысы, – грустно сказал енот, – мне жаль твою подругу.

Ушка смотрела на него и не верила, что это тот самый безумец, ещё вчера танцевавший перед туалетом, вспоминавший про какие-то цветы и неизвестную девушку, которой их дарил.

– Откуда? – спросила зайчиха.

Из единственного глаза Полохвоста скатилась одинокая

слезинка.

– Неважно, – ответил он, – кто позвонил крысам?

– Ежиха Червежуйка, – тихо ответила Ушка.

– Я помню её, я помню её мужа, я помню её отца, – прошептал енот, – им всем нужно было родиться крысами.

Грязная дверь открылась и вышла ежиха.

– Это никакие не тараканы, – с безумным блеском в глазу громко сказал Полохвост, сунув корзинку в лицо Ушке, – это живые пирожки! Пирожки! С мясом! Правда, это очень ловкие пирожки, не как те, ленивые, которые я покупал после школы! Эти даже лучше! И всё благодаря нашему великому лидеру!

Он подпрыгнул, повертел над головой корзинкой и, смеясь, убежал.

– Не разговаривай с этим дурачком, – сказала ежиха, – он может быть опасен.

– Все могут быть опасны, – ответила Ушка, – я, вы, Полохвост и даже школьный сторож.

– Нюхошмыг? Да ведь он мухи не обидит!

Ушка посмотрела в хитрые глаза Червежуйки и сказала:

– Он сегодня ученика убил.

Ежиха всплеснула лапами.

– Ах, какой ужас! Какой ужас! Как его звали?

– Сухогрыз, – холодно ответила зайчиха.

Червежуйка покачала головой и, приложив лапы к груди, сочувственно прошептала:

– Бедные родители! Бедные родители! Я ведь их знаю! Такая хорошая семья, а их мальчик хотел пойти в юные помощники!

– Он там и состоял уже несколько месяцев.

– Правда? Не знала. Жаль, очень жаль, что такие талантливые дети погибают.

Она развернулась и заковыляла прочь, причитая:

– Какое горе! Какое горе! Какое горе!

Ушка плюнула ей вслед и прошептала сквозь зубы:

– Лживое дерьмо, чтоб тебя черви заживо сожрали.

Ушка достала сигарету, закурила и долго стояла, пуская дым в серое небо и глядя на воздушный шар, медленно летающий над лесом.

«Чешуйка мечтал построить такой шар. Как же надо хотеть свалить отсюда, чтобы поверить, что такое возможно! Видимо, нам просто было нужно чем-то заняться. Как там это слово? Созидать что-то, а не просто существовать».

Она вспомнила мёртвого Зубогрыза, оставляющего после себя кровавый след и поняла, что ей его совершенно не жалко.

«Нет, он заслужил свою смерть! Это была мразь, лживая мразь! Никого не жалко! Все эти дерьмоеды, визжавшие от счастья, когда Плешекрыс пришёл к власти, голосовавшие за него на выборах, ходившие на крысиные шествия! Это они, они, пожиратели дерьма, украли, помогли украсть мою жизнь, жизнь Острозубки, Красноклыка, Чешуйки! С

их одобрения крысы получили всё, чего хотели! И теперь они молчат, боятся признаться, что это их вина, что больше нет будущего, нет надежды! Мрази! Даже Сухогрыз мог вырасти нормальным, если бы не они».

– Не смотри наверх – там всё равно никого нет! – отвлёк Ушку знакомый голос.

Полохвост, с полной корзиной тараканов, стоял напротив и смотрел на неё единственным глазом. Его одежда была испачкана в дерьме, а из правой лапы текла кровь.

«Как он незаметно подкрался, – подумала зайчиха, – прямо как ласка».

– Где вы поранились? – спросила Ушка.

О том, как он ухитрился испачкаться в дерьме, Ушка предпочла не спрашивать.

«Может, там, в яме, ещё кто-нибудь ползает, и он их ловил, – подумала зайчиха, – черви какие-нибудь, тараканы».

– У некоторых, знаешь ли, есть нехорошая привычка кусаться, – загадочно ответил Полохвост, – а зубы острые, как у молодой куницы!

На тропинке, ведущей из соседнего двора, показалась чья-то маленькая фигура. Приглядевшись, Ушка увидела, что это Кривоглазка. Староста шла, словно пьяная, опустив голову вниз и то и дело спотыкаясь.

Плоскохвост тоже заметил её и крикнул:

– Кривоглазка!

Остановившись, староста подняла голову, посмотрела на

них и Ушка увидела, что она плачет.

– Вы её знаете? – спросила она, удивившись и тому, что енот знает Кривоглазку, и тому, что та вообще умеет плакать.

– Да, – ответил Полохвост, – она очень хорошая девочка, она подарила мне тёплые носки, которые связала из собранной по дому шерсти.

– Что? – спросила потрясённая зайчиха.

– У неё что-то случилось, – не обращая внимания на вопрос Ушки, сказал енот, – что-то нехорошее.

Кривоглазка тем временем подошла к ним.

– Здравствуй, Ушка, – впервые за много лет поздоровалась она с зайчихой, – здравствуйте, дедушка.

– Что случилось, милая? – взволнованно спросил Полохвост, в то время как Ушка закурила сигарету.

Кривоглазка опустила голову и с её длинного носа упали две слезинки.

– Позвонил папа с завода. Его арестовали.

– За что? – спросил енот.

– Там какой-то клапан сломался в аппарате, который сконструировал лично великий лидер Мудрокрыс. Про этот аппарат ещё в новостях год назад рассказывали, помните?

– Да, – ответила Ушка, – а твой папа тут каким боком?

– Он ещё тогда говорил, что этот аппарат ненадёжный, – всхлипнув, ответила Кривоглазка, – но только тогда его никто не стал слушать. А теперь его обвинили в том, что он

намеренно устроил полонку, чтобы доказать правоту своих слов и унижить гений великого лидера. Великий лидер Мудрокрыс не может ошибаться.

Енот сел на корточки и заплакал:

– Бедные дети, бедные дети! Вам-то всё это за что?

Ушка почувствовала, что начинает испытывать омерзение к еноту, относившемуся к тому поколению, при котором крысы пришли к власти.

– Я ведь делала всё, чтобы выглядеть благонадёжной, чтобы ни у кого не возникло сомнений в моей лояльности, – шептала Кривоглазка, – а теперь вот это.

– Ты хорошо старалась, даже я тебя презирала, – сказала Ушка, – я была не права, прости. А вы...

Пересилив отвращение к запаху дерьма, она присела рядом с енотом и с ненавистью сказала:

– Это вы помогли им прийти к власти. Вы помогли им захватить нас. Вы ничего не сделали, когда могли. Вы обрекли будущие поколения, и вам нет прощения.

– Ушка, ты говоришь страшные вещи, – сказала Кривоглазка.

– Я говорю правду, и он это знает.

Енот закивал и поднял на неё измазанное кровью, дерьмом и гноем из глаза лицо.

– Да, ты права, девочка, ты права и я не имею на тебя обижаться, – пошептал он, – правда не может быть обидной, какой бы страшной она не была. Мы не заслуживаем вашего

прощения, но я всё равно прошу тебя: простите нас, ведь нас тоже обманули.

– Нет, я никогда не прошу вас, – холодно сказала зайчиха.

Енот встал и побрёл прочь, забыв корзинку с тараканами.

– И что ты теперь будешь делать? – спросила зайчиха у Кривоглазки.

Та грустно посмотрела на неё и с какой-то обречённостью в голосе ответила:

– Завтра вам объявят, что я больше не староста, потом меня, скорее всего, начнут называть дочерью врага, а дальше я не знаю... Дети врагов обычно отправляются на перевоспитание, только что-то не видела я этих перевоспитавшихся детей. Знаешь, по крайней мере, мне больше не нужно притворяться.

– Мне тоже.

– Ты и так всегда была сама собой, Ушка.

– Нет, Кривоглазка – тебе просто так казалось. Я тоже умею хорошо притворяться.

– Иначе никак.

– Да, иначе никак.

Помявшись, Кривоглазка спросила:

– А у тебя можно попросить сигарету?

– Ты же вроде не куришь.

– Наверное, теперь пора начать.

Ушка достала из пачки сигарету и протянула Кривоглазке. Та вставила сигарету в рот, зайчиха чиркнула спичкой.

– Кгхы-кгхы, – Кривоглазка закашлялась, – как вы это терпите?

– Потом привыкнешь.

Со стороны туалета раздался дикий женский визг, и Кривоглазка от неожиданности выронила сигарету.

Во двор вбежала маленькая выхухоль с вытарашенными глазами, одетая в потёртый халат с огромными заплатками.

– Там! Там!

– Где? – крикнула Ушка.

Выхухоль остановилась и трясущейся лапой указала в сторону туалета.

– Т-т-там, – заикаясь, сказала она, – в туалете.

– Пойду, посмотрю, что её так напугало, – сказала Ушка и пошла через двор.

– Я с тобой.

Они с Кривоглазкой прошли мимо трясущейся выхухоли, подошли к вонючему туалету, на стенках которого виднелись следы от прибитых Полохвостом тараканов, открыли дверь и Ушка вошла внутрь.

Ушка подошла к дыре, заглянула внутрь и оторопела: в пузырящейся жиже, покрытая опарышами, плавала мёртвая Червежуйка. Пасть ежихи была раскрыта, и в ней медленно ползали отвратительные белые черви.

– Фу, – почувствовав, что её сейчас стошнит, сказала Ушка и выскочила на воздух.

– Что там?

– Лучше не смотри.

Кривоглазка всё-таки заглянула внутрь и её вырвало.

– Видела, – спросила Ушка.

– Да, – содрогаясь от ужаса и отвращения, сказала староста.

– Твой друг не так уж добр и прост.

– Ты думаешь, это...

– Полохвост, – сказала зайчиха, – он утопил ежиху, а та успела его укусить. Не зря он был весь испачкан, а из руки кровь текла. Сейчас наверняка вызовут крыс, и нас будут спрашивать.

– Я не хочу, – дрожащим голосом сказала Кривоглазка.

– Мало ли чего ты не хочешь.

– А ты не боишься?

– Нет.

– Почему?

– Я в этом дерьме больше не участвую.

– В каком смысле?

– В прямом. И, если тебя будут спрашивать, знаешь ли ты, кто это сделал, не выдавай енота. Пока!

Ушка, не оборачиваясь, пошла домой.

Наскоро пообедав кашей из белкового порошка, Ушка положила в рюкзак шесть коробков спичек, тёплые носки, связанные из её собственной шерсти, семь пачек сигарет и вышла из дома.

Во дворе двое полицейских расспрашивали Кривоглазку и выхухоль. Увидев Ушку, один из них помахал лапой, приказывая подойти.

– Ушка? – строго спросил он.

– Да, – скривив рот, ответила зайчиха.

Крыс, возмущённый выражением лица зайчихи и наглым тоном ответа, угрожающе уставился на Ушку, положив правую лапу на усмиритель.

– Ты со мной таким тоном не разговаривай! – грозно рявкнул он, – а то мы с тобой быстро разберёмся!

Ушка ничего не ответила. Она оглядела крыс с ног до головы и внезапно поняла, что они бояться! Не зря ведь они держат лапы на усмирителях, готовые в любой момент захватить их и применить по назначению!

«Да они же трусы! Обыкновенные ссыкливые трусы! Стоят с таким грозным видом, а внутри всё дрожит, как у Чешуйки, когда на него мать орать начинает».

Ушку, возвышавшуюся над крысами на полголовы, настолько развеселила эта мысль, что она улыбнулась.

– Ты ещё и улыбаешься? – спросил крыс.

– Да отстань ты от неё, – сказал второй, – надо с этой ежихой дохлой разобраться. Гражданка Ушка, у тебя есть какие-нибудь мысли как это могло произойти? Может, ты кого-нибудь подозреваешь?

– Нет, – ответила зайчиха.

– Гражданка Усокрутка сказала, что видела рядом с туа-

летом енота, некоего Полохвоста. Тебе это имя о чём-нибудь говорит?

Ушка посмотрела на Кривоглазку, смущённо теребившую конец верёвки, подпоясывающую её лёгкую курточку.

«Сказала или нет? Вряд ли».

– Да, – ответила Ушка, – я его знаю. Этот псих каждый день около туалета ошивается. Он тараканов ловит.

– Гражданка Кривоглазка сказала то же самое. Как ты думаешь, он мог убить гражданку Червежуйку?

– Он вроде безобидный, – ответила Ушка, – поёт, танцует, плачет иногда.

– Да не верьте вы им! – крикнула выхухоль, – он это был! Точно вам говорю!

– Двое против одного, гражданка, – улыбнувшись, сказал крыс, – двое против одного!

Крысы переглянулись.

– Несчастный случай?

– Несчастный случай.

Первый крыс повернулся к Ушке и сказал:

– Ты и Кривоглазка можете быть свободны.

– А я? – спросила Усокрутка.

– А вы пройдёте с нами для дачи показаний.

– Зачем? – трясась от страха, спросила выхухоль.

Крыс улыбнулся, взял Усокрутку за лапу и сжал с такой силой, что у той подкосились колени.

– Мы хотим выяснить, зачем и, самое главное, с какой

целью вы пытались подставить несчастного городского умалишённого. Наш великий лидер Мудрокрыс в недавнем выступлении призвал бороться со лживыми доносами.

Увидев, что Ушка и Кривоглазка ещё не ушли, крыс рявкнул:

– Пошли отсюда, пока я не передумал!

Кривоглазка вздрогнула и быстро убежала в сторону дома, а Ушка, пожав плечами, отправилась к Острозубке.

«Надеюсь, что её отпустило, – думала зайчиха, поднимаясь по скрипучей лестнице, – не хотелось бы её на себе тащить».

Острозубка пришла в себя минут через тридцать после того, как ушла Ушка. Действие таблетки прошло быстро, в одну секунду, и мышка с удивлением обнаружила, что почему-то сидит на полу в своей комнате и ничего не помнит. Последним её воспоминанием было то, что они с зайчихой вернулись на урок.

– Какая странная таблетка, – тихо сказала Острозубка, встала и вышла в коридор.

– О, ты пришла в себя! – сказала мама.

– А что со мной было?

– Ушка привела тебя со школы, – ответила мышь, – ты была, как пьяная.

– Ничего не помню. Пить хочу.

– А поесть?

– Нет.

Она прошла на кухню, где, как и всегда, сидела бабушка и смотрела телевизор.

И ВЕДЬ ЭТОТ ПРЕЗРЕННЫЙ ПРЕДАТЕЛЬ ЕЩЁ ВЧЕРА СТОЯЛ ЗДЕСЬ И РАССУЖДАЛ О ВНУТРЕННИХ ВРАГАХ!

Крыс во френче, брызгая слюной, бегал по студии, размазывая лапами.

ЕГО ПОГАНЫЙ КЛЮВ ПРОИЗНОСИЛ ИМЯ НАШЕГО ВЕЛИКОГО ЛИДЕРА!

МЫ ДОЛЖНЫ БЛАГОДАРИТЬ НАШУ ВНУТРЕННЮЮ РАЗВЕДКУ!

А СКОЛЬКО ЕЩЁ ИХ ОКОПАЛОСЬ?

НЕ МОГУТ ЗАВОЕВАТЬ И ПЫТАЮТСЯ РАЗРУШИТЬ ИЗНУТРИ!

НЕ МОЖЕТ БЫТЬ ПРОЩЕНИЯ ЭТИМ МРАЗЯМ!

ВЕРНИТЕ СМЕРТНУЮ КАЗНЬ, ВЕЛИКИЙ ЛИДЕР, Я УМОЛЯЮ ВАС! МЫ ВСЕ УМОЛЯЕМ ВАС!

Камера наехала на зрителей.

МЫ УМОЛЯЕМ ВАС, ВЕЛИКИЙ ЛИДЕР! ВЕРНИТЕ СМЕРТНУЮ КАЗНЬ!

ТАК, ЧТО?

Крыс во френче приложил лапу к уху.

СРОЧНЫЕ НОВОСТИ! ВКЛЮЧАЕМ!

Заиграла тревожная музыка.

– СУД НАД ПРЕДАТЕЛЕМ ЧЕРНОКЛЮВОМ И ДЕСЯ-

ТЬЮ ЕГО СТОРОННИКАМИ СОСТОЯЛСЯ! ПРЕДАТЕЛИ ПРИГОВОРЕНЫ К ПЯТИ ПЕРИОДАМ ПЕРЕВОСПИТАНИЯ! ПО МНОГОЧИСЛЕННЫМ ПРОСЬБАМ ГРАЖДАН В МЕЖРЕЧКЕ ПРОЙДЁТ РЕФЕРЕНДУМ О ВОЗВРАЩЕНИИ СМЕРТНОЙ КАЗНИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ГОСУДАРСТВА!

Бабушка, кивала и шевелила губами, словно повторяла то, что говорил молоденькая дикторша-крыска. Острозубка набрала стакан воды и подошла к ней.

– Бабушка!

Старуха медленно повернулась к ней.

– Бабушка, а сколько раньше было программ по телевизору?

– А? – прошептала та, не понимая вопроса.

– По телевизору раньше сколько программ было?

МЫ ВЕРНУЛИСЬ В НАШУ СТУДИЮ И СЕЙЧАС ОБСУДИМ С ЭКСПЕРТАМИ ПОСЛЕДНИЕ НОВОСТИ!

КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, ПРОГОЛОСУЕТ ЛИ НАРОД ЗА ВОССТАНОВЛЕНИЕ СМЕРТНОЙ КАЗНИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ГОСУДАРСТВА?

Я СЧИТАЮ...

Бабушка махнула лапой в сторону Острозубки и повернулась к экрану.

Мышка с грустью посмотрела на покрытый седой шерстью затылок, выпила воду и в этот момент на кухню вошла взволнованная мама.

– Там во дворе с твоей Ушкой полицейские разговаривают, – сказала она.

– Что?

Острозубка сунула матери в лапу пустой стакан, пробежала в свою комнату, выглянула в окно и увидела двух крыс, Ушку, Кривоглазку и Усокрутку. Один из полицейских держал выхухоль за руку и, судя по выражению её лица, это было очень больно.

– Пошли отсюда, пока я не передумал! – крикнул крыс.

Кривоглазка убежала за дом, а Ушка медленно пошла к подъезду Острозубки.

Вскоре послышался скрип ступенек, а потом и Ушка, с рюкзаком за спиной, вошла в комнату мышки.

– Что они от вас хотели? – спросила Острозубка.

– Соседка твоя в дерьме утонула, – презрительно скривив рот, ответила Ушка.

– Червежуйка?

– Ага. Я тебе потом расскажу, а сейчас...

Она выглянула в коридор и, убедившись, что мама Острозубки на кухне, сказала:

– Пошли со мной.

– Куда?

– Куда-нибудь подальше, – ответила зайчиха, – я больше не хочу здесь оставаться.

– Но я...

– Что? У тебя здесь есть что-то, что ты боишься оставить?

– Мама, отец...

– Да насрать на всё это – сегодня есть, завтра нет. Вон, у старосты нашей был отец, а уже и нет.

– А что с ним?

– Арестовали. Я тебе про Кривоглазку тоже потом расскажу. Ну?

– Ну, я...

– Слушай, кто-то ещё вчера хотел воздушный шар построить, а сегодня ссыт?

Острозубка, смутившись, потупила взгляд.

– Ну, шар, это вроде как игра была. Я никогда не относилась к этому серьёзно, – ответила она, – вроде как что-то делаем, чем-то занимаемся, но я не особо верила, что мы действительно куда-нибудь полетим.

– А теперь всё серьёзно, – сказала зайчиха, – только мы не полетим, а пойдём. Ты хочешь, чтобы крысы с тобой снова сделали то же, что и вчера?

– Нет, – дрожащим голосом ответила мышка, засунула руку в штаны и вытащила оттуда комок ваты, бурый от высохшей крови.

– А у них на тебя бумажка есть, – сказала Ушка.

Острозубка вытащила из-под подушки кусок чистой ваты и засунула в штаны.

– Пошли, – тихо сказала она.

– Сигарет возьми, носки тёплые, спички.

– Хорошо.

Через пять минут, крикнув матери, что они пошли гулять, Острозубка с Ушкой вышли на улицу и направились к дому Красноклыка и Чешуйки.

Красноклык на предложение Ушки согласился сразу.

– А давайте, – улыбнувшись во весь рот, сказал лис, – это даже лучше, чем на шаре! Кто знает, куда он мог нас унести?

– Да и куда мы дойдём, тоже неизвестно, – сказала Ушка.

– А какая разница? Куда-нибудь да дойдём, – махнув лапой, ответил Красноклык, – что нужно взять?

– Топор, сигареты, спички, вещи какие-нибудь тёплые.

– Это я мигом.

Он вытряхнул из рюкзака тетрадь, ручки и книгу с изречениями Мудрокрыса, засунул туда несколько пар тёплых носков, шарф, сбегал на кухню и принёс шестнадцать пачек сигарет, топор и большую упаковку спичек.

– У отца спёр, – похвастался Красноклык, – придёт с работы – завоюет от злости! Придётся ему две недели без курева сидеть! Ничё – потерпит! Нам нужнее.

Он надел рюкзак и спросил:

– Пошли к Чешуйке?

– Пошли, – ответила Ушка, – только не думаю, что он так же легко согласится.

– Уболтаем, – уверенно сказал Красноклык, – пойдём!

Из окна Чешуйки не было слышно привычных криков и стенаний его матери.

– Это даже подозрительно, – сказала Ушка, – может, случилось чего?

– Ага, – ответил Красноклык, – она резко выздоровела, и сейчас мы зайдём, а она там Чешуечку на коленочки посадила и с ложечки кормит.

– Красноклык! – воскликнула Острозубка, – как тебе не стыдно!

Лис вскинул лапы.

– Прости, как-то само вырвалось. Знаете, у меня какое-то настроение такое, что не понимаю... Я какой-то весёлый.

Ушка хмыкнула и насмешливо взглянула на него.

– Ты и так всегда весёлый.

– Ну, я не знаю, как это объяснить, – сказал Красноклык.

– Это от волнения, – объяснила зайчиха, – ты рад переменам.

– Точно, – прищурив правый глаз и указав на неё указательным пальцем, сказал лис, – это от волнения.

– Ладно, пошли, – сказала зайчиха.

Из комнаты Чешуйки, где он жил вместе с матерью, не доносилось ни звука.

– Странно, – сказал Красноклык, – обычно она всегда ворчит, булькает, шипит, а тут тишина.

– А она сегодня уже наоралась, – сказала соседка, толстая свинья.

Она шла по коридору с огромной кастрюлей в лапах и бы-

ла настолько большой, что ребятам пришлось прижаться к стене, чтобы она смогла пройти и никого не задеть. От кастрюли шёл пар и такой отвратительный запах, что можно было подумать, что в ней было содержимое выгребной ямы.

– Что у неё там? – спросила Остроzubка у Ушки.

– Лучше не думать об этом, – ответила зайчиха.

– Этот как пришёл, так она и давай орать, – продолжила свинья, – а потом всё тише, тише и затихла. Уже полчаса как тишина, а может и больше.

Она стояла рядом с прислонившимися к стене ребятами, глаза которых начали слезиться от вони, но свинья не обращала на это внимания.

– Может, они там того, померли? – спросила свинья.

– Мы обязательно выясним, – стараясь глубоко не дышать, ответил Красноклык.

Свинья улыбнулась, продемонстрировав гнилые зубы и покрытый жёлто-зелёным налётом язык, а из её ноздри вытекла серая сопля.

– Если они померли, то это хорошо, – прогнусила она, слизнув соплю с ноздри, – комната освободится.

– Как вам не стыдно! – возмутилась Остроzubка.

– А с чего это мне должно быть стыдно? Я же не сказала, что хочу им смерти, я сказала: если они померли. Вот так-то, детишки.

Довольно хрюкнув, свинья развернулась и ушла к себе в комнату.

– Какая она мерзкая! – сказала мышка.

– Не больше, чем остальные, – ответила Ушка.

– Тихо! – Красноклык поднял лапу вверх и прильнул ухом к двери.

Острозубка и Ушка наклонились и прислушались.

– Там кто-то свистит, – сказала мышка и посмотрела на лиса.

– Или плачет, – ответил тот.

Он встретился взглядом с Ушкой.

– Чешуйка, – хором произнесли все трое.

– Надо открыть дверь, – быстро сказала зайчиха.

– Как? – мышка с недоумением посмотрела на подругу.

– Топором?

Ушка ничего не ответила, прижалась к двери плечом и со всей силы надавила. Дверь хрустнула и упала, а следом полетела зайчиха.

Подняв голову, Ушка увидела перед собой лицо матери Чешуйки. Глаза ящерицы были открыты, язык вывалился наружу, а изо рта воняло даже хуже, чем из кастрюли свиньи.

Ушка отскочила от неё, чуть не сбив Красноклыка и Острозубку.

– Она что, мёртвая? – спросила зайчиха.

– Да, – раздался слабый голос и из-под кровати вылез Чешуйка, – я случайно укусил её за лапу. Я не хотел, честно!

Стоя на четвереньках, он уткнулся лицом в мёртвое тело и заплакал.

– Ты смотри, комната и в самом деле освободится!

Они не заметили, как подошла свинья. Она стояла позади Красноклыка и Острозубки и с улыбкой рассматривала комнату.

– Койку эту я выкину, – хрюкнув от удовольствия, сказала она, – она мне без надобности и буду здесь сушить запасы.

Ребята не испытывали никакого желания знать, какие именно запасы будет заготавливать свинья, ведь это наверняка было что-то крайне мерзкое.

– Пошли с нами, – поднявшись, Ушка протянула Чешуйке лапу.

– Куда? – дрожащим голосом спросил тот.

– Я не знаю, – призналась зайчиха.

– Пойду-ка я позвоню, куда надо, – сказала свинья и, громко выпустив газы, ушла.

Ушка подскочила к Чешуйке и встряхнула его за плечи, от чего у того глаза развернулись в разные стороны.

– Бери быстро всё, что может пригодиться! Спички, сигареты, белковый порошок, носки, шарф! Красноклык, сбегай на кухню!

Красноклык, мгновенно поняв, что от него требуется, побежал на кухню, а Острозубка, схватив рюкзак Чешуйки, принялась запикивать в него все вещи, которые могли пригодиться.

– Быстрее! Быстрее!

– Всё! – крикнула Острозубка.

С кухни прибежал Красноклык.

– Я к себе всё сложил, – задыхаясь от волнения, сказал он, – не знаю, где там чьё, я просто сгрёб всё, что посчитал нужным.

– Молодец! А теперь пошли!

Ушка закинула пребывающего в прострации Чешуйку на плечо, и они выбежали из комнаты.

– А ну стоять!

В конце коридора стояла свинья с тяжёлым тесаком в правой лапе.

– Ограбить меня хотите, – с налитыми кровью глазами сказала она, – этот, смотрю, всю кухню обшарил!

Дико взвизгнув, свинья бросилась на них. Ушка бросила Чешуйку в сторону и едва успела увернуться от тесака, нацеленного в её голову. Толстое лезвие, пронёсшись в паре сантиметров над зайчихой, вонзилось в дверной косяк и, пока свинья не успела его вытащить, Ушка со всей силой, на которую была способна, ударила в покрытый соплями пяточок. Свинья тихо, протяжно хрюкнула и рухнула набок.

– Как я испугалась! – сказала Острозубка.

– Я тоже, – признался лис, – никогда ещё не видел бешеную свинью.

Ушка вырвала тесак из дверного косяка.

– Пригодится, – сказала она, протянув его Красноклыку, – а теперь уходим!

Ушка взвалила Чешуйку на плечо и все вместе они вышли

во двор и направились в лес.

Они шли по уже несколько часов, стараясь как можно дальше уйти от города, чтобы крысы не смогли их найти, ведь они никогда не углублялись в лес в своих рейдах и всегда покидали его до наступления темноты. Крысы, по всей видимости, чего-то боялись в лесу, а может, им просто не нравилось бродить в полной темноте.

– Темнеет, – сказал Красноклык.

Ушка остановилась и опустила Чешуйку на землю.

– Ты не устала так долго его нести? – спросила Острозубка.

– Не особо, – ответила зайчиха, – мне только нужно немного размяться, а то мышцы затекли. Красноклык, собери пока хвороста, чтобы костёр развести.

Она отошла в сторону и начала приседать, подняв лапы над головой, а Красноклык пошёл собирать хворост.

– Я убил её, – чуть слышно прошептал Чешуйка.

– Что ты сказал? – наклонившись к нему, спросила мышка.

– Я убил её.

– Как так получилось?

Всхлипнув, Чешуйка ответил:

– Она схватила меня за горло и стала душить. Я укусил её и она умерла.

Острозубка задумалась – всем ящерицам ядовитые зубы

удаляли в детстве, чтобы они ненароком не вздумали уку-
сать кого-нибудь. Зубы были приравнены к оружию, а любое
оружие было запрещено и даже у крыс-полицейских не было
ничего опасней дубинок и усмирителей, бьющих током. На-
стоящее оружие было только у личной гвардии Мудрокрыса.

– А тебе разве не удалили ядовитые зубы в детстве? –
спросила Острозубка.

– Выходит, что нет, – ответил Чешуйка, – я ведь и сам не
знал. Если бы знал, я бы никогда её не укусил.

Острозубка придвинулась к нему поближе.

– А ну-ка, открой рот!

Чешуйка послушно открыл рот, и Острозубка стала счита-
ть его зубы.

– Раз, два, три, четыре, пять! Вот, нашла! Тебе по ошибке
вырвали не тот. У тебя с одной стороны два зуба криво рас-
тут, поэтому с одной стороны шестой вырван, а с другой нет.
Ты ядовитый только слева.

Оба глаза ящерицы повернулись к ней.

– Одного тоже оказалось достаточно, – печально сказал
Чешуйка, – мне очень стыдно и страшно, Острозубка! Она
била меня, ругалась, говорила, что лучше бы она яйцо со
мною съела, но ведь я всё равно её любил.

Подошёл Красноклык и свалил на землю большую кучу
хвороста.

– Надо костёр развести, – сказал он, – а то скоро стемнеет.
О, очухался! Ну, как ты?

– Ему плохо, – вместо Чешуйки ответила Острозубка, – представляешь – у него остался один ядовитый зуб!

– Ничего себе! – Красноклык даже присел на корточки, – а я думал, что вам их вырывают! Эй, Ушка, иди сюда!

Зайчиха, разминавшая плечи, шумно выдохнула, подошла к ним и спросила:

– Чего?

– У Чешуйки есть один ядовитый зуб! – с восхищением сказал лис.

– Я это уже и так поняла, – равнодушно ответила Ушка, – удивляюсь, как он сам до сих пор этого не знал. Чешуйка!

– Да, – отозвался тот.

– Смотри теперь, не укуси кого-нибудь случайно. Ладно, давайте костёр разводить.

Красноклык достал из рюкзака тесак свиньи, расщепил несколько хворостин на тонкие щепки и, не прошло и пяти минут, как костёр запылал.

– Я пойду ещё хвороста принесу, – сказал лис, – а то он быстро горит.

Насвистывая, лис ушёл, а Острозубка спросила Ушку:

– Что ты там про Кривоглазку говорила?

– Она притворялась, – ломая хворост в лапах, ответила зайчиха, – ей никогда не нравились ни Мудрокрыс, ни крысы, ни наши порядки. У неё отца арестовали, и она решила, что с неё хватит. Помнишь Полохвоста?

– Это енот, который тараканов ловил?

– Да, – ответила Ушка, подкинув пару хворостин в разгорающийся костёр, – он сегодня утопил твою соседку в дерьме, и Кривоглазка его не выдала, а ещё она ему носки связала. Он очень хорошо о ней отзывался и никакой он не дурачок, а просто притворяется.

– А мне он нравился, – внезапно сказал Чешуйка, – такой простой, весёлый, но в то же время грустный и одинокий. Он тоже оказался убийцей, как и я.

Чешуйка всхлипнул и тихо засвистел.

– Не плачь, – громко сказала зайчиха, – никакой ты не убийца! Ты ведь не знал, что всё так выйдет. И вообще, мы все в курсе, что у вас, ящериц, родственные связи намного слабее, чем у нас. Пройдёт пара недель, и ты об этом даже вспоминать не будешь.

– Да, я тоже об этом слышала, – подтвердила Острозубка.

– О чём? – спросил Красноклык, сваливая новую партию хвороста.

– Что ящерицы не так сильно привязываются к родным, как мы, – ответила Ушка.

Красноклык кивнул и, улыбнувшись, сказал:

– Холодная кровь, холодное сердце! Это мы знаем, так что, Чешуйка, не парься!

Чешуйка, вращая глазами в разные стороны, оглядел их и спросил:

– А вы почему решили уйти из города?

– Я просто так, – весело ответил Красноклык.

– Мне было страшно там оставаться, – призналась Остроzubка.

– Меня всё достало, – сломав хворостину и кинув её в огонь, прошептала Ушка.

Чешуйка тяжело вздохнул и снова спросил:

– А как вы думаете, что было бы со мной?

Ушка переглянулась с Красноклыком и ответила:

– Тебя, скорее всего, обвинили бы в убийстве и отправили на перевоспитание.

– А ещё тебя могла сожрать свинья, – вставил лис, – мы с ней сегодня близко познакомились.

– Она омерзительная, – тихо сказал Чешуйка, глядя перед собой, – варит какую-то бурду вонючую, потом жрёт её у себя так громко, что даже в коридоре слышно. А ещё у неё шуточки странные.

– Какие? – спросил Красноклык.

– Она несколько раз подходила и спрашивала про мой хвост: «А правда, что вы, ящерицы, можете свой хвост отбрасывать, а потом у вас новый вырастает? Будь добр, отбрось хвостик, а то уж больно попробовать хочется, а потом новый себе отрастишь! Я даже готова на белковый порошок меняться». И хрюкала так противно!

– Она бы тебя когда-нибудь точно съела, – уверенно сказал Красноклык.

– Фу! – с отвращением сказала Остроzubка, – так же нельзя!

– Если очень хочется, то можно, – ответил Красноклык, – мне папа рассказывал, что на заводе был один такой, который собственную жену съел, а всем рассказывал, что она пропала. У него потом в комнате её кости нашли обглоданные.

– Какой ужас! – прошептала мышка, закрыв лицо лапами.

– Бывает, – меланхолично сказала Ушка, сломав очередную хворостину и бросив её в огонь.

Чешуйка ничего не сказал, подполз поближе к огню и протянул к нему холодные лапы.

Ночь наступила внезапно – только что было относительно светло, а, не прошло и пяти минут, как сидевшие вокруг костра уже не видели деревьев, хотя они стояли в нескольких метрах.

– Мне страшно, – прошептала Острозубка, прижимаясь к Красноклыку.

– Не бойся, – ответил лис, – в лесу уже давно никто не живёт.

– А Зубогрыз? Он ведь жил здесь, – возразила мышка, – а что, если он не один такой? Что, если здесь есть и другие?

– Мы не знаем этого наверняка, – пошевелив хворостинной в костре, сказала Ушка, – может, кто и есть, а может, никого и нет.

Чешуйка, согревшись у огня, лежал, свернувшись в клубок, и крепко спал.

– Помните, как козёл играл на виолончели? – неожиданно

спросила Остроzubка.

– Да, – ответили Ушка и Красноклык.

Пару лет назад, перед окончанием учебного года, у них в школе проходил концерт, на котором выступал известный виолончелист Рогопыт. Чёрный козёл с проседью на боках и печальными глазами исполнил мрачную мелодию, наполненную такой тоской и безнадёжностью, что сердца всех учеников и учителей буквально сжались от тоски. С тех пор эта мелодия иногда самопроизвольно звучала у Остроzubки в голове.

– Я сейчас слышу музыку, которую он играл, у себя в голове, – сказала мышка.

– Она была очень страшная, – сказала Ушка, – мне трудно объяснить, но это было похоже, как будто кто-то взял всю боль и всё отчаяние мира и вложил в эти звуки, чарующие, завораживающие и пугающие одновременно.

– Как ты красиво сказала, – с восхищением промолвил Красноклык, – лучше не скажешь.

– Что-то мне холодно, – сказала Остроzubка и поёжилась.

Ушка сломала несколько хворостин и закинула их в костёр. Огонь весело затрещал и взметнулся вверх, озарив лица ребят красным светом.

– Говорят, тот козёл, его вроде Рогопыт звали, умер через неделю, – с грустью сказала Ушка, – мы были последними, перед кем он выступал.

– Как это печально, – всхлипнула мышка, в голове кото-

рой продолжала звучать мелодия отчаяния.

– Мне папа рассказывал, что раньше на похоронах играла музыка, – сказал Красноклык, – она называлась как-то на «р».

– Реквием, – раздался тихий голос Чешуйки, – на похоронах играли реквием.

– Значит, Рогопыт сам сыграл свой реквием, – прошептала Острозубка.

Она посмотрела наверх, в чёрное небо, на котором горела единственная звезда. Одинокая, она слабо мерцала среди окружавшей её чёрной пустоты и, глядя на неё, мышка почувствовала, что и сама одинока в этом мире. Каждый из них был одинок, даже находясь здесь, среди друзей.

Её мысли прервал Красноклык – лис резко вскочил и, подняв уши, сказал:

– Тихо!

– Что такое? – спросила Ушка.

– К нам кто-то идёт, – прошептал Красноклык, – кто-то маленький.

– Ой, – Чешуйка сжался и прижался к дереву, – кто это может быть?

– Я не знаю, – ответил лис.

Ушка взяла тесак, готовясь отразить возможную опасность.

– Оно остановилось, – сказал Красноклык.

– Кто там? – громко спросила Ушка.

Чешуйка вжался в дерево.

– Это я, Кривоглазка!

Ушка выдохнула и махнула лапой.

– Убери тесак, Красноклык, – сказала зайчиха, – Криво-
глазка, иди, не бойся!

Из темноты вышла худенькая староста с большим рюкзаком за спиной. Она робко подошла к Ушке и спросила:

– Можно мне пойти с вами?

Чешуйка встрепнулся и, с неожиданной для всех неприязнью, сказал:

– Нет.

– Тихо, Чешуйка, – возмущённо сказала Ушка, – ты ничего о ней не знаешь! А почему ты решила пойти с нами?

– У меня...

– Да сними ты рюкзак и присядь!

Сказав это, Красноклык встал и помог Кривоглазке снять рюкзак.

– Какой тяжёлый! – заметил он.

– Я несколько бутылок чистой воды взяла, – призналась Кривоглазка, – подумала, что в лесу её сложно найти.

– Точно, – хлопнув себя по лбу, сказал Красноклык, – а я всё думал, что мы забыли взять! Странно, что ещё никто из нас пить не захотел.

– Я хочу, – Острозубка поднялась и протянула лапу, – можно?

– Да, конечно, – ответила Кривоглазка, – бери.

Она взяла у Красноклыка рюкзак, достала большую пластиковую бутылку и протянула её Острозубке.

– Спасибо, – поблагодарила мышка, открыла бутылку и сделала несколько жадных глотков.

– Я после тебя, – сказал Красноклык.

Чешуйка ничего не сказал. Он сидел, прислонившись к дереву, устремив оба глаза на Кривоглазку. Они учились в одном классе уже несколько лет, но за всё время не сказали друг другу и пары слов. Чешуйка боялся Кривоглазку, полагая, что она доносит учителям на учеников и всегда старался держаться от старосты подальше.

– Ну, что там случилось? – спросила Ушка.

Кривоглазка поставила рюкзак на землю и села у костра.

– После того, как мы разошлись, я долго бродила по лесу и видела, как вы уходите. Я сразу поняла, что вы хотите сбежать из города и решила пойти с вами. Я пошла домой, а маму уже забрали. Это были не полицейские, это были какие-то другие крысы. Сосед сказал, что они спрашивали меня и велели сообщить им, когда я приду. Дядя Кусач хороший, он сказал, чтобы я быстро собиралась и уходила, а он через полчаса после моего ухода позвонит им. Я не хочу на перевоспитание, не хочу!

Она закрыла лицо лапами и заплакала.

– Успокойся, ты не попадёшь на перевоспитание, – сказала Ушка, подсев к Кривоглазке и обняв её за плечи, – как ты нас нашла?

– Я запомнила, в какую сторону вы шли, и пошла следом, – всхлипывая, ответила Кривоглазка, – я шла, шла, а когда начало темнеть, увидела огонь и пришла к вам.

Чешуйка, не отводя взгляда от Кривоглазки, нервно заёрзал и открыл рот.

– Что с тобой? – спросила его Острозубка.

– Она стучала на нас, – дрожащим голосом ответил тот.

Кривоглазка вырвалась из лап зайчихи и, глядя на Чешуйку, с надрывом крикнула:

– Никогда такого не было! Никогда!

Ребята только сейчас поняли, что они действительно не могут вспомнить ни одного случая, когда староста выдала бы кого-нибудь. Слухи, конечно, про Кривоглазку ходили всякие и лишнего при ней старались не говорить, но это были лишь слухи.

– Я действительно не могу вспомнить, чтобы она кого-нибудь выдала, – с удивлением сказал Красноклык.

– Я тоже, – согласилась Острозубка.

– И я, – призналась Ушка.

Чешуйка, однако, был иного мнения.

– Нет, она стучала, – прошептал он, – я знаю, я знаю.

– Да успокойся ты! – попыталась утихомирить его Ушка.

Чешуйка окинул их взглядом и, прильнув к земле, спросил:

– А что, если она специально за нами пошла, чтобы выдать? Меня отправят на перевоспитание и вас тоже. А что,

если она шпионка крыс?

– Это неправда! – крикнула Кривоглазка.

Чешуйка прижался к земле всем телом, готовясь к прыжку.

– Успокойся! – предостерегающе сказала Ушка.

Она хотела заслонить Кривоглазку собой, но не успела – Чешуйка прыгнул вперёд и впился в плечо старосты, которая закричала от боли и попыталась оторвать от себя обезумевшую ящерицу.

Красноклык и Острозубка вскочили со своих мест и схватили Чешуйку за задние лапы, а Ушка, пренебрегая опасностью быть укушенной, вжала горло ящерицы и нажала большими пальцами на челюсть.

– А-а! Отпусти! – кричала Кривоглазка.

– Да отпусти ты её! – крикнула Ушка и со всей силы дёрнула на себя покрытую чешуёй голову.

Кривоглазка закричала, почувствовав, как зубы ящерицы медленно сдирают с неё кожу вместе с мясом. Она инстинктивно ткнула пальцем в бешеный глаз, и Чешуйка разжал челюсти, отчего Ушка, Красноклык, Острозубка и он сам отлетели назад.

Чешуйка попытался снова укусить Кривоглазку, но зайчиха успела схватить его за хвост и отшвырнуть в сторону.

Острозубка подползла к Кривоглазке.

– Ты как? – спросила она, увидев на плече старосты страшную рваную рану.

– Спать хочется, – слабым голосом ответила Кривоглазка, – очень сильно.

Красноклык взял тесак и пошёл посмотреть, что с Чешуйкой.

– Его здесь нет! – крикнул он.

Кривоглазка зевнула. Острозубка переглянулась с Ушкой и увидела, что глаза зайчихи мокрые от слёз.

– Я проснусь, и мы пойдём дальше, – тихо сказала Кривоглазка, закрывая глаза.

– Обязательно пойдём, – ответила Ушка, присаживаясь рядом с ней, – обязательно.

– Да, – прошептала Кривоглазка и, зевнув в последний раз, затихла.

Ушка провела лапой по пятнистому лицу старосты.

– Ты плачешь? – спросила Острозубка.

– Она всю жизнь притворялась, её никто не любил, а теперь, когда мы узнали, какая она на самом деле, – печально сказала зайчиха, вытирая слезу.

– Она умерла, – продолжила Острозубка.

– Его нигде нет, – раздался громкий голос Красноклыка, – я тут поблизости побродил. А что с Кривоглазкой?

Ушка повернулась к нему и лис, увидев слёзы, всё понял.

– Яд, – опустив голову, сказал он.

– Утром надо будет её похоронить, – сказала Острозубка.

– А до утра будем дежурить, а то вдруг Чешуйка вернётся и вздумает напасть на кого-нибудь ещё. Ложитесь, я первая

подежурю.

Ушка взяла у Красноклыка тесак, подкинула хвороста в костёр и села, прислонившись спиной к дереву.

Утомившись за день, лис и мышка вскоре уснули, а зайчиха до рассвета сидела, курила и вглядывалась в темноту.

Чешуйка больше не появлялся.

Ушка так никого и не разбудила и, когда Острозубка и Красноклык проснулись, зайчиха всё так же сидела, прислонившись к дереву.

– А почему ты меня не разбудила? – спросил лис.

– Я всё равно спать не хотела, – ответила Ушка, – так что подумала, что смысла нет.

– Значит, следующей ночью хорошо спать будешь, – сказал Красноклык, – у меня такое иногда бывает: ночь не поспишь нормально, или две, зато потом сплю, как убитый.

– Такой у всех бывает, – заметила Острозубка, – не только у тебя.

Ушка пошевелила угли хворостиной и сказала:

– Надо Кривоглазку закопать – не хочу бросать её вот так. Давайте, покурим сначала.

Покурив, они втроём вырыли лапами неглубокую яму, положили туда закоченевшую Кривоглазку и засыпали землёй.

– Жалко её, – всхлипнув, сказала Острозубка.

– Да, – зайчиха обстучала ладони друг об друга, стряхивая налипшую землю, – надо будет лапы ополоснуть где-нибудь.

– Высохнет – само отвалится, – сказал Красноклык.

– Ладно, надо идти.

Разделив на троих содержимое рюкзаков Чешуйки и Кривоглазки и выпив немного воды, они пошли дальше в лес.

Свалка

Через несколько часов ходьбы Ушка, Острозубка и Красноклык вышли из умирающего леса, и перед их глазами предстала огромная свалка. Гигантские кучи мусора высились над их головами, распространяя смрад, по ним бегали жирные тараканы, гораздо крупнее тех, что ползали у туалета, над кучами роились мухи, а вдалеке слышался какой-то грохот.

– Да, это и есть та свалка, с которой забирают мусор на переработку, – сказал Красноклык.

– Как ты думаешь, тут кто-нибудь есть? – спросила мышка.

– Наверняка, – ответила Ушка, – кто-то же ведь этот мусор первоначально сортирует.

Грохот раздался совсем близко, только это был уже не совсем грохот – он был размеренным и больше походил на шаги огромного зверя. Острозубка пискнула и прижалась к Ушке.

– Я тоже боюсь немного, – призналась зайчиха.

Из-за кучи мусора вышла огромная машина на двух железных лапах. Сзади у неё располагался огромный котёл, из которого вырывались струи раскалённого пара, из трубы над кабиной валил чёрный дым, а двумя лапами-манипуляторами машина ворошила кучу мусора.

– Смотри, там кто-то есть! – крикнул Красноклык, указывая на кабину.

В кабине, действительно, кто-то был, но из-за грязного стекла было не видно, кто именно. Этот кто-то дёргал за огромные рычаги, управляя машиной, и не обращал на ребят никакого внимания.

Гигантской клешнёй машина схватила большой кусок металла и попыталась вытащить его из общей кучи. Раздался скрежет, бульканье, пар брызнул во все стороны, из трубы взметнулись искры и, не выдержав напряжения, машина завалилась набок и затихла.

– Да что же это! – раздался визгливый крик и из кабины вылез маленький худой крыс в кепке.

Он подошёл к паровому котлу и со злостью пнул его.

– Каждую неделю одно и то же! – закричал крыс и плюнул на горячий металл.

Он достал из внутреннего кармана грязной, прожжённой в нескольких местах, робы сигарету, закурил и сел, прислонившись спиной к кабине.

– Дерьмо какое, – злобно шептал крыс, нервно щёлкая челюстями, словно хотел кого-то укусить, – каждую неделю ломается! А план, план, план выполнять надо!

– Подойдём к нему? – спросил Красноклык.

Крыс встрепенулся и повернулся в их сторону.

– Кто здесь? – громко спросил он.

– Он что, нас не видит? – спросила Острозубка.

– Вижу, – ответил крыс, – только не могу разобрать. Подойдите ближе!

Ребята, сами не зная, зачем, подошли к крысу и увидели, что его глаза мутны, как запылённое стекло.

– Зайка, мышка и лисёнок, – прошептал крыс, – и что вы делаете на свалке? Разве вы не должны быть в школе? Или школу уже отменили, а я не знаю?

– Нет, не отменили, – робко ответила Острозубка.

– Тогда что вы тут делаете?

– Гуляем, – дерзко ответила Ушка.

– Гуляете? Вот так запросто?

Крыс засмеялся громким пронзительным смехом, похожим на скрежет ржавого железа. Он смеялся долго, искренне, так что даже прослезился и чуть не выронил сигарету.

– Гуляют они! Ха-ха-ха! Ой, насмешили! А теперь серьёзно...

Он встал и, глядя на Ушку мутными глазами, спросил:

– Что вы здесь делаете?

– А что здесь делаешь ты? – невозмутимо спросила зайчиха.

Крыс вытянул лапу, указав на сломанную машину.

– Я здесь работаю, дурочка, разве не понятно?

– Никогда ещё не видела, чтобы крысы работали.

– Я тоже, – хором сказали Красноклык и Острозубка.

Крыс откашлялся, сплюнул комок зелёной слизи и вздохнул.

– А каких крыс вы видели, глупые? Полицейских, начальников, нашего великого лидера? Крысы ведь тоже бывают разные.

– Как-то не особо в это верится, – сказала Ушка.

– Ага, ей, значит, не верится, а я здесь просто так, из чистого альтруизма горбачусь, – ехидно сказал крыс, – нравится мне по помойкам лазить. Наследственное, так сказать.

– Я ему не верю, – чуть слышно прошептала Острозубка.

Она попыталась сказать это так тихо, как только возможно, но крыс всё равно услышал и оскалился.

– А мне насрать, верите вы мне или нет, – прошипел он, – мне насрать на вас, на ваших родителей, на ваши догадки, на всё! Пошли вон, пока я не вызвал полицию!

Ушка шагнула вперёд и крыс попятился.

– Ты ведь боишься? – спросила она.

– Н-нет, – неуверенно ответил крыс.

Зайчиха замахнулась, делая вид, что сейчас ударит, и крыс сжался, прикрывая морду лапами. Послышалось журчание.

– Фу, – презрительно сказала Ушка, – да он обоссался от страха!

Красноклык фыркнул, а Острозубка улыбнулась.

– Мне тебя даже трогать противно, – сказала зайчиха, – вы, крысы, такие смелые, когда вас много, а вот сейчас ты один... и ты обоссался...

Крыс всхлипнул и, усевшись в лужу собственной мочи,

закурил.

– Встретились бы вы мне лет пять назад, – со злобой сказал он, – тогда бы я с вами по-другому разговаривал.

– А кем ты был пять лет назад? – спросила Ушка.

– Пять лет назад я служил в полиции, – ответил крыс, – чудесное было время!

Острозубка от волнения схватила Красноклыка за лапу.

– И почему же оно было чудесное?

Крыс с недоумением посмотрел на зайчиху, затаился сигаретой, сплюнул, высморкался и насмешливо ответил:

– Вижу, ты передумала меня бить, девочка? Правильно! Чтобы бить других, особенно того, кто не может тебе ответить, нужен особый склад характера, а ещё лучше, когда ты получаешь от этого удовольствие. Я от своей работы удовольствие получал, хе-хе! Помню, как мы с ребятами разгоняли поганых протестунов, которые посмели выступить против великого лидера! Ух, сколько лап и челюстей я тогда сломал! А потом мы оттащили в отдел много симпатичных девочек и развлекались с ними три дня! Маленькие, с испуганными глазками, трясущимися лапками, но такие сладкие!

Бывший полицейский облизал губы – воспоминания явно доставляли ему удовольствие. Острозубка уткнулась в плечо Красноклыка и заплакала.

– А теперь ты здесь, мразь? – спросила Ушка.

Крыс снова затаился, выдохнул дым ей в лицо и ответил:

– Да, а теперь я здесь, на мусорке. Зрение подводит ста-

ло, меня из полиции и уволили. Но я не в обиде, нет! Это справедливо – нельзя служить и защищать, когда ты плохо видишь. А здесь, по большому счёту, тоже неплохо.

– Чем же?

Крыс хмыкнул, поднялся и достал из кабины своей машины мешок.

– Видишь, что тут? Сигареты, вяленое мясо, водка, сухари пшеничные. Это явно лучше вашего белкового порошка из червей!

Ушка с ненавистью посмотрела на него.

– Достойная плата за достойную службу, – сказала она, – а чьё это мясо?

– А какая разница, чьё это мясо? – улыбнувшись, спросил крыс.

– А вдруг это мясо крысы?

Крыс достал из мешка кусок вяленого мяса, откусил кусок и с наслаждением прожевал.

– А даже если и так, что с того, ведь это всего лишь мясо, хе-хе...

Он слизал с подбородка коричневую слюну и спрятал мясо обратно в мешок.

– Мне всё равно, чьё это мясо, дурочка! Мыши, зайца, лисы, кота, крысы...

Он подошёл к Ушке и протянул лапу, которую зайчиха оттолкнула.

– Это не я вас боюсь, – прошептал крыс, – это вы меня

боитесь. Вы всегда будете нас бояться, вы всегда будете трусливо выть под ударами наших дубинок, вы всегда будете нашими рабами.

– Но обоссался то ты, а не мы, – презрительно сказала зайчиха.

– Это была минутная слабость, – возразил крыс, – у нас такое иногда случается. А теперь уходите отсюда!

– Ненавижу вас! – пронзительно крикнула Острозубка.

Крыс оскалился:

– Не кричи так громко, дурочка, а то ещё услышат.

– Кто услышит? – спросила Ушка.

– Кто-нибудь, – сглотнув, ответил крыс.

Зайчиха снова шагнула к нему и крыс, выронив мешок, отступил, прижавшись спиной к кабине.

– Н-не подходи! – взвизгнул он.

Ушка подошла к нему вплотную и, глядя в мутные глаза, спросила:

– Знаешь, что с ней сделали твои сослуживцы?

– Догадываюсь, – дрожащим голосом ответил крыс, – симпатичная девчоночка.

От испуга не осталось и следа – крыс взглянул на Острозубку и облизнул губы. Мышку затрясло от негодования и гнева.

– Дай мне топор, – дрожащим голосом попросила она Красноклыка.

– Ты хочешь...

– Да, я хочу его убить.

– Что-что? Ты хочешь меня убить? – спросил крыс.

Ушка обернулась, взглянула на Остроzubку, которая как раз доставала топор из рюкзака и, повернувшись к крысу, сказала:

– Да, она хочет тебя убить.

Крыс недоверчиво посмотрел на неё.

– Она не сможет, ведь она всего лишь испуганная девочка.

– Ещё как смогу, – уверенно сказала мышка, – Ушка, отойди, пожалуйста.

Зайчиха отошла в сторону, а Остроzubка, подойдя к крысу, внимательно взглянула в мутные глаза и отвела лапу с топором в сторону.

– Крысы издевались надо мной, крысы надругались надо мной.

– Но это ведь был не я.

– Ты тоже крыса, ты такой же, как они. Ты сам признался, что тебе доставляло удовольствие бить других и насиловать девочек.

– А тебе до них какое дело?

– Ты должен ответить за свои преступления.

– Я действовал в рамках закона.

– Законы тоже могут быть преступными, если их принимают преступники.

– Хорошо сказала, – прошептал Красноклык.

– Да, – согласилась Ушка, – как ты думаешь, она сможет?

– Не знаю, – ответил лис.

Острозубка отвела лапу ещё дальше и по её щекам потекли слёзы.

– Ты не сможешь, – прошептал крыс, – для этого...

Он не успел договорить – лезвие топора врезалось в его морду чуть выше левого глаза. Не издав ни звука, крыс упал и, дёрнув задними лапами, затих. Острозубка опустилась на колени рядом с трупом и заплакала.

Ушка выдернула топор из головы крыса и отдала его Красноклыку.

– Ну, ты как? – спросила она Острозубку.

– Не знаю, – не поднимая головы, ответила мышка, – но мне его нисколько не жалко.

Запах крови привлёк тараканов: шевеля длинными усиками, они начали сползаться к луже крови, растёкшейся из расколотого черепа крыса. Мухи, роившиеся над кучами мусора, тоже оказались привлечены соблазнительным запахом – они сели на грязную землю и жадно пили кровь длинными хоботками.

Увидев приближающихся тараканов, Ушка помогла Острозубке встать, иначе они полезли бы по ней.

– Ты это переживёшь, – уверенно сказала зайчиха.

Острозубка подняла на неё заплаканное лицо и прошептала:

– Я не переживаю за него, мне плевать на этого жалкого старого крыса – он получил то, что заслужил. Я переживаю

за себя... Вернее за то, с какой лёгкостью я его убила...

Раздался громкий скрежет. Часть огромной мусорной кучи справа от них приподнялась и отъехала в сторону, открывая чёрный туннель. Из туннеля выглянул облезлый, покрытый гнойными язвами хорёк.

– Славно ты его приложила, девочка, – проскрипел он.

– Вы кто? – спросила Ушка.

– Никто, – ответил хорёк, быстро подбежал к мёртвому крысу и поднял его мешок, которым уже заинтересовались тараканы, – тут есть и другие крысы, так что, если хотите жить, идите за мной.

– А крысы ничего не заподозрят?

– Через полчаса его объедят так, что будет непонятно, от чего он помер, – с отвратительной улыбкой сказал хорёк, – ну, вы идёте?

Ушка кивнула в знак согласия.

– Делать нечего, придётся идти, – сказала она Красноклыку и Острозубке, – не думаю, что этот хорёк нас выдаст.

– Да, на прислужника крыс он не похож, – согласился лис.

Они спустились в туннель и замаскированный мусором проход закрылся.

Если бы сейчас Ушка, Острозубка и Красноклык вернулись к трупу крыса, они увидели бы, как из-за кучи мусора вылез Чешуйка, подполз на четвереньках к машине и присоединился к пиршеству.

Они шли по низкому, грязному и сырому туннелю. Через каждые десять метров с потолка свисала маленькая мерцающая лампочка, и Ушке приходилось пригибать голову, чтобы её не задеть. Иногда попадались лужи, в которых копошились какие-то мелкие насекомые, похожие на мокриц и отвратительные белые червячки с длинными хвостами.

– А откуда у вас электричество? – спросил Красноклык.

Лис с самого детства обожал всё, связанное с техникой: паровые котлы, генераторы, радиоприёмники. Один раз он даже попытался разобрать телевизор, когда родители были на заводе, но его ударило током, и с тех пор к этому самому току он относился с большим уважением.

– Вот чего у крыс не отнять, так это их умения делать водку, – сказал хорёк, который в тот момент, когда Красноклык задал вопрос, отхлёбывал из бутылки, – чистый нектар! Мы, конечно, самогон делаем, но разве он сравнится с настоящей водкой! Что ты там спрашивал?

– Про электричество, – ответил Красноклык, – откуда оно здесь?

Хорёк, хихикнув, ответил:

– Слышал когда-нибудь про динамо-машины? А, хотя откуда ты мог про неё слышать, ведь теперь в школе физику не преподают!

– Мне отец рассказывал, – немного обиженно сказал лис, – там надо ручку крутить и получается электричество.

– Хм, а ты смыслённый парнишка, – сказал хорёк, убирая

бутылку в мешок, – у нас есть такие машины, поэтому у нас есть электричество. Маловато, но для освещения хватает.

– И там кто-то крутит ручку?

– Увидишь. Эй, вы чего там отстали?

Ушка с Острозубкой шли немного позади – мышка до сих пор не могла отойти от того, с какой лёгкостью совершила убийство.

– Мы идём, – громко ответила зайчиха, – тут просто Острозубке нехорошо.

– Вечно у этих девчонок всякие проблемы, – подмигнув Красноклыку, сказал хорёк, – напридумывают себе всякого, а потом переживают.

– Но ведь она убила, – возразил лис, – я бы тоже переживал.

– Брось, – презрительно фыркнув, сказал хорёк, – это был всего лишь крыс, а они не заслуживают ничего, кроме смерти. Когда я убил свою первую крысу, у меня даже лапы не дрожали. Как сейчас помню – жирный крыс идёт по тропинке, а я выскакиваю на него из-за кучи мусора, валю на землю и перегрызаю горло. М-м-м, какая вкусная у него была кровь!

Красноклык остановился и с ужасом посмотрел на хорька.

– Что, страшно? – спросил тот.

– Больше противно, – ответил лис.

– Попробуешь сам – понравится.

Красноклык промолчал, а про себя подумал, что ему вряд

ли понравится пить чью-то кровь из разорванного горла, даже если это будет крыса.

«Уж лучше белковым порошком и червями питаться, – решил он, – черви и тараканы хотя бы не умеют разговаривать».

– Мы уже почти пришли, – сказал хорёк, – девчонки, не отставайте!

Через пятьдесят шагов туннель и в самом деле вывел их в огромную пещеру высотой в два роста Ушки. Пещера освещалась такими же тусклыми лампочками, что и туннель, пол был устлан мусором, на котором были разложены матрасы, тряпки и доски. На всём этом сидело несколько десятков зверей: мыши, ежи, барсуки, зайцы, лисы, коты и даже одна собака. Они пили самогон, курили и ели какую-то похлёбку из алюминиевых мисок.

Когда хорёк с ребятами вошли, шумные разговоры прервались и Острозубка, Ушка и Красноклык увидели десятки глаз, устремлённых на них.

– Вот эта девчонка, – сказал хорёк, выталкивая Острозубку вперёд, – только что убила крыса.

Раздался смех, возгласы восхищения, аплодисменты.

НИЧЕГО СЕБЕ!

ТАКАЯ МЕЛКАЯ, А УЖЕ УБИЛА КРЫСА!

ЗА ЭТО СТОИТ ВЫПИТЬ!

А С ВИДУ ТАКАЯ МАЛЕНЬКАЯ МЫШКА!

МОЛОДЕЦ!

ТАК ИХ, ТВАРЕЙ, И НАДО!

КРЫСЫ НИЧЕГО ДРУГОГО И НЕ ЗАСЛУЖИВАЮТ!

Я ХОЧУ С НЕЙ ВЫПИТЬ!

ШИКАРНО!

ЗНАЧИТ, МОЛОДОЕ ПОКОЛЕНИЕ НЕ ОКОНЧАТЕЛЬНО ПРЕВРАТИЛОСЬ В РАБОВ!

НАМ ЕСТЬ, ЗА ЧТО БОРОТЬСЯ!

ИДИ К НАМ, МЫШКА!

Острозубка смутилась и прижалась к зайчихе.

– Да не смущайся ты, – весело сказал хорёк, – ты у нас героиня!

– Когда это я успела ей стать? – спросила Острозубка.

– Когда убила крыса, – недоумённо ответил хорёк.

– Я убила его из-за личной ненависти к ним, а не из-за какой-то высокой цели, – прошептала мышка, – а это нельзя назвать героическим поступком. Тот крыс был трусом – он даже обоссался, когда Ушка подошла к нему.

Хорёк с уважением взглянул на зайчиху и сказал:

– А ты у нас суровая девушка, раз он так тебя испугался.

– Ерунда, – ответила Ушка, – крыс сказал, что у них такое случается иногда.

– Ага, от страха, – ухмыльнулся хорёк, – ну, может, выпьете со всеми?

Красноклык откликнулся на предложение с явным восторгом:

– Конечно, выпьем! А ты потом покажешь эту вашу дина-

мо-машину, которая делает электричество?

– Покажу, – пообещал хорёк, – пошли.

Он провёл ребят через зверей, которые вставали и слегка похлопывали Острозубку по плечу.

МОЛОДЕЦ, МЫШКА!

ЕСЛИ БЫ МОЯ ДОЧЬ БЫЛА ТАКОЙ ЖЕ СМЕЛОЙ!

ГЛЯДЯ НА ТЕБЯ, И НЕ СКАЖЕШЬ, ЧТО ТЫ НА ТАКОЕ СПОСОБНА!

В ТИХОМ ОМУТЕ, КАК ГОВОРИТСЯ!

А КАКАЯ У НЕЁ ПОДРУГА!

МОЩНАЯ ДЕВЧОНКА!

ХОЧЕШЬ С НЕЙ ПОЗНАКОМИТЬСЯ?

ТАКАЯ ДЕВОЧКА ГОЛЫМИ ЛАПАМИ ПРИДУШИТ!

А У ЛИСА ВЗГЛЯД ТАКОЙ ХИТРЫЙ!

ОН У НИХ ВСЕГДА ТАКОЙ!

У МЕНЯ НЕ ТАКОЙ!

ДА ТЫ УЖЕ СТАРЫЙ!

А ЗАЙЧИХА ХОРОША – ЛЮБУЮ КРЫСУ ПРИБИТЬ СМОЖЕТ!

Один из зверей, старый енот, уже довольно много выпил. Он приподнялся и больно ущипнул Ушку чуть пониже хвоста. Зайчиха отреагировала мгновенно – она развернулась и пнула нахала в грудь. Пинок был не очень сильный, но его вполне хватило, чтобы похотливый старик отлетел назад, опрокинув расставленные на досках стаканы и миски.

– Э, ты, – возмутился сосед енота, тощий кот с выпучен-

ными глазами, – здесь так не принято!

– А у меня не принято, что меня щипают за задницу, – дерзко ответила зайчиха, – тоже хочешь попробовать?

– Тихо-тихо, – сказал подскочивший хорёк, – не надо ссориться! Ведите себя спокойно!

– Если ещё хоть кто-нибудь...

– Мы поняли, – прервал Ушку хорёк, – слушайте все!

Он поднял лапы вверх и громко сказал:

– Не оскорбляйте наших гостей, прошу вас! Господа, ведите себя прилично!

ХА-ХА-ХА-ХА!

ГОСПОДА!

ОН НАЗВАЛ НАС ГОСПОДАМИ!

НИЧЕГО СМЕШНЕЕ ЗА СЕГОДНЯ НЕ СЛЫШАЛ!

А ЧТО СЛУЧИЛОСЬ?

ПОЛОСКУН УЩИПНУЛ ЗАЙЧИХУ ЗА ЗАДНИЦУ!

А ОНА?

С НОГИ ЕМУ ДАЛА!

ХА-ХА-ХА!

СТАРИКУ НИКТО ДАВНО НЕ ДАВАЛ, ВОТ ОН И РАС-
ШАЛИЛСЯ!

ТАК ДАЙ!

ЕЩЁ ЧЕГО!

ЕМУ УЖЕ С НОГИ ДАЛИ!

Ушка огляделась: звери смеялись, хлопали друг друга по спине, чокались стаканами с мутной жидкостью, а кто-то и

вовсе спал. Выглядело это отталкивающе, но всё же здесь было явно безопаснее, чем среди крыс.

– Пойдёмте, – сказал хорёк, дёрнув Ушку за рукав.

Зайчиха резко обернулась и грозно посмотрела на него.

– Не надо, – выставив лапы вперёд, сказал хорёк, – я просто предложил идти.

– Извини, – ответила Ушка, – я просто немного нервничаю.

– Понятно.

Хорёк подвёл их к настилу из досок, поверх которого были накинаны какие-то грязные тряпки.

– Садитесь здесь, – сказал он, – а я сейчас принесу выпить и поесть.

– Я пить не буду, – сказала вслед хорьку Ушка.

– Я тоже, – сказала Остроzubка.

– А что так? – весело улыбнувшись, спросил Красноклык.

– Не нравится мне здесь, – ответила зайчиха, – и они мне тоже не нравятся.

Лис огляделся по сторонам.

– Да нормальные ребята, – заключил он, – весёлые! Вспомни, какие все хмурые у нас дома – ходят с кислыми мордами, никогда не улыбаются.

– Зато эти улыбаются очень уж много, словно живут не под свалкой, а где-нибудь на берегу океана, – ответила зайчиха.

– Просто они умеют радоваться тому, что у них есть, –

возразил Красноклык.

Острозубка чихнула, вытерла нос и сказала:

– Вы хоть не ссорьтесь.

– Мы и не ссоримся, – ответила Ушка.

– Просто разговариваем, – добавил Красноклык.

Острозубка вздохнула, вытянула лапы и спросила:

– Интересно, где сейчас Чешуйка?

– По лесу бегает, – ответил лис.

– Мне всё равно, – прошептала Ушка, хотя по ней было видно, что ей далеко не всё равно.

Подошёл хорёк с тремя мисками дымящейся похлёбки.

– Вот, поешьте, – сказал он, поставил миски на доски и снова ушёл.

Ушка взяла миску в лапы и осторожно понюхала.

– Отвратительный запах, – заключила она, поставив миску обратно, – что-то мне это не хочется есть.

– Да вон – все едят, – сказал Красноклык, указав на зверей, – не травятся вроде.

Острозубка наклонилась над миской и вдохнула пар.

– Интересно, из чего её делают?

– Да какая разница! – сказал лис, взял миску и отхлебнул.

Весёлое выражение на его лице сменилось отвращением, Красноклык выронил миску из лап и, отвернувшись, выплюнул содержимое рта. Несколько секунд плечи лиса подрагивали, словно его вот-вот вырвет, но он справился.

– Ну и мерзость, – повернувшись к Ушке с Острозубкой

и вытерев рот, сказал Красноклык, – я не знаю, что это, но на вкус хуже блевотины.

– Пахнет, как блевотина с дерьмом, – сказала Ушка, – но они, видимо, привыкли.

Подошёл хорёк с банкой самогона.

– Что, не понравилось? – спросил он, поняв, что произошло.

– Нет, – ответил лис.

– Ничего, привыкнете, – сказал хорёк, поставив банку и достав из карманов грязной куртки четыре мутных стакана, – сначала просто надо выпить.

Он разлил самогон по стаканам.

– Ну, берите!

Красноклык взял стакан, выдохнул и залпом выпил. Глаза лиса наполнились слезами, он выронил стакан и закашлялся.

– Крепкий самогончик, правда? – с улыбкой спросил хорёк.

– Да, – чуть слышно прохрипел Красноклык.

– А что же девчонки? – спросил хорёк, протягивая стакан Ушке.

Зайчиха отстранила лапу с протянутым стаканом в сторону и сказала:

– Я равнодушна к алкоголю, тем более мне неизвестно, из чего вы его делаете.

– Ха, а вот тут никакого секрета нет, красавица! Мы делаем его из дерьма!

Красноклык уставился на хорька расширенными от удивления глазами.

– Из дерьма? – спросил лис.

– Ага, – кивнул в ответ хорёк, – собираем дерьмо, греем его, чтобы оно начало бродить, а потом перегоняем из него алкоголь. Безотходное производство! А из того, что остаётся, делаем корм для червей. Как вам похлёбка?

– Омерзительная похлёбка, – ответила Ушка.

Красноклык сунул в рот два пальца, чтобы вызвать рвоту, но его лишь пару раз скрутило. Выплюнув изо рта густую, тягучую слюну, он сказал хорьку:

– Предупреждать надо.

– Ничего, привыкнете, – сказал хорёк, похлопав лиса по спине, – ну, ты ведь вроде хотел увидеть, как мы получаем электричество?

– Да, – оживившись, ответил Красноклык, – очень бы хотелось на это посмотреть.

– Тогда пошли!

Он провёл их в конец пещеры, где обнаружился вход в ещё один туннель.

– Проходите, – сказал хорёк и первым зашёл внутрь.

Туннель оказался коротким, всего в пару десятков шагов и привёл их в небольшую пещеру, в центре которой стояло огромное колесо, в котором бегали четыре крысы. От неподвижной части колеса шли провода к шести большим аккумуляторам, стоящим у стены.

Ушка, Красноклык и Остроzubка подошли к колесу и увидели, что крысы слепы, а на том месте, где должны быть глаза, зияют чёрные дыры незаживающих ран. Из пустых глазниц стекали капли мутного гноя. Крысы не обращали на ребят никакого внимания, словно были не только слепы, но и глухи.

– Что вы с ними сделали? – спросила Ушка.

Хорёк подошёл к колесу, поднял с земли тонкую металлическую палку с острой иглой на конце и ткнул одну из крыс. По серой шерсти потекла кровь, крыса дёрнулась и побежала быстрее, увлекая трёх других, от чего лампочки на потолке загорелись чуть ярче.

– Мы заставили их работать на других, – ответил хорёк, – нам нужно электричество. Видите у них за ушами проводки?

Красноклык, Ушка и Остроzubка пригляделись к крысам и действительно увидели у них за ушами тонкие проводки и небольшие коробочки, прикреплённые к плечам.

– Мы ввели в их мозг электроды, а в этих коробочках находятся батарейки, которые посылают разряд и заставляют крыс бежать. Здорово, правда?

– Вы вырвали им глаза, – прошептала Остроzubка.

– Не только, – довольно сказал хорёк, – языков у них тоже нет, а ещё они глухи. У них единственная задача – бегать в колесе, а для этого уши, глаза и язык не нужны. Раз в день мы их кормим сырыми червями – крысы весьма неприхотливы в еде.

– Как-то это мерзко, – сказала мышка.

– И это говорит та, что только что убила крысу? – повернувшись к ней, спросил хорёк.

– Ну, мне кажется, что смерть лучше, чем такая жизнь, – ответила Острозубка.

Хорёк хмыкнул:

– Мы давали им выбор – смерть или колесо, и они выбрали колесо. Крысы очень хотят жить, даже если их превращают в безвольных тварей.

– А они что-нибудь понимают? – спросила Ушка.

– А кто ж его знает? Теперь у них ведь не спросишь! Нет, спросить ты можешь, только они не услышат и не ответят.

Он засмеялся и снова ткнул крысу металлической палкой, от чего та побежала быстрее.

– На боль они реагируют, – сказал хорёк, – значит, что-то соображают.

Красноклык, а его подобное применение крыс явно восхитило, спросил:

– А кто придумал эти электроды, которые вы вживляете им в мозг?

– Был тут один учёный, – ответил хорёк, – звали его Рогуля. Помер пару лет назад. Когда-то он работал на крыс, хотел сделать суперсолдат, но от этих электродов в мозгах они не были способны мыслить. Потом у него с крысами какие-то разногласия возникли, он и сбежал. Ух, как он их ненавидел! Видели бы вы, с каким наслаждением он вырывал им глаза!

Крыса лежит привязанная, а он щипцами хватает глаз, тянет, медленно так выкручивает... Крыса визжит, а он тянет и улыбается... Меня даже один раз стошнило, а Рогуля надомной посмеялся. Теперь этим занимаюсь я.

Острозубка всхлипнула, а Ушка спросила:

– И тебе не противно?

– Нет, – ответил хорёк, – поначалу было, а после третьей крысы привык.

– А их не ищут? – спросил Красноклык.

Хорёк, улыбнувшись, ответил:

– Крысы друг друга не ценят. Мудрокрыс, как говорят, на завтрак ест нерождённых крысят. Они, кстати, очень вкусные. Хотите попробовать кусочек?

– Что? – спросила Острозубка, содрогнувшись от ужаса.

Хорёк улыбнулся.

– У нас тут есть парочка беременных крыс. Мы собираемся вскрыть их, достать крысят и запечь. Будете?

– Нет, – ответила Ушка.

Зайчиха с ужасом осознала, что эти звери ничуть не лучше крыс, а, может, даже и хуже них. Прикрываясь борьбой с властью, они творят ужасные вещи, мерзкие, отвратительные, непристойные и пугающие. Это не было борьбой за свободу, это была мелкая месть, неспособная что-либо изменить. А если они свергнут Мудрокрыса и придут к власти? Что будет тогда? Смерть, ужас, страх...

– Мне страшно, – сказала Острозубка.

Хорёк не обратил внимания на мышку и спросил:

– Хотите увидеть жабу?

– Кого? – спросила Ушка.

– Жабу, – ответил хорёк, – обыкновенную жабу. Они у нас тут на нижнем этаже живут. Там скапливается жидкость с поверхности, а кормим мы их тараканами и личинками мух. Они такую вкусную икру мечут! Обедение!

Красноклык восхищённо присвистнул:

– Фьюить! Это же почти яйца! А жабы ведь тупые, они даже собственных головастика едят! Как у вас тут всё здорово устроено!

– Тебе это нравится? – спросила у него Ушка.

– Да, – ответил лис, – здесь живут так, как считают нужным.

– И?

– Я тоже хочу так жить.

Хорёк ударил себя по коленям и схватил Красноклыка за плечи.

– Молодец, мальчик! Молодец! МО-ЛО-ДЕЦ! Так и нужно! Мы живём независимо от того общества, которое создали крысы! Мы не подчиняемся им, мы не служим им, мы их даже используем!

Он тряс лиса и брызгал слюной, а крысы в колесе, словно почувствовав возбуждение, ускорились и лампочки загорелись ярче.

– Они всё-таки понимают, – прошептала Острозубка.

– И что с того? Они всего лишь крысы.

Да, это были крысы. Те самые крысы, что служили в полиции, что заседали в Совете, что управляли страной, но всё же это были живые существа, такие же, как они сами. Они чувствовали боль, чувствовали так же, как и все.

– Я до сих пор не понимаю, кто вы такие, – сказала зайчиха, – ты, например, даже не назвал своего имени.

Хорёк усмехнулся:

– Вау!!! Я не назвался! Меня зовут Умник, но это кличка. У меня нет имени, просто можете меня звать по кличке. Мы – это общество свободных граждан Межречки! Жаб пойдёте смотреть?

– Да! – крикнул Красноклык.

– Они тут рядом, нужно только чуть ниже спуститься.

Вернувшись в большую пещеру, Умник провёл их к другому туннелю, который уходил куда-то вниз настолько резко, что вдоль стены была протянута верёвка.

– Хватайтесь за верёвку, – сказал хорёк, – а то вниз скатитесь.

Вскоре все четверо вышли в большое круглое помещение, в центре которого находилась огромная яма, на дне которой, в мутной воде, сидели четыре огромные жабы, покрытые бородавками. Жабы уставились на Умника и ребят выпученными глазами и открыли беззубые пасти.

– Они думают, что мы пришли их кормить, – сказал хорёк.

– Какие огромные! – удивилась Острозубка.

– Да, – согласился Красноклык, – такая жаба даже ребёнка сожрать сможет.

Умник весело посмотрел на лиса и кивнул:

– Сможет, смею вас уверить – в прошлом году мы кинули к ним крысёнка, так одна из жаб его махом проглотила, так что тот даже пискнуть не успел!

– Ты говоришь об этом с каким-то странным восторгом, – укоризненно сказала Ушка, – словно тебе доставляет удовольствие само воспоминание о том, как кто-то кого-то сожрал.

– Не кого-то, а крысёнка, – ответил хорёк, – он бы вырос и превратился в большую крысу, такую же, как и другие.

Красноклык, чтобы прекратить начинающийся спор, спросил:

– Ты говорил, что вы едите их икру, а как вы её достаёте?

– Очень просто, – ответил Умник, – вы же знаете, что жабы умеют дышать кожей?

– Нет, – хором ответили Острозубка и Красноклык.

– Теперь знаете, – хорёк достал из кармана маленькую бутылочку и вылил её на одну из жаб, – мы поливаем жаб алкоголем, они пьянеют и засыпают. Смотрите!

Он указал вниз. Ребята заглянули в яму и увидели, как одна из жаб медленно переползла к земляной стене, несколько раз моргнула и замерла.

– Она спит, – сказал хорёк, – вот так мы их усыпляем, а потом спускаемся и забираем икру.

– Пьяные жабы, – чуть не рассмеявшись, сказал лис, – это надо же было додуматься!

– Меня не зря прозвали Умником, – самодовольно сказал хорёк, – ну, больше нам здесь нечего делать, поедём.

Они вернулись в большую пещеру, где звери, уже порядком поднабравшись, хором пели песню.

**МЫ КРЫС СМЕТЁМ, МЫ КРЫС ПРОГОНИМ,
МЫ КРЫС РАСТОПЧЕМ И ЗАДУШИМ!**

**МЫ В ТОМ КЛЯЛИСЬ ДРУГ ПЕРЕД ДРУГОМ
И СВОЕЙ КЛЯТВЫ НЕ НАРУШИМ!**

ВПЕРЁД! ВПЕРЁД! НА КРЫС!

БЕЗ СТРАХА, БЕЗ СОМНЕНИЯ!

ВПЕРЁД! ВПЕРЁД! НА КРЫС!

НАСТАЛО ВРЕМЯ МЩЕНИЯ!

МЫ УНИЧТОЖИМ ПЛЕМЯ КРЫС!

СОЖЖЁМ В ПЕЧАХ КРЫСЯТ ПИСКЛИВЫХ!

ГОРИ В ОГНЕ, КРЫСИНЫЙ МИР!

ГОРИ НАВЕКИ, КРЫСЬЕ ИМЯ!

ВПЕРЁД! ВПЕРЁД! НА КРЫС!

НАСТАЛО ВРЕМЯ МЩЕНИЯ!

ВПЕРЁД! ВПЕРЁД! НА КРЫС!

БЕЗ СТРАХА, БЕЗ СОМНЕНИЯ!

НА КРЫС КРОВИ ПОСТРОИМ МИР

ПРЕКРАСНЫЙ И СВОБОДНЫЙ!

НАМ ХВАТИТ ВОЛИ, ХВАТИТ СИЛ!

ГРЯДЁТ МЯТЕЖ НАРОДНЫЙ!

НАСТАЛО ВРЕМЯ МЩЕНЬЯ!
ВПЕРЁД! ВПЕРЁД! НА КРЫС!
БЕЗ СТРАХА, БЕЗ СОМНЕНЬЯ!
ВПЕРЁД! ВПЕРЁД! НА КРЫС!

– Какая классная песня! – хлопнув хорька по плечу, сказал Красноклык.

– Я сам её сочинил, – гордо ответил Умник.

– Какая-то она жутковатая, – сказала Острозубка, – вы действительно собираетесь убить всех крыс, если придёте к власти?

– Да, – кровожадно улыбнувшись, ответил хорёк, – ничего другого они не заслуживают.

– Даже совсем маленьких? – робко спросила мышка.

– Я уже говорил, что маленькие крысята вырастают в больших крыс.

– Но ведь их можно воспитать, – возразила Ушка.

– Да ты что! Что же вы не занялись перевоспитанием крыса там, наверху, а позволили своей милой маленькой подружке разрубить ему морду?

Острозубка, смутившись, спрятала лицо под курточкой.

– Там было по-другому, – сказала зайчиха, – но давай не будем спорить, хорошо? Просто ответь на один вопрос.

– Валяй.

– Вот в этой песне вы поёте, что, когда придёте к власти, истребите всех крыс, правильно?

– Да.

– А что вы делаете для того, чтобы добиться победы?

Умник замялся, не зная, что ответить на вопрос. Он достал из кармана бутылочку, сделал маленький глоток и, ещё немного подумав, ответил:

– Ну, мы обсуждаем захват Крысиного города, сочиняем листовки, ловим отдельных крыс. Как-то так.

– И сколько это длится? – спросила Ушка.

– Лет двадцать.

– То есть вы уже двадцать лет сидите под землёй, пьёте, поёте песни и ничего толком не делаете? Да за это время вы могли уже раз десять свергнуть Мудрокрыса, а он за эти годы лишь укрепил свою власть!

– Ты ничего не понимаешь, девчонка, – со злобой сказал Умник, – ты даже не представляешь, насколько это сложно и опасно!

– Знаешь, ты мне чем-то напоминаешь взрослых, – с презрением сказала Ушка, – они сначала просрали то время, когда ещё могли что-то изменить, а теперь жалуется, как им трудно живётся.

– Кто жалуется? – быстро спросил хорёк.

– Почти все, – ответила зайчиха, – а тебе что, нужны имена? Зачем?

– Ну, так, – смущённо ответил хорёк, осознав, какую глупость сморозил, – можно было попытаться завербовать новых сторонников.

Ушка усмехнулась:

– Для чего? Для посяделок под землёй, поедания вонючей похлёбки и распития самогона из дерьма?

– По крайней мере, здесь мы свободны от крыс, – сказал хорёк.

– Да, здесь вы просто сами добровольно заточили себя. Интересно, а крысы знают, что вы здесь?

– Откуда? – взволнованно спросил Умник.

– Просто странно, что за столько лет они вас не обнаружили, – сказала Ушка, – у вас тут под землёй целый посёлок, толпа зверей, вы поёте песни во всё горло, а они так про вас ничего и не знают. Как-то это подозрительно.

– Ничего подозрительного, – огрызнулся хорёк, – наверху ничего не слышно – мы проверяли.

– А может, крысам вы просто неинтересны? – спросила зайчиха.

– В смысле?

– Вы для них не представляете никакой опасности. Думаю, что им гораздо удобнее, когда такое количество зверей, недовольных режимом Мудрокрыса, сидит в одном месте и ничего не делает.

– Они бы тогда могли схватить всех разом, – злобно прошипел хорёк.

Красноклык попытался прекратить спор, встав между Ушкой и Умником.

– Не надо спорить, а то вы так разругаетесь, – сказал лис, – у нас общий враг.

Умник оттолкнул его в сторону, прошипев сквозь зубы:

– Не мешай.

– Если они схватят вас всех сразу, то слух об этом пройдёт по всей Межречке, – ответила Ушка, не обращая внимания на то, как хорёк оттолкнул лиса, – и тогда всем недовольным некуда будет бежать. А так вы все сидите в одном месте и никому не мешаете.

– Мы убиваем крыс, – с горящими глазами возразил хорёк.

Ушка, улыбнувшись, ответила:

– Ты же знаешь, как крысы относятся друг к другу. Думаю, они легко пожертвуют кем-то из крыс ради сохранения стабильности. А вам это даёт уверенность в значимости того дела, которое вы делаете, хотя на самом деле вы не делаете ничего.

Пока они разговаривали, звери перестали петь и снова занялись болтовнёй и выпивкой, не обращая никакого внимания на спор Ушки и Умника. Зайчиха стояла, скрестив лапы на груди, и насмешливо смотрела на разозлившегося хорька, не доходившего Ушке даже до подбородка и выглядевшего мелким и жалким рядом с ней.

– Мы даём им надежду на лучшую жизнь, – всё больше злясь, прошептал хорёк.

– Здесь? – насмешливо спросила зайчиха.

– А хотя бы и здесь! Это лучше, чем унижаться перед крысами, бояться и дрожать от страха, следить за своими слова-

ми и опасаться посмотреть как-то не так на полицейского! Здесь они могут быть самими собой!

– Я вижу, кем они хотят быть, – оглядев пьяную толпу, сказала Ушка, – это не жизнь, это деградация и отупение. То, что вы якобы спрятались от крыс, не избавило вас от страха перед ними. Вы прячетесь, значит, вы боитесь.

Умник фыркнул, явно намереваясь сказать что-то оскорбительное, но сдержался и предпочёл прекратить неприятный разговор.

– Давай не будем развивать эту тему, – примирительным тоном сказал он и протянул лапу, – я раздражаюсь, оправдываюсь, но всё равно останусь при своём мнении и уж тем более не буду тебя переубеждать. Хорошо?

– Мы вроде не ссорились, чтобы мириться, – сказала зайчиха, пожимая тощую, покрытую шрамами лапу хорька, – но, так и быть, я не буду больше возвращаться к этой теме.

– И что вы намерены делать дальше? – деловито осведомился Умник.

– Нам надо уходить отсюда, – ответила Ушка.

– Куда?

– Не знаю.

– Ушка! – воскликнул Красноклык.

– Что?

– Зачем отсюда уходить? Здесь классно! – громко сказал лис, явно хотевший остаться.

Ушка удивлённо взглянула на Красноклыка. Она всегда

знала, что лис немного импульсивен и склонен к необдуман-
ным и быстрым решениям, но чтобы он хотел остаться в этом
мрачном, сыром, вонючем и отвратительном месте?

– Ты действительно хочешь остаться здесь и сидеть под
землёй? – спросила она.

– Здесь весело, – ответил лис.

– А ты не боишься, что тебе это веселье вскоре надоест?

Лис задумался, посмотрел на толпу зверей, многие из ко-
торых уже опьянели настолько, что не могли даже сидеть.

– Не знаю, – неуверенно ответил он.

– Тогда подумай ещё раз, – холодно сказала зайчиха, боясь
выдать волнение.

Она-то уйдёт отсюда, это Ушка решила твёрдо, но жела-
ние Красноклыка остаться её сильно взволновало. Зайчиха
не хотела терять друга, не хотела, чтобы он сам потерял себя.
В то, что будет именно так, Ушка ни на секунду не сомнева-
лась – достаточно было посмотреть на отупевшие и пропи-
тые морды любителей дерьмового алкоголя, чтобы убедиться
в том, что и Красноклык через какое-то время будет вы-
глядеть точно так же.

– Он подумает, – сказал хорёк, – он обязательно подумает.

Хорёк, несмотря на то, что тоже употреблял алкоголь, не
выглядел пьяницей, и это настораживало.

– А мне здесь не нравится, – подала голос Острозубка.

– О, наша маленькая крысоубийца! А я почти и забыл про
тебя! А что тебе здесь не нравится?

Мышка вздохнула и робко ответила:

– Здесь очень темно и воняет.

– Зато здесь безопасно и нет крыс.

Ушка сжала кулаки и, грозно посмотрев на Умника, спросила:

– Ты опять начинаешь?

Хорёк вскинул лапы вверх и быстро пробормотал:

– Прости-прости! Это у меня привычка! Оставаться или нет, зависит от вас, а мы никого не держим насильно. Я помог вам спрятаться, а дальше вы вольны идти, куда хотите. Переночуйте и идите.

– А ещё среди вас нет детей, – тихо сказала Острозубка.

А ведь действительно! Ушка оглядела пьяных зверей: среди них были и самцы, и самки, и даже такие, чей пол было невозможно определить, но не было ни одного ребёнка. Странно, что она раньше этого не заметила.

– А почему у вас нет детей? – спросила Ушка.

– Здесь не рождаются дети, – хмуро ответил хорёк.

– Ни одного за столько лет?

– Ни одного. Здесь плодятся только черви и тараканы.

– Этого не может быть.

– Однако это так, – сказал Умник, – ну что, показать вам ваше место для ночёвки?

Зайчиха кивнула и грустно ответила:

– Да.

Умник повёл их к сложенным у стены пещеры доскам, со-

всем рядом с входом в пещеру с крысами.

– Вот, можете располагаться здесь, – сказал хорёк, – вас никто не потревожит.

Он ушёл, а Ушка, наклонившись к Острозубке, тихо прошептала:

– У них нет детей, нет будущего. Они никогда не восстанут против крыс, и до конца жизни будут сидеть в этой грязной пещере, пить самогон из дерьма, жрать похлёбку из червей и петь песни.

Из-за того, что в пещеру не проникал солнечный свет, было непонятно, наступила уже снаружи ночь или нет, но через пару часов все звери, напившись, уснули. Они громко храпели, выпускали газы, стонали, а кто-то даже плакал. Ребята развели в миске белковый порошок, поели каши, попили чистой воды, покурили и легли на жёсткие доски.

– Я подумал, – тихо прошептал Красноклык.

– О чём? – спросила Ушка.

Лис придвинулся ближе.

– Я не хочу здесь оставаться.

– Правильно, – сказала зайчиха, – иначе вскоре ты стал бы похож на этих, упивался бы этим пойлом и жрал бы эту мерзкую похлёбку.

– Не напоминай мне о ней, – скривился Красноклык, – меня сейчас стошнит от одной мысли о ней. Слушай, а что ты думаешь об этом Умнике?

– Он подозрительный, – ответила Ушка, – вроде он и с ними, но не выглядит таким пропитым. И уж очень он хотел, чтобы мы остались здесь. Мне кажется, что этот хорёк не так прост.

– Мне он тоже не понравился, – прошептала Острозубка, – сначала вроде ничего, а потом, когда он этих крыс показал, я подумала, что это слишком жестоко. А про крысёнка и жаб так вообще жутко.

В дальнем конце пещеры, там, откуда они пришли, сверкнул и тут же погас крошечный огонёк, словно кто-то проверял работу фонарика.

– Там кто-то есть, – уверенно сказала Ушка.

Лампочки светили очень слабо – крыс было некому подгонять, к тому же даже им нужен был отдых и сейчас, по всей видимости, электричество для освещения шло от аккумуляторов. Тому, кто хотел пройти через спящих зверей и ни на кого не наступить, фонарик был необходим.

– Я пойду и узнаю, что там, – сказала мышка.

– Не смей, – схватив её за куртку, сквозь зубы прошептала зайчиха.

– Ушка, кто-то пошёл наверх. Ночью. Зачем?

– А если тебя увидят?

– Я меньше тебя и меньше Красноклыка, – ответила Острозубка, – я хорошо вижу в темноте, умею тихо ходить, к тому же я сниму куртку, чтобы не шуршать.

Она сняла куртку, оставшись в рубашке и штанах.

– Будь осторожна, – сказала зайчиха.

– Возвращайся, – попросил лис.

– Обязательно.

Острозубка осторожно, стараясь не задеть спящих зверей, пробралась к выходу из пещеры и, передвигаясь вдоль стены, вошла в туннель. Она шла по нему, стараясь двигаться, как можно тише и вскоре услышала бормотание того, кто шёл впереди. Слова были неразборчивыми, но обладателя голоса Острозубка узнала. Это был Умник, и он зачем то шёл на свалку.

Хорёк подошёл к выходу и осторожно, чтобы не наделать лишнего шума, открыл дверь, однако совсем бесшумно у него это сделать не получилось, и ржавый металл издал противный скрежет, от которого у мышки внутри засвербело.

– Чтоб её, эту дверь, – пробормотал себе под нос Умник, – всё забываю смазать.

Он обернулся и посветил фонариком в глубину туннеля. Мышка вжалась в холодную, влажную стену и задержала дыхание. Луч света скользнул по противоположной стене, по полу, а затем погас.

– Да кто там пойдёт, – хмыкнул хорёк, – нажрались, как обычно!

Он высморкал из носа соплю, прочистил горло, сплюнул и вышел наружу. Острозубка, прижавшись к стене, подошла к выходу и осторожно выглянула наружу.

Хорёк стоял рядом со сломанной машиной, возле которой

белели кости крыса и вглядывался в темноту, словно кого-то ждал. Он переминался с лапы на лапу, несколько раз отхлёбывал из своей бутылочки и явно волновался.

Через пять или десять минут, за время которых у Остроzubки успели затечь лапы, послышались голоса и к хорьку подошли два крысы, одетых в чёрную форму. Хорёк пригнул голову, словно ожидал удара, но крысы не стали его бить.

– Ну, как там дела у этих? – наглым голосом спросил крыс.

– В-в-сё, к-к-как об-б-бычно, – дрожа и заикаясь, ответил Умник.

Крыс хлопнул его по плечу и, усмехнувшись, сказал:

– Не ссы, не обидим!

И, переглянувшись с напарником, добавил:

– Не в этот раз! А теперь рассказывай, что тут случилось.

Хорёк дрожащей лапой достал бутылочку, отхлебнул и ответил:

– Трое ребят сегодня пришли: мальчишка-лис и две девочки, зайчиха и мышь. Вот эта мышь его и прикончила, сам видел. А зайчиха, вы бы её видели – здоровая, как не знаю, кто! Даже больше вас!

– Что они намерены делать дальше? – спросил крыс.

– Они хотят уйти.

Крыс переглянулся с напарником и отвесил хорьку пощёчину, от чего тот отлетел в сторону и упал на кучу мусора.

– Ты не должен этого допустить, понял! – грозно сказал крыс.

– Они должны остаться с вами, – добавил второй.

Хорёк на корточках подполз к ним и, стоя на коленях, плачущим голосом ответил:

– Я понял, я понял. Я постараюсь их убедить остаться.

Крыс схватил его за лицо лапой в чёрной перчатке и поднял вверх.

– Не попробуешь, а убедишь!

Небрежно отшвырнув хорька в сторону, крыс обратился к напарнику:

– Пошли?

Умник, пригибаясь и извиваясь всем телом, подскочил к ним и заскулил:

– Подождите, подождите!

Крысы, уже собравшиеся уходить, обернулись.

– Чего тебе?

Размазывая слёзы и сопли по лицу, хорёк пропищал:

– У меня кончился порошок бесплодия.

– Завтра его тебе доставят, – ответил крыс, – место ты знаешь. Не скучай!

Крысы отвернулись от хорька, и ушли, насвистывая какую-то песенку, названия которой Острозубка не помнила, а хорёк, вытерев лицо рукавом грязной куртки, встал и направился к входу в туннель.

Увидев, как он поднимается, Острозубка, прижав уши, отползла от входа и опрометью бросилась в пещеру, чтобы предупредить Ушку и Красноклыка.

С бешено стучащим сердцем мышка промчалась по туннелю и, не обращая внимания на то, что то и дело задевает спящих зверей, подбежала к Красноклыку и Ушке.

– Что случилось? – взволнованно спросила зайчиха.

Острозубка, прерывисто дыша, указала на выход из пещеры и ответила:

– Там... там...

– Да не волнуйся ты так! Отвечай спокойнее!

– Умник встречался с крысами! – выпалила мышка.

– Тихо! – цыкнула Ушка. – Ты так всех разбудишь. Ты уверена?

– Да, – кивнула Острозубка, – я собственными глазами видела, как они разговаривали.

Красноклык, горестно вздохнув, произнёс:

– А ведь он мне сначала даже понравился. Немного. Со всем чуть-чуть.

В противоположном конце пещеры вспыхнул и тут же погас фонарик.

– Это он возвращается, – сказала мышка, – он пообещал крысам, что не выпустит нас отсюда.

Ушка усмехнулась:

– Это мы ещё посмотрим.

– Ты не понимаешь, – сказала мышка, – они всех обманывают, всех! Все эти звери их жертвы!

– Их, по всей видимости, это устраивает, – грубо ответила зайчиха, – пусть здесь и остаются – мне до них дела нет, а

вот нам нужно срочно уходить.

– А если нам не дадут уйти? – спросил Красноклык.

– Будем драться, – уверенно ответила зайчиха.

– Они нас убьют.

В этот момент они заметили, что хорёк, осторожно переступая через лапы и хвосты спящих зверей, идёт к ним.

– Тихо, – сказала Ушка.

АЙ, ДА ЧТОБ ТЕБЯ КРЫСЫ СОЖРАЛИ!

– Прощу прощения, – извинился хорёк, наступив перед этим кому-то на хвост, и подошёл к ребятам.

Он включил фонарик, осветил Ушку, Острозубку и Красноклыка, довольно крикнул и спросил:

– А почему вы не спите?

Ушка, прикрывая лицо лапой, попросила:

– Не могли бы вы не слепить в глаза?

– А, да, хорошо, – спохватился Умник и выключил свет, – так почему вы не спите?

– Не спиться, – просто ответила Ушка.

– Бывает, – равнодушно произнёс хорёк, – а я как раз хотел с вами поговорить.

– О чём?

Хорёк медленно опустился на корточки, отхлебнул из бутылочки, достал сигарету и, закурив, медленно и мрачно произнёс:

– Я был наверху.

– А! – ахнула мышка, но зайчиха тут же прикрыла ей рот

лапой.

Умник посмотрел на расширенные глаза мышки, удивлённое лицо Красноклыка, скривлённые в усмешке губы Ушке и продолжил:

– Крысы наверху. Они ищут тех, кто убил их соплеменника. Я прятался за мусорной кучей и слышал, как они говорили, что обязательно найдут убийцу. Вам пока лучше остаться здесь.

Ушка убрала лапу с лица мышки и спокойным голосом сказала:

– Хорошо.

– Что? – спросил удивлённый таким быстрым решением хорёк.

В его голосе, помимо удивления, звучала радость, которую он не смог скрыть, обрадованный тем, что всё оказалось настолько просто.

– Мы остаёмся, – подтвердила зайчиха.

– Очень хорошо, – медленно сказал довольный хорёк, – рад, что вы так решили. Ну, а теперь спите, а я тут пока поброжу, понаблюдаю, а то вдруг кому плохо станет во сне.

Он встал и, насвистывая ту же мелодию, что и крысы, ушёл.

– Не доверяет он нам, – чуть слышно сказал Красноклык.

– Я знаю.

– Что будем делать?

Ушка задумалась и вспомнила о крысах в колесе.

– Есть один план, как всех здесь отвлечь, – сказала она.

– Какой?

– На колесе с крысами нет замка, там лишь задвижка. Если мы их выпустим, они устроят тут переполох, и мы сможем убежать.

Красноклык тихонько присвистнул.

– Точно! А если мы снимем с них эти приборчики, то они, возможно, вернут себе сознание и захотят отомстить!

– Что? – с ужасом спросила мышка.

– Отомстить, понимаешь, – восхищённо прошептал Красноклык, – они же будут кусать любого, до кого смогут дотянуться. Крысы устроят тут такой беспорядок, что это будет что-то с чем-то!

– Ещё недавно ты хотел здесь остаться, потом передумал, а теперь с восторгом говоришь о том, как это здорово – спустить крыс на спящих!

Красноклык облизнулся и, кивнув, сказал:

– Ага! Прикинь, как это будет здорово! Все спят, ни о чём не подозревают, а тут – бац!

– Всегда знала, что ты немного того, – покрутив пальцем у виска, сказала зайчиха, – ладно, пошли. Стоп, а как ты собираешься снять с них эти приборчики? Внутрь полезешь?

– Там же есть палка, – ответил лис.

Они нацепили рюкзаки и, прижимаясь к земле, проползли к пещере с колесом.

Крысы, как и в первый раз, даже не заметили, что кто-

то вошёл. Они медленно двигались внутри колеса, наступая друг другу на хвосты. Красноклык подошёл к колесу и осторожно постучал по решётке.

– Они, похоже, ни на что не реагируют, – сказала Острозубка.

Красноклык поднял металлическую палку и обошёл колесо.

– Сейчас узнаем.

Он осторожно просунул палку между прутьями решётки, подцепил острым концом проводки и дёрнул вверх, вырывая их из крысиной головы. Крыса остановилась, словно её отключили, и тут же упала, так как колесо продолжало вращаться, а Красноклык, не дожидаясь, пока она встанет, точно так же вырвал провода у остальных крыс. Несколько долгих секунд крысы сидели в колесе, а потом одна из них открыла пасть, растопырила усы и зашипела. Звук был тихим, но пугающим, он словно исходил из горла и от него у ребят по коже пошли мурашки. К первой крысе тут же присоединились остальные и, не прошло и минуты, как они начали метаться внутри колеса, пытаясь перегрызть металлическую решётку.

– Острозубка, отойди к Красноклыку, – громко сказала Ушка, – а ты дай мне тесак!

Красноклык быстро достал из рюкзака тесак, подбежал к зайчихе и они, взявшись за двойную задвижку, резко её сдвинули, распахнули дверцу и отскочили назад.

Почувствовав свободу, крысы выпрыгнули из колеса и, зашипев, ринулись в коридор.

– Я чуть не описалась, – дрожащим от страха голосом сказала Острозубка.

– Я тоже испугалась, – призналась зайчиха, сжимая тесак обеими лапами.

Они вернулись в общую пещеру и увидели, как крысы медленно ходят и обнюхивают спящих зверей.

– Зачем они их обнюхивают? – спросила Острозубка.

– Наверное, кого-то ищут, – ответила зайчиха.

Одна из крыс замерла и принялась обнюхивать спящую выхухоль. Это продолжалось несколько секунд, после чего она, издав тонкий свист, перешедший в шипение, вцепилась выхухоли в лицо. Раздался дикий крик, выхухоль попыталась вскочить на ноги, но крыса крепко вцепилась в неё всеми четырьмя лапами и принялась рвать.

От крика проснулись остальные звери, а в противоположном конце пещеры вспыхнул фонарик.

А-А-А-А-А!

УБЕРИТЕ ИХ!

КАК ОНИ ОСВОБОДИЛИСЬ?

ИХ НАВЕРНЯКА КТО-ТО ВЫПУСТИЛ!

МОЁ ЛИЦО!

МРАЗЬ, ЭТА МРАЗЬ ОТОРВАЛА МНЕ ЛАПУ!

ГДЕ МОЙ НОЖ, ЧТОБ ВАС КРЫСЫ СОЖРАЛИ!

НА, ПОЛУЧИ, ПАДАЛЬ!

ТАЩИ ЕЁ ЗА ХВОСТ!

Крысы, как обезумевшие, метались между проснувшимися зверями, валили их на землю, рвали когтями и зубами и, убив одного, тут же бросались на другого. Даже в тусклом свете лампочек были видны их окровавленные морды с вырванными глазами.

Звери пытались сопротивляться: кто-то бил крысу бутылкой, кто-то пытался повалить на землю, кто-то отбивался доской, но, так как все ещё были сильно пьяны, выходило у них довольно плохо. Единственным, кто оказал достойное сопротивление, был пёс: он схватил одну из крыс за горло и, разбив бутылку из-под самогона, воткнул острое стекло ей в глаз и несколько раз провернул. Крыса взвизгнула и обмякла, а пёс, отбросив её в сторону, бросился к следующей.

– Пошли отсюда, – сказала Ушка.

Двигаясь вдоль стены, они дошли до выхода и в последний раз обернулись на пещеру, где как раз в этот момент пса терзали сразу две крысы.

– Он был храбрым, – с грустью сказал Красноклык.

– Все становятся храбрыми, когда нужно защищать свою жизнь, – ответила Ушка.

– Как ты думаешь, мы правильно поступили? – спросил лис.

– Не знаю.

Ребята зашли в туннель и направились к выходу, но, не успели пройти и сотни шагов, как Острозубка, которая шла

последней, закричала и тут же умолкла, словно ей заткнули рот.

Ушка с Красноклыком обернулись и увидели Умника: хорёк крепко прижимал мышку к себе, одной лапой зажав ей рот. Во второй лапе он держал короткое тонкое шило, которое было приставлено к горлу Острозубки.

– А славно вы придумали, – злобно сказал Умник, – там сейчас такой переполох! Выпустить крыс, чтобы убежать! Это же надо было додуматься! Что вам сделали те несчастные?

– Отпусти её, – холодно сказала зайчиха.

– С какой стати?

– Тогда я тебя не трону.

Хорёк провёл шилом по шее Острозубки и, облизнув тонкие губы, сказал:

– Ты и так меня не тронешь.

– Да? Ты так в этом уверен?

Ушка подняла тесак вверх и шагнула к ним.

– Стой! – взвизгнул хорёк.

– Что такое?

– Не подходи!

Умник дрожал от страха и злобы, с его носа капал пот. Он, по всей видимости, не мог решиться, что ему сейчас делать. Убить мышку означало, что и его самого убьют, а отпустить было страшно. Внутри себя он даже пожалел, что вообще попёрся за беглецами.

– Ну? – спросила Ушка.

– Хорошо, я отпущу её, – крикнул хорёк, – только пообещай мне, что не убьёшь!

– Обещаю, – ответила зайчиха.

Умник медленно отвёл лапу с шилом, после чего резко оттолкнул Острозубку от себя. Мышка поскользнулась и упала, но тут же поднялась и спряталась за Красноклыком. Ушка сделала ещё один шаг к хорьку, который оскалился и, выкинув шило, поднял лапы.

– Ты обещала, что не тронешь, – подобострастно прошептал он.

Ушка размахнулась и одним ударом отсекла ему обе кисти, которые упали на грязную землю, где на них тут же накинулись маленькие жуки. Хорёк поднёс культи к своему лицу и с ужасом посмотрел на них, не издав ни звука от шока.

– Я обещала не убивать, – тяжело дыша от волнения, сказала зайчиха, – ты сам сдохнешь.

Она развернулась и направилась к выходу, оставив потрясённого хорька рассматривать свои обрубленные лапы и истекать кровью. Красноклык и Острозубка, не сказав ни слова, пошли следом.

Отвалив дверь, ребята вышли на свалку, оставаться на которой, после всего, что произошло, было опасно.

– Надо уходить обратно в лес, – сказала Ушка.

– Согласен.

– А потом куда? – спросила Острозубка.

– Не знаю, – ответила зайчиха.

– Куда глаза глядят, – перекинув топор из лапы в лапу, сказал Красноклык, – мы ведь вроде так и собирались.

Лис был прав, ведь они, когда уходили, не имели ни малейшего понятия о том, куда идти. Им просто нужно было идти хоть куда-нибудь, куда-нибудь подальше от дома, туда, где нет крыс.

– Пошли, – сказала Ушка.

Они шли между огромных куч мусора, по которым, как и днём, ползали огромные тараканы, только теперь к ним добавились гигантские хищные сверчки. Они прятались внутри куч и время от времени резко выпрыгивали наружу, хватили какого-нибудь зазевавшегося таракана и тут же принимались его пожирать. Тараканы шевелили усами и лапками, а сверчок в это время его ел, медленно двигая огромными жвалами.

– А они нас не тронут? – спросила Острозубка.

– Не знаю, – ответила зайчиха, – я таких тварей ещё не видела.

Она по-прежнему сжимала в руке тесак, который они забрали у свиньи.

– Когда я был маленький, я жутко боялся насекомых, – сказал Красноклык, – мне казалось, что они ночью приползут, утащат меня под кровать и там сожрут живьём. Мне даже сон снился, что они уволокли меня под кровать, начали есть, а я лежу и даже позвать на помощь не могу. Лежу, не

шевелиясь, а они меня едят. Так страшно было!

– Мне снилось, что я тону, – призналась Острозубка, – во сне я сразу оказывалась в воде. Она была грязная, склизкая, как сопля. Я в ней барахтаюсь, пытаюсь выплыть, а со дна поднимаются черви и начинают вокруг меня обвиваться и, чем больше я дёргаюсь и отбрыкиваюсь, тем сильнее они вокруг меня накручиваются. Я каждый раз просыпалась, когда они начинали залезать мне в рот.

– А мне снилось, что я одна, – поддержала тему Ушка, – я выхожу из своей комнаты, а никого нет. Ни в коридоре, ни на кухне, ни в комнатах. Я выбегаю на улицу, а там тоже никого. Бегаю, а никого нет, даже червей в ручье и тараканов в туалете. Вообще никого живого нет, словно я осталась одна во всём мире. Я бегаю, кричу, а никто не отзывается.

– И чем заканчивался твой сон? – спросил Красноклык.

– Чернотой, – ответила зайчиха, – я проваливалась куда-то и оказывалась в полном мраке. Я шла, а он всё не кончался. Это была бесконечная чернота.

– А у тебя были хорошие сны? – спросила у неё Острозубка.

– Никогда, – ответила Ушка, – а разве бывают хорошие сны?

Сверху послышалось шуршание, и к их ногам скатилась ржавая консервная банка. Ушка отскочила от кучи и посмотрела наверх.

– Там кто-то есть, – сказала она, – отойдите от кучи!

На самом верху кучи действительно виднелась худая невысокая фигура, закутанная в какие-то тряпки. Незнакомец медленно опустил на четыре лапы и стал ползти вниз, издавая негромкое шипение.

– Остановись! – громко сказала Ушка, выставив перед собой тесак.

Существо повернуло голову набок, словно прислушиваясь к её голосу, но тут же, зашипев, продолжило спуск. Из кучи выскочил сверчок, но незнакомец оказался проворнее: он отскочил в сторону, от чего вниз скатилось ещё несколько банок, сдутая велосипедная шина и вонючий пластиковый пакет, схватил сверчка за спину, разорвал напополам и бросил вниз.

– Не подходи!

Раздалось шипение и существо, широко расставив передние лапы, прыгнуло на Ушку. Зайчиха отпрыгнула в сторону и тут же нанесла удар тесаком. К ногам Ушки упали две половины рассечённого надвое тела. Из верхней части вывалились кишки, существо скребло лапами по земле, а вокруг медленно растекалась лужа крови.

– Надо посмотреть, кто это был, – сказала Ушка и концом тесака сдвинула с лица существа намотанные тряпки.

– Чешуйка! – с ужасом вскрикнула Острозубка.

Бешеные глаза ящерицы уставились на неё, словно Чешуйка узнал её голос, но это продолжалось не больше пары секунд и они снова начали вращаться в разные стороны. На-

конец, всхлипнув, Чешуйка впился когтями в землю и затих с повёрнутыми в разные стороны глазами.

Ушка опустила её на колени перед телом Чешуйки и закрыла его лицо тряпками. Острозубка и Красноклык сели рядом. Мышка плакала и гладила покрытую жёсткой кожей лапу ящерицы.

– Надо унести его отсюда, – предложил лис, – тараканы его сожрут.

На запах свежей крови уже стали подползать тараканы, одного из которых Ушка размозжила ударом кулака.

– Да, надо.

Зайчиха убрала тесак в рюкзак, взяла верхнюю часть тела Чешуйки в лапы, поднялась и молча

– Пошли, – сказал Красноклык плачущей мышке, взял нижнюю часть ящерицы, и последовал за зайчихой.

Среди мусора, осыпавшегося сверху, лежала старая мятая тетрадь, один край которой уже успел пропитаться кровью. Мышка зачем-то взяла её и медленно побрела за Красноклыком.

Так они и шли: впереди Ушка, затем Красноклык и Острозубка. Всю дорогу до леса ребята молчали, думая о чём-то своём: зайчиха винила себя в убийстве обезумевшего друга, лиса обуревали сомнения насчёт правильности их решения уйти из дома, а мышка оправдывала подругу, понимая, что Чешуйка мог её укусить.

Дойдя до леса, они, не сказав друг другу ни слова, вырыли

неглубокую яму, положили в неё тело Чешуйки и засыпали землёй.

– Не могу поверить, что его больше нет, – нарушила молчание Острозубка.

Ушка сняла рюкзак, прислонилась к серому, лишённому коры дереву, закурила и закрыла глаза.

– Я тоже, – сказал лис.

Острозубка подошла к Ушке. Она осторожно прикоснулась к её груди, от чего зайчиха вздрогнула и открыла глаза, полные слёз.

– Ты как? – спросила мышка.

– Я убила Чешуйку, – прошептала Ушка.

– Он мог тебя укусить.

– Я знаю, но от этого не легче, – сказала зайчиха и села на землю, – зачем он только напал на нас?

– Это безумие, – печально ответил Красноклык, – такое же, как у сторожа Нюхошмыга. Чешуйка убил мать, потом убил Кривоглазку, потом хотел убить нас.

– Мать он убил случайно, – возразила Острозубка.

– Но ведь всё равно убил, – сказал лис, – видимо, после этого он и свихнулся.

Мрачно глядя перед собой, Ушка прошептала:

– А теперь я убила его. А может, мы тоже безумны, просто не знаем этого?

– Безумцы никогда не осознают, что они безумцы, – сказал Красноклык, – так что мы этого никогда не узнаем.

– Или весь этот мир безумен, – словно не услышав его, сказала Ушка.

– Если мир безумен, то и живут в нём только безумцы, – сделал вывод лис, – или те, кто умеет притворяться.

Зайчиха выкинула окурок и посмотрела на небо.

– Светает. Надо уходить.

– Куда? – спросила мышка.

– Я не знаю, но точно не к дому, – ответила зайчиха.

Она надела рюкзак, опустилась на колени перед могилой Чешуйки, прикоснулась к ней лапой и, поднявшись, пошла дальше в лес.

Через несколько часов пути, устав, они решили сделать привал. Ушка и Красноклык пошли собирать хворост, а Острозубка, поменяв вату в штанах, достала из кармана куртки мятую тетрадь и, чтобы хоть немного отвлечься, стала читать, стараясь не обращать внимания на бурое пятно крови на жёлтой бумаге. Большая часть страниц слиплась от сырости, лишь в самом конце тетради было несколько страниц, исписанных крупным почерком. Когда вернулись зайчиха и лис, мышка как раз закончила чтение.

– Что пишут? – спросил Красноклык.

– Это дневник, – ответила мышка, – очень старый. Ему больше двадцати лет. Он ещё до нашего рождения написан.

– Да это понятно, что до нашего рождения, – сказал лис, – про что хоть написано-то?

Ушка, вывалив на землю кучу хвороста, сказала с укоризной:

– Давай сначала костёр разведём, согреемся, кашу сделаем, а уже потом послушаем, что там писали двадцать лет назад.

– Хорошо, – ответил Красноклык.

Они быстро нарубили хвороста, развели костёр, развели в миске белкового порошка и поели. Красноклык длинным красным языком вылизал пустую миску.

– А теперь можно закурить и послушать, – сказал лис, – считаешь нам, Остроzubка?

– Ага, – ответила мышка, – только в нём почти все страницы отсырели, ничего не разобрать.

– Читай, что понятно.

Мышка раскрыла дневник на последних страницах и начала читать.

17 марта.

Заходил сосед, просил в долг пачку сигарет. Как он похудел за эти пять месяцев! Помню, ходил в форме, важный такой, а как всех, кроме крыс, из полиции попёрли, чуть ли не плакал! Всё переживал, что теперь с ним будет. Ему даже выплат никаких не назначили. Будет знать, как другим живётся, а то привык всю жизнь дубинкой махать. Сказал, что сигарет нет.

19 марта.

Сходил получил пособие. Вышло на сто пятьдесят фран-

тиков меньше, чем в прошлом месяце. Спросил, почему меньше, а девчонка ответила, что она ничего не знает. Охренеть можно! Цены за эти полгода и так в полтора раза выросли, а они пособие уменьшают! Около дома встретил пьяного Мурката. Как на сигареты, так у него денег нет, а как на водку, так есть! Просил закурить, дал ему одну штуку.

24 марта.

Муркат повесился. Нюхачка у него ночевала. Говорит, что всю ночь вместе пили, она с утра проснулась, а он на кухне на трубе висит. Уже увезли. Нюхачка просила опохмелиться, так я сходил в магазин, взял бутылку. Помянули.

2 апреля.

Вчера голосование было, чтобы нашему президенту избираться неограниченное число раз. Я не ходил, Нюхачка не ходила, я спрашивал. Все, кого спрашивал – никто не ходил, кроме стариков, а на стенде результаты вывесили, где написано, что все наши пять домов «за» проголосовали. 100%. Опять врут.

3 апреля.

С утра объявили, что сегодня будет обращение президента. Послушаем, что он там нового скажет.

Вечером выступал Мудрокрыс. Поблагодарил всех за поддержку, пообещал работать ещё больше на благо Межречки и её жителей. Даже слезу пустил. Спасибо, господин президент! Как же мы вам верим! Шутка, разумеется.

12 апреля.

Сегодня по квартирам ходили крысы, записывали, кто где живёт. Я спросил, а что, разве и так не знают, а он меня в живот толкнул и сказал, чтобы тупых вопросов не задавал. В новостях сказали, что это для более удобного учёта населения. Непонятно.

19 апреля.

Ходил за пособием. Такое же, как и в марте, но вот только цены опять выросли. Курить не брошу, как бабка Хрюнаня посоветовала. Без сахара и масла проживу.

24 апреля.

В новостях сказали, что теперь выехать из Межречки можно только по специальному разрешению, а то там, оказывается, наших граждан похищают на органы. Мы, оказывается, самые здоровые во всём мире и наши органы представляют большую цену. Что-то не верится.

1 мая.

Приходил Сивоглаз. Говорит, что на заводе зарплату урезали. Выпили с ним.

5 мая.

Лиса, который в доме напротив жил, арестовали. Говорят, он на работе назвал президента лживой мразью. Будут судить за государственную измену, а, может, признают больным и отправят на перевоспитание, ведь в прошлом году вроде как принимали постановление, что неприязнь к великому лидера вызвана тяжёлым психическим заболеванием. Лис мне никогда не нравился, но всё равно жалко, хоть

об этом и нельзя говорить вслух.

10 мая.

Сегодня весь день по ящику показывают про президента. Как он самолётом управляет, как он в высоту прыгает, как он в мишень стреляет, как он чемпиона Межречки на лопатки уложил! Юбилей, как-никак. Интересно, а сколько крыса может прожить?

18 мая.

Выступал Мудрокрыс. Сказал, что в целях экономии и спасения государства, с завтрашнего дня отменяются все социальные выплаты. Те, кто их получал, отныне будут получать паёк, сигареты и водку на месяц бесплатно. За воду и электричество платить им теперь не нужно. Сказал, что это вынужденная и временная мера и во всём виноваты враги, вредящие Межречке изнутри и снаружи.

19 мая.

По привычке ходил за пособием. Там теперь вместо девочки-панды сидит крыска. Спросила, какого чёрта я припёрся. Попросил её не хамить, а она засмеялась и сказала, что скоро нас всех к ногтю прижмут. Пообещал жалобу на неё написать, а она мне в лицо плюнула. Завтра пойду в администрацию или в полицию.

– Всё, – сказала мышка, – дневник закончился.

– Интересно, что с ним стало? – спросил Красноклык.

– Думаю, что ничего хорошего, – ответила Ушка.

Красноклык взял дневник из лап Острозубки, пробежал

глазами по строчкам и вернул обратно.

– Помните, как нам на уроках рассказывали про это голосование? – спросил он.

Все помнили про историческое голосование 1-го апреля 2030-го года, когда все жители Межречки в едином патриотическом порыве проголосовали за то, чтобы их любимый и незаменимый президент мог переизбираться неограниченное число раз. На улицах были развешаны флаги, по телевизору показывали счастливых патриотов с детьми, артисты давали бесплатные концерты, и голосование больше напоминало какой-то всенародный праздник. Впрочем, на следующий год 1-е апреля и было объявлено государственным праздником.

Осенью того же 2030-го года вышел закон, позволяющий президенту отменять действие любого закона единоличным решением, парламент переименовали в Совет советников, на все руководящие посты стали назначать крыс и начали ввозить в Межречку первые партии мусора. Особо отчаянные пытались было протестовать, но их быстро успокоили и отправили на перевоспитание.

А весной великий лидер, как его всё чаще стали называть, вновь обратился к народу и сообщил, что из-за вражеских действий в стране нехватка электричества и других ресурсов, поэтому в ближайшие полгода всё население должно будет переселиться в бараки, которые уже начали строить. Это должно помочь гражданам ещё сильнее сплотиться. Ещё он

объявил о смене флага, на котором теперь вместо двух синих полос будет изображена крысиная морда на красном фоне. Протестующих против нововведений было много, ведь мало кому хочется переселяться из собственного жилья в барак, но и на этот раз крысы справились.

О протестах, впрочем, в школе почти не рассказывали, предпочитая больше говорить о глубинной народной мудрости, что убедила граждан проголосовать за любимого лидера и не позволить врагам захватить власть в прекрасной Межречке. А протесты – ну да, вышло несколько десятков вражьих прислужников, но их быстро задержали и перевоспитали. Детям даже показывали записи, где они каялись в своих заблуждениях и клялись в верности великому лидеру Мудрокрысу и Межречке. Тощие, дрожащие, они вставали на колени перед портретом великого лидера, целовали крысиное знамя, а диктор в это время полным восторгом голосом рассказывал о том, как это прекрасно – вернуться к правде и истине! Ни у кого из детей подобные записи восторга и всплеска патриотизма не вызывали, и даже Кривоглазка стыдливо прятала глаза.

– Конечно, помним, – ответила Ушка, – нам про это голосование на каждом уроке патриотизма напоминали. Мол, те, кто не любит великого лидера, всегда должны помнить, что, если они против него, то они против всего народа, ведь именно народ предоставил ему право избираться сколько угодно раз.

– Ага, – вспомнила Остроzubка, – а те, кто против великого лидера – жалкие несколько процентов дерьма, которые не понимают своего счастья, что живут в такое славное время под властью самого гениального правителя всех времён.

– Да, а несколько процентов дерьма есть в любом обществе, – продолжил Красноклык, – всегда есть те, кто противится развитию, прогрессу и стабильности. Я всё никак не мог понять, как стабильность может сочетаться с прогрессом, ведь прогресс это движение, а стабильность означает отсутствие движения.

– Развитие тоже может быть стабильным, – возразила зайчиха, – вот представь себе – стабильное развитие. Это означает, что что-то стабильно развивается. Но, думаю, что учитель имел в виду несменяемость власти.

– А она должна меняться? – спросила Остроzubка.

– Ну, где-то же она меняется, – ответила Ушка.

– Ты думаешь, там живут как-то по-другому? – спросил лис.

– Не знаю, я там не была, а то, что нам рассказывают, будто в других странах звери от голода друг друга едят и детёнышей насилуют, я как-то не верю.

– Да в эту чушь никто не верит, – усмехнулся Красноклык, – кроме особо отбитых патриотов. Думаю, что в это не верят даже те, кто это рассказывает в новостях.

Ушка закурила сигарету и потянулась.

– Ладно, давайте покурим и пойдём дальше, а то вдруг за

нами погоняться, а мы и так тут долго сидим.

– Ты думаешь, они устроят погоню? – спросил лис.

– Не знаю, но проверять не хочу.

Мышка почувствовала, что ей срочно нужно сбегать по-маленькому.

– Я сейчас, на минутку, – сказала она и быстро убежала в лес.

– Какая она стеснительная, – хмыкнул лис и улыбнулся, – мы же друзья!

– А что ей, при тебе, что ли, в туалет ходить? – спросила Ушка.

– Да нет, ну я же просто пошутил, – начал оправдываться Красноклык.

– Дурацкая шутка, – хмуро сказала зайчиха.

В этот момент раздался крик Острозубки:

– Эй! Идите сюда! Быстрее!

Ушка и Красноклык выбросили недокурные сигареты и побежали к ней. Пробежав шагов тридцать или сорок, они увидели Острозубку: мышка стояла спиной к ним и рассматривала что-то на земле.

– Что случилось? – взволнованным голосом спросила зайчиха, подбежав к ней.

– Смотрите, – тихо ответила Острозубка и указала вперёд.

Красноклык и Ушка повернулись и ахнули: в десяти шагах от них, из серой, пропитанной ядовитыми дождями земли, рос белый цветок. Он выглядел настолько чужим и оди-

ноким в этом мёртвом лесу, что казался пришельцем из другого мира.

– Я ещё никогда не видела живых цветов, – прошептала зайчиха.

Они подошли к цветку и опустились перед ним на колени. Красноклык захотел дотронуться до него, но Ушка сказала:

– Не надо его трогать.

– Я никогда не думала, что когда-нибудь увижу что-то столь прекрасное, – сказала мышка.

Она осторожно наклонилась и понюхала нежные белые лепестки.

– Ну как? – спросил Красноклык.

– Это не описать.

Ушка и Красноклык по очереди понюхали цветок.

– Вкусно пахнет, – сказал лис, – а тебе как?

– Я не знаю, – ответила зайчиха, – вернее, я знаю, но не могу высказать. Я чувствую и радость, и тоску одновременно.

Она наклонилась и снова вдохнула чарующий аромат.

– Как ты сюда попал, маленький? – спросила у цветка Острозубка.

– Он очень хочет жить, – ответила вместо цветка Ушка, – и даже эта мёртвая земля не может ему помешать.

– А ведь где-то наверняка есть места, где цветов много-много, – мечтательно сказала мышка, – самых разных: больших, маленьких, белых, голубых! Как бы я хотела хоть

минуточку побывать в таком месте!

– Мы все хотели бы побывать в таком месте, – сказала Ушка, – ладно, пойдёмте, а то мы так отсюда никогда не уйдём.

Они поднялись и, ещё немного полюбовавшись цветком, пошли к костру.

Лес

С тех пор, как они покинули свалку, прошло уже два дня, а лес всё не кончался. По вечерам они разводили костёр, ужинали кашей из белкового порошка и ложились спать, дежуря по очереди. Чистая вода, оставшаяся от Кривоглазки, закончилась, поэтому на второй день им пришлось брать воду в ручье. От воды скверно пахло, но, после того как её прокипятили, запах немного ослаб, поэтому им пришлось почти полдня потратить на то, чтобы прокипятить достаточно воды и наполнить её пустые бутылки.

Белкового порошка, как бы его не сэкономили, тоже оставалось всего на несколько дней, а в лесу ничего съедобного не росло. Нет, изредка им попадались осклизлые чёрные грибы, но пробовать их явно не стоило – ребята были наслышаны о том, как некоторые, поев грибов, вскоре умирали в страшных муках, перед этим обосравшись и облевавшись.

Красноклык даже предлагал попробовать червей, которых можно было наловить в одном из ручьёв. Ушка тогда сказала, что лично он может начинать прямо сейчас, а потом расскажет, каковы эти черви на вкус. Красноклык вспомнил полхлёбку, которую попробовал в пещере под свалкой и решил на время отложить свои кулинарные эксперименты.

Порошок, однако, в их рюкзаках от этих разговоров не прибавлялся.

Вечером третьего дня, разведя в миске белковую кашу, Красноклык выкинул в костёр пустую пачку из-под порошка и спросил:

– На сколько дней у нас ещё еды хватит?

Ушка задумалась, прикинула в уме, сколько они тратят в день и ответила:

– Если уменьшим порции, то ещё дня на четыре, может, на пять.

– Может, действительно стоит попробовать червей? – предложила Острозубка.

– Когда я буду подыхать от голода, тогда я их и поем, – ответила зайчиха, – а Красноклыку я уже говорила, что он может начинать их есть хоть сейчас. Ты, надеюсь, ещё не забыл, какой вкусной похлёбкой угощал Умник?

– Нет, не забыл, – скривившись, ответил лис, – ты мне теперь постоянно будешь об этом напоминать?

– Ага, – усмехнулась Ушка.

– Нет, ну ведь нам действительно нужно подумать о том, что мы будем есть, – сказала Острозубка, – а из съедобного в этом лесу только черви.

– А толку думать? От того, что мы будем думать или разговаривать, еда не появится, – сказала Ушка, – когда порошок кончится, тогда и решим.

– Но, черви...

– Хорошо, хорошо, – согласилась зайчиха, подняв лапы, – завтра можешь попробовать их сварить, а лучше пожарить

над костром – может, они дымом пропитаются, и не будут так вонять.

Ушка согласилась лишь для того, чтобы прекратить разговор, который начинал ей надоедать. То, что порошок заканчивался, беспокоило зайчиху не меньше остальных, но сама мысль о червях вызывала отвращение. Хотя, если подумать, белковый порошок тоже делали из червей, если, конечно, Зубогрыз говорил правду.

– Ладно, давайте ложиться спать, – предложила Ушка, – Острозубка, разбудишь меня через три часа.

– Хорошо, – ответила мышка.

Зайчиха и лис улеглись, повернувшись к костру спиной, а Острозубка, подкинув хвороста в костёр, села, прислонившись к дереву, и закурила.

Минут через пятнадцать, когда Ушка и Красноклык заснули, мышка услышала слабый шорох. Она приподняла уши, но услышала только треск хвороста и ровное дыхание зайчихи и лиса.

– Послышалось, – прошептала Острозубка.

Ещё через пять минут шорох повторился, и мышке стало страшно. Она медленно привстала и взяла тесак.

– Кто здесь? – спросила Острозубка, вглядываясь в темноту.

Никто не ответил, и она снова села, прислонившись к дереву и положив тесак перед собой. Дрожащими лапами Острозубка достала сигарету и закурила.

Снова шорох.

– Кто здесь?

Ответа снова не было. Острозубка подкинула в костёр целую охапку хвороста, от чего огонь разгорелся так сильно, что Ушка и Красноклык даже пошевелились во сне.

И тут она увидела его: в десяти шагах от костра стоял кто-то, одетый в грязный комбинезон и тяжёлые сапоги. На открытых участках тела не было даже намёка на шерсть, а кожу покрывали вздутые гнойники. Лицо незнакомца скрывалось под холщовым мешком, в котором были проделаны прорези для глаз. В правой лапе ночной гость держал длинные вилы с тремя зубьями, а левая висела на перевязи.

– Кто вы? – спросила мышка.

Незнакомец не ответил и шагнул к костру. Острозубка схватила тесак и завизжала, от чего Ушка и Красноклык мгновенно проснулись. Выхватив из лап мышки тесак, зайчиха отшвырнула её себе за спину и, выставив вперёд толстое лезвие, крикнула:

– Ты кто?

Красноклык в это время достал из рюкзака топор и встал с другой стороны костра, чтобы, если незнакомец бросится на зайчиху и мышку, напасть на него со спины.

– Что тебе надо? – громко спросила Ушка.

Незнакомец повернул голову к Красноклыку, потом к Ушке и, поняв, что нападать на них может быть опасно, не издав ни звука, отступил на шаг назад.

– Уходи! – крикнула зайчиха.

Острозубка взяла толстую хворостину и кинула её в накрытую мешком голову. Толстая ветка попала прямо в лицо, но незнакомец даже не пошевелился.

– Уходи, а не то! – крикнула Ушка, замахнувшись тесаком.

Не разворачиваясь, неизвестный отступил ещё на шаг.

– Мне это начинает надоедать, – сказала зайчиха и пошла на него с занесённым тесаком.

Красноклык последовал за ней.

Они наступали на незнакомца, а тот отходил всё дальше.

– Стоп, – сказала Ушка, – мне кажется, что он нас заманивает.

– Или отвлекает, – высказал догадку лис.

В этот момент раздался крик Острозубки, и зайчиха и лис бросились обратно к костру.

Они успели как раз вовремя: мышка стояла с одной стороны костра, а напротив неё топтался второй ночной гость с мешком на голове. В лапах он держал точно такие же вилы и пытался ими достать Острозубку.

Увидев зайчиху и лиса, незнакомец отступил во мрак.

– Ты как? – спросила Ушка.

– Вы только ушли, а он и вышел, – дрожащим голосом ответила мышка, – и, главное, так тихо, что я даже заметить не смогла. Еле успела отскочить.

– Уходите! – крикнул Красноклык.

Оба ночных гостя стояли рядом, держа вилы в правых лапах. Они были разные: первый, с лапой на перевязи, был большим, даже больше Ушки, а второй оказался тощим, с очень длинными лапами, достающими почти до колен. Они молчали и смотрели на них.

– Пошли прочь! – с яростью крикнула Ушка.

Она схватила металлическую миску, в которой они кипятили воду и разводили белковый порошок, зачерпнула углей из костра и швырнула им в лица. Раскалённые угли прожгли мешки, надетые на головы незнакомцев, ткань начала тлеть и дымить. Оба ночных визитёра начали беззвучно кашлять, и пытаться сбить тление ударами лап, побросав вилы наземь, но ничего не вышло и тогда они, подобрав вилы, поспешно ушли в темноту.

– Кто это был, интересно? – спросил лис.

– Не знаю, но напугали они изрядно, – ответила зайчиха, – я теперь точно спать не буду.

– Как ты думаешь, что они хотели от нас? – спросила Острозубка.

– Сожрать, – хмуро ответила Ушка, – или трахнуть. Или трахнуть и потом сожрать. Не думаю, что они приходили побеседовать.

Она внимательно всмотрелась в темноту, подбросила в костёр хвороста и закурила.

– Хорошо, что мы хвороста столько собрали – до утра точно хватит, – сказала зайчиха, – вы спать не хотите?

– Нет, – ответили Красноклык и Остроzubка.

– Мне тоже расхотелось. Будем теперь сидеть, ждать утра, а потом пойдём дальше.

Они сели вокруг костра таким образом, чтобы каждый мог видеть, что происходит за спиной у других, ведь те двое могли вернуться и снова попробовать напасть.

– Вы заметили, что на них не было шерсти? – спросила мышка.

– Да, – ответила Ушка, – это какая-то болезнь, скорее всего. Так-то только дети лысыми рождаются.

– Это лишай, – утвердительно сказал Красноклык, – вроде при нём шерсть выпадает.

Ушка недоверчиво посмотрела на лиса и спросила:

– Ты когда-нибудь видел, чтобы при лишае вылезала сразу вся шерсть? Обычно он идёт пятнами.

– Может, у них какой-нибудь особо запущенный случай, – ответил лис, – это мы делаем мазь из золы, мочи и ещё чего-то там, а этим, наверное, всё равно, как они выглядят.

– Да дело не в том, кто как выглядит, – возразила зайчиха, – дело в том, что без шерсти холодно.

– Зато блох нет, – пошутил Красноклык, – тоже хорошо!

– Думаю, что блох вывести гораздо легче, чем новую шерсть отрастить, – усмехнулась Ушка, которой шутка понравилась.

– Ага, – кивнул лис, – представь: блохи такие подскакивают, а ты лысый! Они такие и говорят друг другу: «Ну, вот не

повезло! Пойдём другого искать».

– Блохи не умеют разговаривать.

– А откуда ты это знаешь? Может, у них какой-нибудь свой особенный язык, просто мы их не понимаем.

– Ну да, блошиный, – почти весело сказала Ушка, – а у тараканов – тараканий, у червей – червивый! Просто мы глупые и их не понимаем.

Лис развёл лапы в стороны и голосом, полным сарказма, сказал:

– Всё может быть, милая Ушка, ведь в мире столько тайн!

– А помните, как старый суслик блох выводил? – спросила Острозубка, явно заинтересовавшись разговором про блох.

– Кто ж не помнит, – улыбнувшись, сказала зайчиха, – его вроде Трясуном звали.

– Это тот, который в лесу канистру керосина нашёл? – спросил Красноклык.

– Ну да, – ответила зайчиха, – он самый.

Случай, который вспомнила Острозубка, произошёл два с половиной года назад. Суслик, которого и в самом деле звали Трясун, пошёл, по одному ему известным делам, в лес и нашёл там старую канистру с керосином. Канистра оказалась большой и тяжёлой, так что он весь вспотел, пока тащил её до дома. Объявив всем соседям, что теперь он навсегда избавится от блох, суслик вышел во двор и начал поливать себя керосином из ковшика, после чего, довольный, направился домой, куда его, естественно, не пустили из-за слишком

уж ядрёного запаха, который он распространял. Трясуна тогда просто-напросто выгнали на улицу, и он ещё две недели спал в каком-то шалаше у кромки леса, а керосин чуть позже конфисковали крысы.

– Но ведь он блох и в самом деле извёл тогда, – сказала Острозубка, – правда, после того, как он пытался в дом вломиться, нам пришлось долго проветривать, чтобы было, чем дышать, но от стен, которые он успел потрогать, всё равно воняло.

– Ага, а ещё от дверной ручки, – вспомнил Красноклык, – я помню, как заходил за тобой, а потом от лапы воняло.

– Интересно, почему его крысы не арестовали за хранение горючих веществ? – поинтересовалась мышка.

– А ты представь, как бы у них воняло в отделении! – ответил Красноклык и все трое рассмеялись.

Они смеялись, словно ничего не было: ни Зубогрыза, ни Нюхошмыга, ни Червежуйки, ни свиньи с тесаком, ни гибели Кривоглазки, ни убийства крыса на свалке, ни отрубленных лап Умника, ни разрубленного на две части Чешуйки. Выросшие в мире тотальной лжи и жестокости, они спокойно воспринимали смерть и страдания, которые волновали лишь тогда, когда непосредственно представляли перед глазами, а потом, если и вспоминались, то уже не вызывали сильных эмоций. Но это не означало, что ребята были неспособны на сочувствие, нет! В отличие от большинства жителей Межречки, они-то как раз и были на него способны, просто дру-

гие были ещё равнодушнее.

– Кстати, знаете, что ещё я заметила? – спросила Остроzubка, вспомнив что-то важное.

– Что? – отозвался лис.

– Тот, второй, который пытался ткнуть меня вилами через костёр, он, точнее, у него на лапах не было когтей.

– Это как? – удивлённо спросила Ушка.

– А что тогда у него было? – изумился Красноклык.

Остроzubка пожала плечами:

– Не знаю, я смотрела на его лапы с вилами и увидела, что на кончиках пальцев нет когтей.

Подкинув хвороста в костёр, Ушка задумчиво прошептала:

– Шерсти нет, когтей нет. Это какие-то странные звери, очень странные.

– А ещё их кожа покрыта болячками, – добавил Красноклык.

– Ну, это не удивительно, раз они живут в лесу, – сказала зайчиха, – мы, если несколько лет тут погуляем, тоже будем выглядеть не очень. А ведь действительно, у них не то, что просто не было шерсти, у них как будто её вообще никогда не было.

Существа, встретившиеся им, действительно не походили ни на кого. Из школьных уроков ребята знали, что в других странах живут весьма диковинные звери, но даже у них были когти и шерсть.

– Может, они жертва какого-нибудь эксперимента? – предположил Красноклык.

– А как они в лесу оказались? – спросила Ушка.

– Сбежали.

– Если бы это действительно были жертвы секретного эксперимента, которые сбежали в лес, их бы точно искали, – возразила зайчиха.

– Может, они недавно сбежали.

– Ну, если только так, – согласилась Ушка.

Так, за разговорами, они просидели до рассвета. Поев немного каши и покурив, ребята надели рюкзаки и отправились дальше. Они не знали, куда они идут, но зато знали, зачем – дальше, как можно дальше от прошлой жизни, опостылевшей настолько, что само воспоминание о ней нагоняло тоску.

Через пару часов пути Красноклык, который шёл впереди, заметил что-то на дереве. Подойдя ближе, лис увидел, что на стволе, на высоте двух метров, висит череп. Из пустых глазниц торчали два ржавых гвоздя, на которых, судя по всему, этот череп и держался. Зубов у черепа не было.

– Смотрите! – сказал лис, указывая на находку.

Ушка и Острозубка подошли к дереву и посмотрели на череп.

– Похож на беличий, – сказала зайчиха, – хотя я не уверена. Вот если бы на нём зубы были, тогда сразу бы всё стало понятно.

– Да, беличьи зубы ни с чем не перепутаешь, – согласился Красноклык.

– А кому понадобилось вешать череп на дерево? – спросила Острозубка.

– Наверное, этим, которые ночью приходили, – ответила Ушка, – кому ещё?

По спине мышки пробежал неприятный холодок, и она робко спросила:

– А зачем им это?

– Метка, – утвердительно сказал лис, – метят территорию.

– Или предупреждают, – сказала Ушка.

– О чём? – спросила мышка.

– Чтобы дальше никто не ходил, – ответила зайчиха, – типа, это наша территория, а сунетесь – ваш череп тоже будет висеть на дереве.

– Какие страшные вещи ты говоришь, – со страхом прошептала Острозубка.

– Это всего лишь предположение.

– И что мы будем делать? – спросил Красноклык.

– Пойдём дальше, – уверенно ответила Ушка, – ночью мы их отогнали, значит, днём тоже сможем.

Мышка, не разделяя уверенности подруги, спросила:

– А если их больше, чем двое?

– Тогда убежим. Ты помнишь, как они медленно ходили?

– Да, – ответил вместо Острозубки Красноклык, – ходят они очень медленно, словно у них большие ноги.

Взглянув ещё раз на череп, они пошли дальше. Минут через пять Красноклык, который обладал среди них самым острым нюхом, остановился и, вскинув вверх правую лапу, сказал:

– Стойте! Чувствуете?

Ушка и Острозубка принюхались, но ничего не почувствовали – в лесу, как и всегда, пахло сырой землёй, гниющей древесиной и грибами. Смешиваясь, эти запахи давали кислый и неприятный аромат, от которого у них в первый день даже щекотало в носу.

– Ничего не чувствую, – ответила Ушка, втягивая воздух своими большими ноздрями, – хотя нет, подожди, чувствую! Пахнет дымом!

– Может, это от нас? – спросила Острозубка. – Я, например, за эти дни вся дымом пропахла.

– Нет, это не от нас, – сказал лис, – это в воздухе. Где-то жгут костёр.

– Наверное, это те двое, – сказала зайчиха, – больше никому. Хотя, Зубогрыза мы тоже в лесу встретили, так что это вполне может быть какой-нибудь бродяга.

Острозубка, вспомнив, что они обнаружили несколько минут назад, спросила:

– А как же череп?

– Да он там, может, уже много лет висит, – ответил Красноклык, которому явно не терпелось найти источник дыма, – и вообще, Ушка сказала, что, если какая опасность, мы все-

гда сможем убежать.

– Но это не значит, что мы должны идти этой опасности навстречу, – сказала зайчиха, – давайте не пойдём на этом дым.

Красноклык от её предложения даже подпрыгнул на месте и принялся с жаром доказывать, что им просто необходимо идти:

– Ушка, у нас еда кончается, правильно? Где мы её возьмём? Нигде, правильно? Червей ты есть не хочешь, я, если честно, тоже не особо, а там, возможно, есть еда. Костры, знаешь ли, просто так не разжигают. И вообще – я пошёл, надеясь на какое-нибудь приключение, а ты хочешь его избежать!

Зайчиха, удивлённая настойчивостью Красноклыка, всё же попыталась его переубедить:

– Мы уже побывали в одном приключении там, на свалке. Еле сбежали. Хочешь снова испытать судьбу?

Но Красноклык, к ещё большему удивлению зайчихи, упёрся:

– Если не хотите идти, то я тогда пойду один!

– Но ведь ты можешь попасть в беду! – простонала Острозубка.

– Ну и что? Попаду в беду, и пусть вам будет стыдно!

Ушка явно не ожидала, что лис пойдёт на прямой шантаж, а потерять друга (Красноклык, в отличие от Чешуйки, был ей более близок) не хотелось, поэтому, вздохнув, она согла-

силась:

– Хорошо, пойдём вместе, но только будем идти тихо и не разговаривать.

– Хорошо, – облизав нос, улыбнулся Красноклык, – ну, тогда пошли?

Они шли на запах дыма, который вскоре сделался настолько сильным, что его почувствовали Ушка и Острозубка, а ведь их чутьё было заметно слабее, чем у Красноклыка, а ещё минут через пять они увидели и источник дыма: длинную, приземистую хижину, окружённую покосившимся забором. Стены хижины были снаружи подпёрты брёвнами, а на заборе висело несколько черепов зверей.

Не доходя до хижины шагов пятьдесят, ребята спрятались за двумя толстыми деревьями, росшими из одного корня, и присели на корточки.

– Ну, искатель приключений, что теперь будем делать? – шёпотом спросила Ушка у Красноклыка.

Лис осторожно высунулся из-за дерева, оглядел хижину и, повернувшись к зайчихе, тихо ответил:

– Можно попробовать подойти с другой стороны и заглянуть в окна.

– Ты думаешь, с той стороны есть окна? – спросила Ушка.

– Наверное.

Зайчиха, которая с самого начала была против этой затеи, пожалала плечами и сказала:

– Ну, тогда пошли. Иди, а точнее – ползи первым.

Раздался скрип двери. Ушка схватила Красноклыка, который как раз собирался глянуть, что там такое скрипит, за плечо и прижала к стволу дерева.

– Тихо, – прошипела она лису в ухо, – а то твоё любопытство может нам дорого обойтись.

Красноклык в ответ кивнул.

Скрип повторился и Острозубка сказала:

– Наверное, это дверь.

– Выгляни, посмотри, что там, – попросила Ушка, – ты не такая заметная, как наш рыжий друг.

Мышка прижалась к земле и осторожно выглянула из-за дерева. То, что она там увидела, настолько её потрясло, что она даже ахнула, но вовремя успела прикрыть рот лапами.

– Ну, что там? – спросила зайчиха.

– Там ещё один череп, – ответила Острозубка, – совсем свежий череп.

Ушка прижала одной лапой уши к голове и, осторожно поднявшись, высунулась наружу. На заборе, окружавшем хижину, действительно висел череп, на котором ещё виднелись остатки мяса.

– Теперь понятно, – сказала зайчиха, – здесь живут охотники.

– На кого? – спросила Острозубка.

– На зверей, разве непонятно? На таких же зверей, как мы. Может, уйдём?

Ушка явно обращалась к Красноклыку, но лис воспринял

это предложение не совсем так, как она ожидала: его глаза загорелись диким восторгом, а кончик носа даже начал вздрагивать от возбуждения.

– Нет, – ответил лис, – нет. Давайте всё-таки проберёмся с той стороны, заглянем в окна, а, если придётся, сразимся с ними!

– Зачем? – спросила зайчиха.

– Но ведь это убийцы, – недоумённо ответил Красноклык, – и ещё мне очень хочется узнать, что это за звери такие.

– Мне, если честно, тоже, – тихо сказала Острозубка, стыдливо пряча глаза.

Ушка по очереди посмотрела на лиса и мышку и вздохнула:

– Зря я, наверное, согласилась сюда идти. Надо было тебя вырубить и оттащить подальше.

– Что? – возмутился Красноклык, у которого от возмущения даже уши встали торчком.

– Да шучу я, шучу. Ладно, раз вы такие любопытные, придётся идти. Красноклык, держи топор наготове. Острозубка, ползи первой и, если услышишь что-то подозрительное, тихонько свистни.

Пригнувшись к земле, мышка быстро перебежала за соседнее дерево, выглянула, перебежала за другое, потом за третье, снова выглянула, прислушалась и кивнула, давая понять, что всё в порядке. Лис засунул хвост под куртку и перебежал следом, после чего настала очередь Ушки. Зайчихе,

как самой большой из всех, пришлось снять рюкзак и ползти. Она здорово перепачкалась, но, не прошло и пяти минут, как все трое стояли за тремя деревьями позади хижины.

Ушка посмотрела на Острозубку, прикоснулась к ушам и мышка отрицательно мотнула головой, давая понять, что ничего подозрительного не слышит. Тогда зайчиха указала на лиса, а потом на хижину. Красноклык, тихо, бесшумно ступая по чёрной земле, подкрался к хижине через дыру в заборе и осторожно заглянул в окно, после чего, улыбаясь, поманил остальных.

Зайчиха и мышка, переглянувшись, подошли к хижине, заглянули в окно и их глаза расширились от отвращения: в хижине были те двое, что приходили ночью. Освещённые светом пылающего очага, они совокуплялись: маленький стоял на четвереньках, а большой, положив лапы ему на бёдра, ритмично двигался. Их тела, измазанные свежей кровью, жирно блестели в красном свете, а головы скрывались под грязными мешками. В очаге, в огромном котле, что-то варилось. Оба незнакомца стояли спиной к окну, к тому же они явно были увлечены процессом, чтобы что-нибудь заметить.

У одной из стен стоял грубо сколоченный стол, на котором лежал большой кусок мяса с воткнутым в него огромным ножом. Такие же куски мяса, уже подвяленные, были развешаны под потолком и вокруг них кружились чёрные мухи.

– Ну что? – тихо спросил Красноклык.

Ушка, подумав, что он хочет узнать её мнение про то, что происходит в хижине, ответила:

– Это отвратительно.

– Да я не про это.

– А про что?

– Смотри – они ведь никого не ждут и очень заняты, – тут он тихонько хихикнул, прикрыв рот ладонью, – мы сейчас зайдём с той стороны, ворвёмся внутрь и без труда с ними справимся.

– Ну да, – согласилась зайчиха, – сейчас они точно никого в гости не ожидают, да и вил я что-то не заметила.

– Ну, пошли?

– Пошли, – ответила Ушка, – Острозубка, подожди нас снаружи.

Они обошли хижину, и подошли к входу. Красноклык осмотрел дверь.

– Вовнутрь открывается.

– Тем лучше, – сказала Ушка, – бей по голове того, что поменьше, а я займусь здоровяком.

Ударом лапы зайчиха выбила дверь. Они влетели в хижину и бросились на охотников. Красноклык, размахнувшись, ударил по голове того, что стоял на корточках, но тощий незнакомец успел в последний момент уклониться от прямого удара, и лезвие топора лишь вскользь задело его по голове, содрав кусок кожи, и охотник упал без сознания.

Ушке повезло больше: здоровяк тоже попытался увер-

нуться от удара и даже успел приподняться, но зайчиха в последний момент изменила направление удара и острое лезвие расколело голову напополам, как орех. На несколько мгновений здоровяк, раскрыв рот, застыл, а потом рухнул на своего напарника.

– Острозубка! – крикнула Ушка.

Мышка робко вошла в хижину. Увидев два неподвижных тела, она ахнула:

– Как вы их быстро!

Маленький, которого Красноклык ударил по голове топором, пошевелился и всхлипнул. Ушка столкнула с него большого и присела на корточки.

– Посмотрим, что ты за зверь, – сказала она и стянула с головы незнакомца холщовый мешок.

Тот, кто предстал перед ними, не был похож ни на одного зверя: лишённое шерсти плоское лицо, чёрная дыра на месте носа и оскаленные зубы, среди которых не было ни одного клыка или длинного резца. Бледная кожа была покрыта гноящимися прыщами, голубые глаза с кровавыми прожилками с ненавистью смотрели на зайчиху, а изо рта незнакомца вырывалось неровное хриплое дыхание.

– Кто ты? – с ужасом спросила Ушка, не зная, кто перед ней.

Незнакомец слабо дёрнулся, но тут же скривился от боли.

– Я даже в учебнике не видел ничего подобного, – сказал Красноклык.

С первого по третий класс у них преподавали уроки разнообразия, на которых рассказывалось обо всех видах животных. Учебники по разнообразию были с красивыми картинками, изображающими различных зверей и их кратким описанием. Не было только крыс и, как они выяснили только что, этих незнакомцев.

Зайчиха вытащила тесак из здоровьяка и, направив его на худого охотника, снова спросила:

– Кто ты такой?

Острозубка, заглянув из любопытства в котёл, вскрикнула и отскочила от очага.

– Что там? – спросил Красноклык.

– Там мерзость, – ответила мышка.

Лис подошёл к котлу и заглянул внутрь: там, перекатываясь в кипящей воде, то всплывали, то погружались, два побелевших глаза, куски кожи с частицами меха и части мозга.

– Фу, – сказал лис, – действительно, мерзость.

Несколько дней назад Красноклыка бы, скорее всего, стошнило от увиденного, но, после того, что им пришлось в последнее время пережить, созерцание мозга и глаз, из которых варят суп, не вызывало в нём чувства тошноты, хотя смотреть на это варево было, конечно, мерзко.

– Что там? – спросила Ушка.

– Супчик варится, – ответил лис, подошёл к ней и присел рядом, – из глаз, мозгов, ошмётков каких-то. Слушай, а вдруг это в самом деле мутанты какие-нибудь?

Кончиком лезвия зайчиха ткнула тощего незнакомца в подбородок и спросила:

– Ты мутант?

Тот закрыл глаза и отрицательно покачал головой, снова поморщившись от боли.

– Так, он нас понимает, но говорить, видимо, не умеет, – рассудила Ушка, – они и ночью молчали. Вы приходили ночью, чтобы нас убить и съесть?

Незнакомец моргнул.

– Или трахнуть, а потом сожрать, – сказал Красноклык, вспомнив то, что они увидели и то, что говорила Ушка, – они, кстати, оба мальчики.

– Спасибо, я заметила, – зайчиха краем глаза взглянула на половые органы тощего охотника и поморщилась.

Во время этого короткого диалога лежавший незнакомец улыбался, пока лис не ткнул его обухом топора в подбородок.

– Точно, они хотели нас сначала трахнуть, – уверенно сказал он, – им, наверное, надоело иметь друг друга.

– Думаю, что у них было, с кем развлечься, – сказала зайчиха, вспомнив черепа на заборе.

Острозубка, из-за произошедших в участке событий, испытывала к насильникам особую неприязнь. Она подошла к незнакомцу и, пнув его под рёбра, спросила:

– Нравилось вам издеваться над другими? Нравилось?

Незнакомец, у которого от прикосновения обуха топора лопнул нарыв на подбородке, улыбнулся и кивнул.

– Надо будет топор помыть, – с отвращением сказал Красноклык, глядя на то, как из открывшегося нарыва течёт жёлто-зелёный гной вперемешку с кровью.

– Потом помоешь, – сказала Ушка, – а сейчас добей его.

– Что? – спросил Красноклык.

– Добей его, раз с первого раза не получилось.

Лис с ужасом посмотрел на зайчиху и, подняв вверх уши, спросил:

– Добить?

– Ну да, – холодно ответила Ушка, – Острозубка уже убивала, я убивала, а теперь твоя очередь, тем более, что ты сюда больше всех рвался.

Красноклык взглянул в серые глаза зайчихи и понял, что она не шутит.

– Хорошо, – сказал он, – только отвернитесь.

Зайчиха встала и, отойдя к окну, позвала Острозубку:

– Иди сюда. Пока он делает своё дело, мы с тобой полюбуемся на лес.

Когда они ворвались в хижину, Красноклык пребывал в дичайшем возбуждении, сама мысль о том, что они куда-то врываются, он держит в руках топор и сейчас этим топором должен ударить врага, лису чрезвычайно нравилась, но сейчас он должен был убить того, кто не представлял никакой опасности.

Тощий незнакомец почувствовал его сомнения. Он улыбнулся, приподнял вверх тонкую жилистую лапу с тонкими

пальцами и указал на Ушку и Остроzubку.

– Что?

Охотник подмигнул, снова указал на зайчиху и мышку и, поднеся ладонь к лицу, провёл большим пальцем по шее.

– Нет.

Лис крепко сжал топор дрожащими лапами, встал над незнакомцем и, зажмурившись, со всей силы ударил в то место, где должно было быть лицо. Раздался чавкающий звук, хруст, треск и лис почувствовал, как его схватили за ногу. Он дёрнулся, открыл глаза и увидел, что топор разделил лицо охотника напополам, рассёк дыру носа и выбил правый глаз, а за ногу его никто не хватал – это была предсмертная судорога.

– Всё, – выдохнув, сказал лис.

– Вижу. Топор вытащи.

Красноклык повернулся и увидел Ушку: зайчиха, скрестив на груди лапы, насмешливо смотрела на него.

– Глаза зачем-то закрыл, – сказала она, – а если бы ты себе по лапе попал?

– Вы всё видели? – дрожащим голосом спросил лис.

– Ага, – ответила зайчиха, – надеюсь, ты не расстроился?

– Нет, – ответил Красноклык и с противным треском выдернул топор из раны.

Зайчиха подошла к очагу, сунула лезвие тесака в огонь, и по хижине пошёл удушливый запах горелой крови. Она медленно поворачивала лезвие, а когда кровь выгорела полно-

стью, вынула тесак из пламени и положила на пол.

– Зачем ты это сделала? – спросила Остроzubка.

– Сейчас остынет – почищу от нагара, и будет снова чистый, – ответила зайчиха, – а то заржавеет ещё.

Красноклык задумчиво посмотрел на топор, покрытый сгустками крови и лоскутками кожи, и сказал:

– Я лучше просто вытру.

– Вон, у стены их комбинезоны валяются, – кивнув, сказала Ушка, – вытри.

Красноклык подобрал с пола вонючий, засаленный комбинезон и тщательно протёр лезвие топора.

– Как же воняет, – брезгливо сказал он, отшвыривая комбинезон обратно.

– Здесь вообще не очень приятно пахнет, – заметила Ушка, – кровью, затхлостью и гнилым мясом.

– У меня такое чувство, что этот запах будет преследовать меня всю жизнь, – прошептала Остроzubка.

Ушка усмехнулась:

– Не переживай – не будет.

Красноклык, осмотрев хижину, что-то подсчитал в уме и спросил:

– А вы не заметили, что эта комната какая-то маленькая?

– В смысле? – спросила Ушка.

– Ну, снаружи хижина казалась больше, – ответил лис, – может, здесь есть ещё помещение?

Ушка огляделась: хижина внутри действительно оказа-

лась не такой большой, как должна была быть.

– Здесь наверняка есть ещё одно помещение, – уверенно сказала она, – надо выйти наружу и посмотреть.

Они вышли из хижины и действительно нашли ещё один вход, располагавшийся с торца. С того места, с которого они оглядывали хижину в первый раз, этот вход был не виден. Красноклык осторожно открыл толстую дверь из досок, зашёл внутрь и тут же выскочил наружу из-за ударившей в нос невероятной вони, которую почувствовали даже Ушка и Острозубка. Запах, исходивший изнутри, был похож на вонь туалета, усиленную в десятки раз.

– Это ужасно, – глотая воздух ртом, сказал лис.

Его глаза покраснели и покрылись слезами. Красноклык быстро потёр нос, стараясь избавиться от запаха, но лишь сильнее прослезился.

Ушка, прикрыв нос рукавом, вошла внутрь. Острозубка зашла следом, лис остался снаружи.

Комната, в которой они оказались, была в два раза меньше первой, вдоль стен стояли деревянные столы, покрытые толстым слоем запёкшейся крови, а у противоположной от входа стене, подпёртый толстыми палками, стоял большой металлический чан. Зайчиха и мышка подошли к нему и заглянули внутрь: в мутной жидкости, от которой исходил настолько сильный запах разлагающейся мочи, что ощущался даже сквозь плотную ткань курток, плавали звериные шкуры.

Зайчиха передала мышке тесак, взяла прислонённую к стене палку и осторожно перемешала содержимое чана. Одна из трёх плавающих там шкур выглядела очень знакомой, и Ушка, подцепив её, попыталась приподнять, но у неё ничего не вышло. Зайчиха схватила палку обеими лапами и, напрягаясь изо всех сил, приподняла шкуру, положила её на край чана, продела под ней палку и вынесла наружу. От вони у неё закружилась голова, перед глазами потемнело, поэтому, кинув шкуру на землю, она опустилась на колени и упёрлась лапами в землю.

– Фу, как же от неё воняет, – брезгливо поморщившись, сказал Красноклык, – а ведь это...

Он внимательно присмотрелся к шкуре и уверенно сказал:

– Это же тот барсук, который червей в ручье ловил. Как там его звали?

– А я откуда знаю? Но, похоже, что это действительно он, – ответила Ушка, которая уже успела немного отдышаться, – я тоже эту шкуру узнала. Значит, он убежал в лес, а эти двое его поймали.

– И повесили череп на забор, – задумчиво сказал лис.

Раздался длинный скрежещущий звук, словно передвигали что-то тяжёлое. Ушка и Красноклык обернулись и увидели, что Острозубка, прикрыв нос рукавом, одной лапой тянет наружу деревянный ящик. Мышка упиралась изо всех сил, но ящик, по всей видимости, был для неё очень тяжё-

лым и, упёршись в невысокий порог, она никак не могла продвинуться дальше. Ушка, хмыкнув, поднялась и, приподняв ящик одной лапой, перетащила его через порог, проволокла несколько метров и поставила.

– Интересно, что в этом ящике? – спросил Красноклык.

– Открой и узнай, – ответила Ушка.

Действительно, зачем задавать такие глупые вопросы, когда ящик перед ними и, чтобы узнать, что внутри, его достаточно просто открыть, тем более, что на нём не было никаких замков? Красноклык откинул крышку и все трое заглянули внутрь, а там было, на что посмотреть: две больших упаковки белкового порошка, по четыре пачки в каждой, шесть упаковок сигарет и двенадцать бутылок водки.

– Это же настоящая водка! – восхищённо сказал лис, достав одну бутылку. – Вон, на ней даже этикетка есть, пробка литая! Я только пустые бутылки видел! Откуда она у этих?

– Украли где-нибудь, – высказала догадку Острозубка, – или отняли.

– Не иначе, – согласилась зайчиха.

Красноклык, вцепившись зубами в горлышко бутылки, сорвал сургучную пробку, выплюнул её и сказал:

– Не знаю, как вы, а я хочу её попробовать!

– Может, потерпишь немного? – спросила Ушка.

– Да, – сказала Острозубка, – нам ещё надо решить, что дальше делать.

Лис с сожалением посмотрел на бутылку и умоляющим

голосом проскулил:

– Пожалуйста, ну я совсем чуть-чуть! Пожалуйста!

Он соорудил настолько невинную и жалостную физиономию, что Ушка усмехнулась и, махнув лапой, ответила:

– Валяй, но только чуть-чуть.

Лис довольно кивнул, приложил горлышко ко рту и сделал несколько маленьких глотков.

– Уф-ф-ф, – прошептал он, оторвавшись от бутылки, – это просто здорово! Я прямо чувствую, как она течёт внутри меня! Обалдеть, как приятно!

– В любом случае, взять её с собой мы не сможем, – сказала зайчиха, – нам нужна еда, а не алкоголь.

– Ну, хоть пару бутылочек, – взмолился Красноклык, – пожалуйста!

Ушка прикинула, сколько пачек белкового порошка в ящике, сколько свободного места у них в рюкзаках и согласно кивнула:

– Хорошо, если место останется, можешь взять водку.

– Ура! – воскликнул лис и ещё раз глотнул из бутылки.

– Не напивайся, – попросила зайчиха, – давайте сначала уложим в рюкзаки порошок и уйдём отсюда.

– А может, переночуем здесь? – предложила Острозубка.

– Здесь, – зайчиха огляделась, – я как-то не думала об этом. Можно, конечно, но надо только тех двоих сначала вынести куда-нибудь.

– Так пошли, – бодро сказал Красноклык, язык которого

уже начал заплетаться.

Он протянул бутылку Острозубке и вошёл в хижину, откуда сразу же послышалось кряхтение. Ушка вошла следом и увидела, что лис, схватив тощего охотника за ноги, волочит его к выходу. Вздохнув, зайчиха взяла тело за вторую ногу.

Оттащив трупы за хижину, они переложили белковый порошок и сигареты в рюкзаки, при этом Ушке даже пришлось пригрозить Красноклыку, который хотел вместо пачки порошка взять ещё три бутылки водки:

– Я тебе эти бутылки в задницу затолкаю! Бери порошок, а уже потом водку.

Красноклык виновато улыбнулся, но послушался. Распределив порошок и курево по рюкзакам, Ушка попросила Острозубку ополоснуть котелок, в котором хозяева хижины варили свой ужасный суп:

– Выплесни куда-нибудь, а котелок нам пригодится.

Тут она была права – котелок был явно удобнее той миски, которой они до сих пор пользовались, ведь его можно было повесить прямо над костром.

Мышка вылила содержимое котелка за хижину, рядом с двумя трупами, которые почему-то больше не вызывали у неё чувства омерзения и страха, налила в него воды и снова поставила на огонь, чтобы прокипятить и избавиться от вони.

– Ну, пошли внутрь? – предложил лис.

– Пока не ночь, можно и снаружи посидеть, – ответила

зайчиха.

– Дров я там, если что, подложила, – пробормотала Остроzubка, – а можно мне тоже?

– Чего? – спросила Ушка.

– Выпить, – опустив глаза, ответила мышка.

Зайчиха удивлённо посмотрела на неё.

– Пей.

Мышка взяла бутылку, выдохнула, поморщилась, чихнула, прикрыла рот лапой, прослезилась и протянула водку Ушке:

– На.

Зайчиха хмыкнула, взяла бутылку, зачем-то понюхала содержимое и, пошевелив усами, сделала большой глоток, опустошив бутылку на треть.

– Третий раз в жизни пью, – сказала она, передавая бутылку Красноклыку.

– Что-то не верится, – пьяным голосом сказал лис, – ты пьёшь с таким выражением, будто делаешь это каждый день.

– Я просто стойкая, – усмехнулась зайчиха и закурила, – слушай, а ведь и в самом деле хорошо!

– А я что говорил? – самодовольно сказал Красноклык, глотнул из бутылки и тоже закурил.

Не прошло и получаса, как они допили первую бутылку и открыли вторую. Лис, который начал пить раньше всех, уже не мог нормально ходить и, когда он встал, чтобы сходить за хижину помочиться, чуть не упал.

– Осторожней! – сказала Ушка, успев его подхватить.

– С-с-с-пасибо! – кивнул Красноклык.

– Дойдёшь?

– Да.

Зайчиха отпустила лиса и тот, покачиваясь, скрылся за хужиной.

– Надо идти в хижину, пока мы тут не заснули, – сказала Ушка.

– Да, – кивнула Острозубка, не поднимая головы.

Мышка, по всей видимости, была уже пьяна. Они, конечно, были привычны к алкоголю, ведь водка, наряду с белковым порошком и сигаретами, входила в паёк, но то, что они пили сейчас, было настоящей водкой, а не той тридцатиградусной бормотухой, которую им выдавали, да и качеством эти напитки явно отличались: то, что они пили сейчас, не отдавало ацетоном.

Острозубка хотела ещё что-то сказать и даже открыла было рот, но лишь зевнула и, махнув лапой, закурила сигарету.

– У-у-у-у-у-у! – раздался низкий, протяжный вой.

Ушка повернулась к сараю и увидела, что из-за угла прямо на них смотрит череп с длинными рогами.

– У-у-у-у-у-у! – череп пошевелился.

– Красноклык, хватит прикалываться! – сказала зайчиха.

Лис, с надетым на лапу черепом козла, вышел из-за хжины.

– А я думал, что вы испугаетесь, – сказал он, подойдя к

ним.

Ушка взглянула на череп и спросила:

– Где ты его нашёл?

– Там, за хужиной. Стою, ссу, смотрю – череп валяется. Ну, я его подобрал, чтобы вас попугать, а вы непугливые. Девчонки, а почему вы такие непугливые?

– Потому что мы уже много чего насмотрелись, чтобы после этого бояться каких-то там черепушек, – ответила Ушка, – да выкинь ты его нахрен!

– Не, не выкину, – ответил Красноклык, усаживаясь рядом с Острозубкой, – он прикольный.

Мышка погладила череп по рогам и, улыбнувшись, нежно сказала:

– Рожки, рожки бодучие...

– На, поддержи! Я кое-что придумал!

Лис сунул череп мышке в лапы, вскочил, упал, поднялся и скрылся за хужиной. Меньше, чем через минуту, он выкатил из-за хжины обрубок толстого бревна, подкатил его к мышке и, забрав у неё череп козла, положил его сверху.

– И зачем ты это сделал? – спросила Ушка.

– Сейчас узнаешь, – улыбнувшись, ответил лис.

– Прямо интрига, – усмехнулась зайчиха.

Красноклык ничего не ответил, глотнул водки и снова убежал за хжину.

– Куда он? – с трудом ворочая языком, спросила Острозубка.

– Не знаю.

– А я тут этих вспомнила, которые меня трахнули, – всхлипнув, сказала мышка, – так противно. Мне тогда было так больно и противно. Знаешь, я хочу их убить, но как-нибудь долго, чтобы они страдали...

Она хотела ещё что-то сказать, но её прервал Красноклык. Лис, с поднятыми вверх лапами медленно вышел из-за хижины и торжественно пропел:

– Кровь тебе приносим! Жизнь тебе мы дарим! Будь к нам щедр и милостив! Будь к нам мил и добр!

Он подошёл к черепу и, продолжая напевать, вытер об него измазанные кровью лапы.

– Совсем рехнулся, – сказала зайчиха, – зачем ты это делаешь?

Лис посмотрел на неё мутными глазами и ответил:

– Так надо.

Обтерев череп, он опустил перед ним на колени.

– Великий! – Красноклык поклонился, взял бутылку водки и облил череп.

Водка смешалась с кровью и с черепа на обрубок бревна побежали розовые струйки.

– Ты совсем больной, что ли? – спросила Ушка.

Лис посмотрел на зайчиху и у той пробежал холодок по спине – его взгляд был холодным и пугающим.

– Нет, я не больной, – ответил Красноклык и отхлебнул водки, – я свободный и могу делать всё, что захочу.

– И что ты хочешь?

Красноклык облизал клыки розовым языком и ответил:

– Я буду почитать козлиный череп.

– Зачем?

– Не знаю.

Он поднялся и, не глядя на зайчиху, прошептал:

– Мне пришла одна интересная мысль. Я должен кое-что сделать.

Взяв топор, лис ушёл за хижину. Раздалось несколько глухих ударов, а когда Красноклык вышел из-за угла, зайчиха с ужасом увидела, что он несёт отрубленную лапу одного из охотников.

– Что ты собираешься с ней делать?

Красноклык хищно улыбнулся и прищурил глаза:

– Я собираюсь её попробовать.

Зайчиха от этих слов оторопела и почувствовала, как шерсть на спине пошевелилась. То, что хотел сделать лис, было невысказано, отвратительно, пугающе и неправильно.

– Ты что?

– Я в порядке, – спокойно ответил лис со странным блеском в глазах, – я не Чешуйка.

Поклонившись, он зашёл в хижину, и вскоре Ушка почувствовала манящий аромат жареного мяса. От запаха у неё заурчало в животе, а рот наполнился слюной, и лишь осознание того, что именно жарит Красноклык, удерживало от того, чтобы пойти к нему в хижину и разделить трапезу.

Лис, впрочем, вскоре вышел, неся длинный вертел с наанизанной на него лапой. С жареного мяса капал сок и исходил манящий, чарующий запах, самый аппетитный из всех, которые они знали.

– Чем это так вкусно пахнет? – приподняв голову, спросила Острозубка.

Красноклык положил вертел перед черепом и ответил:

– Это то, чего вкуснее мы в жизни не ели.

Ушка взяла бутылку водки, сделала большой глоток и спросила:

– Ты что, уже пробовал?

– Нет, но я знаю.

Мышка, выронив истлевшую сигарету, протянула лапу к жареному мясу.

– А можно попробовать? – кокетливо спросила она.

Красноклык мягко отстранил её лапу в сторону, встал перед черепом на колени и сказал:

– Подожди, надо сначала спросить. О, великий козлийный череп! Позволь нам насладиться пищей!

Мышка хихикнула, а лис, шикнув на неё, продолжил:

– Мы никогда не ели ничего подобного, и вот настал этот день! Чтобы ещё сказать? А, ладно! И так сойдёт!

Он взял вертел в лапы, поднёс его ко рту и оторвал клыками большой кусок жареной плоти. Глаза лиса зажмурились от удовольствия.

– М-м-м, как же вкусно, – простонал он, работая челюстями.

ми, – никогда не ел ничего вкуснее!

– Дай и мне попробовать! – попросила Острозубка.

Лис протянул ей вертел, и мышка осторожно откусила небольшой кусочек, тщательно его проживала и кивнула:

– Это очень вкусно! Ушка, хочешь попробовать?

Зайчиха отхлебнула водки и отрицательно покачала головой:

– Нет, спасибо.

– Ну и зря, – сказал Красноклык и, взяв у неё бутылку, сделал большой глоток.

Он поперхнулся и закашлялся, изо рта полетели брызги водки вперемешку с мелкими кусочками пережёванного мяса. Ушка хлопнула лиса по спине, и тот упал вперёд, выронив пустую бутылку.

– Спасибо, – отдышавшись, поблагодарил Красноклык, – не в то горло попало.

Лис взглянул на пустую бутылку из-под водки и удивился:

– Это мы уже две штуки выпили? Ничего себе, мы молодцы! Надо добавить!

Взяв из ящика ещё одну бутылку, он открыл её и протянул мышке:

– Будешь?

Острозубка увлечённо грызла мясо. Не отрываясь от процесса, она посмотрела на лиса безумными глазами и мотнула головой.

– Значит, не будешь, – сказал Красноклык, – а ты?

Ушка, глянув на Острозубку, в первый раз в жизни захотела как следует напиться и забыться. Она кивнула и протянула лапу к бутылке.

– Нет, – быстро убрав бутылку за спину, сказал лис, – сначала попробуй!

Зайчиха снова посмотрела на мышку, потом на Красноклыка и внутри неё что-то вздрогнуло. Они уже никогда не будут прежними независимо от того, попробует она это мясо или нет. Изменить уже было ничего нельзя, и Ушка решилась.

– Давай.

Красноклык хитро улыбнулся, словно достиг какой-то ему одному известной цели, выхватил из лап Острозубки вертел и протянул его зайчихе. Та осторожно взяла вертел двумя лапами и погрузила зубы в мягкую плоть, от которой исходил сильный запах дыма. Её рот моментально наполнился мясным соком, голова слегка закружилась от неизведанных, но приятных вкусовых ощущений, в висках застучало, а сердце бешено заколотилось.

Ушка медленно прожевала кусок мяса, сглотнула слюну и протянулась за бутылкой.

– Здорово, что мы всегда вместе, – сказал Красноклык, отдавая бутылку, – надо за это выпить.

Ушка подняла бутылку вверх.

– За нас!

Лис глубоко вздохнул и пронзительно рассмеялся, пова-

лившись на спину и задрал лапы вверх. Он катался по земле, задыхаясь от смеха, хватал себя за грудь и не мог остановиться. Шерсть на рыжем лице стала мокрой от слёз.

– Что с тобой? – с тревогой спросила Ушка, а Острозубка, улучив момент, схватила вертел и принялась с жадностью грызть мясо.

– А-ХА-ХА-ХА-ХА-ХА! – визжал лис, захлёбываясь.

– УА-ХА-ХА-ХА-ХА-ХА-ХА! – раздалось сверху.

Ушка вскинула голову и увидела, как с дерева, хлопая огромными серыми крыльями, взлетела птица. Она кружила над ними и громко смеялась:

– УА-ХА-ХА-ХА-ХА-ХА-ХА!

– Кто ты? – схватив тесак, проорала зайчиха.

Взмахнув крыльями, птица шумно опустилась в нескольких метрах от них и уставилась на Ушку чёрными глазами.

– Кто ты?

Птица склонила голову набок и щёлкнула клювом.

КЛАЦ!!!

КЛАЦ!!!

КЛАЦ!!!

– Ты давно за нами наблюдаешь?

– А-ХА-ХА-ХА-ХА-ХА-ХА! – продолжал смеяться

Красноклык.

Птица указала на лиса и моргнула. Ушка шагнула к ней, но птица, взмахнув крыльями, взлетела на крышу хижины и прислонилась к трубе, из которой тонкой струйкой шёл дым.

Она снова склонила набок голову и зацокала.

ТАКА-ТАКА-ЦАК!

ТАКА-ТАКА-ЦАК!

КЛАЦ!

КЛАЦ!

ТК-ТК-ТК-ТК-ТК!

ЦАК!

ЦАК!

– Ты хочешь что-то сказать?

Наблюдая за птицей, Ушка не заметила, что Красноклык перестал смеяться и, взяв бутылку, подошёл к ней. Зайчиха даже вздрогнула, когда лис неожиданно вышел вперёд и протянул водку.

– Будешь? – спросил он у птицы.

Птица отошла от трубы, подпрыгнула и, расправив крылья, приземлилась рядом с ним. Красноклык налил водки в широко открытый клюв и птица, задрав вверх голову, с наслаждением её проглотила.

– Зачем ты дал ей водки? – спросила Ушка.

– Гостей надо уважать.

Птица внимательно посмотрела на зайчиху и неожиданно прокаркала:

– Он прав – гостей нужно уважать!

Если бы Ушка не была пьяной, она бы точно испугалась, а так просто дёрнулась назад и, глубоко вздохнув, спросила:

– Ты умеешь разговаривать?

– А то! – дерзким голосом ответила птица.

– Зачем тогда ты цокала и квакала?

– Цокают жуки, а квакают лягушки! – сказав это, птица выхватила у Красноклыка бутылку, и вылила остатки себе в клюв.

Красноклык дождался, пока она проглотит водку, после чего спросил:

– А ты откуда?

– Живу я здесь.

– В лесу? – спросила Ушка.

Птица издала странный хрипящий звук, моргнула и, указав крылом вверх, ответила:

– Везде.

– Как это?

– А у вас подружка сдохла, – щёлкнув клювом, сказала птица.

Зайчиха обернулась и увидела, что Острозубка, свернувшись клубком около бревна с черепом, крепко спит. Рядом с мышкой лежал вертел с недоеденным мясом.

– Она спит.

– Жаль, – сказала птица.

– Почему?

– Больше мёртвых – больше еды, – весело ответила птица.

– Ты ешь мёртвых?

– А вы разве нет?

– Это... это вышло случайно, – как бы оправдываясь, ска-

зала Ушка, отворачиваясь в сторону, чтобы не видеть чёрных глаз птицы.

– Да? Ну, тогда я тоже случайно.

Если бы у птицы был нормальный рот, она на этих словах точно бы улыбнулась.

Красноклык положил лапу Ушке на плечо и, мотнув головой, спросил заплетающимся голосом:

– Слушай, это, ну, это самое... что я там хотел спросить? А, вот оно, да! Ты, это, ну, сказала, что живёшь везде, так ведь?

– Угу.

– А ты была за стеной?

КЛАЦ!

КЛАЦ!

КЛАЦ!

Прощёлкав клювом, птица подскочила вверх и, кувырнувшись в воздухе, приземлилась обратно.

– Нет, не была, – ответила она с лёгкой долей грусти.

– Почему?

– Они там думают, что мы разносим заразу и всех птиц из Межречки отлавливают, сажают в клетки и колют уколы до смерти. Я что, дуручка, чтобы туда лететь?

– Но ты хотя бы видела, что там? – спросила Ушка.

– Здесь лучше, – ответила птица.

– Чем?

– Всем. Слушайте, а те двое, которых вы убили, вам нуж-

ны?

Она явно говорила о двух незнакомцах, тела которых валялись за хижинкой.

– Нет, а тебе они нужны?

– Еда, – просто ответила птица.

– Ты знала их?

– Ага, – кивнула птица, – я сюда иногда по ночам залетала, чтобы поклевать объедки. Днём нельзя было, а то бы они меня саму сожрали, а по ночам они обычно куда-то уходили.

Ушка, вспомнив, как в лесу на них пытались напасть, сказала:

– На охоту они ходили.

– Значит, отохотились, – сделала вывод птица, – и теперь я из съем. Знаете, что самое вкусное? Глаза!

Она обошла Ушку и Красноклыка, подошла к обрубку бревна и, склонив голову, посмотрела на череп.

– А вот это хорошо, очень хорошо! – прокаркала птица.

Зайчиха и лис подошли к ней, и Ушка спросила:

– Что хорошо?

– Надо чтить, надо почитать, надо уважать! Я почитаю Перворорона и поэтому никогда не остаюсь голодной, ну а вы ведь не вороны, поэтому должны почитать этого! Не знаю, как его зовут, но это очень хорошо и правильно!

– Вот видишь! Я был прав! – с жаром воскликнул Красноклык.

– С тобой никто и не спорил, – сказала Ушка.

– Мы возьмём его с собой.

– Бери.

Прикоснувшись к черепу кончиком крыла, птица развернулась и пошла за хижину. Перед тем, как зайти за угол, она повернулась к ребятам и, пристально глядя на них, сказала:

– Если один из вас помрёт, то, пожалуйста, не закапывайте его.

КЛАЦ!

КЛАЦ!

КЛАЦ!

Из-за хижины раздались первые глухие удары, а Красноклык, опустившись на колени перед черепом козла, благоговейно прошептал:

– Я нарекаю тебя – Безымянный Козёл!

– Подходящее имя, – усмехнулась Ушка, – как раз для неизвестного черепа. Слушай, надо в хижину идти, а то скоро стемнеет.

За распитием водки, поеданием мяса и разговором с птицей они и не заметили, что наступил вечер, готовый в самое ближайшее время перейти в ночь. Остаться под открытым небом, когда имелась возможность переночевать под крышей, было глупо.

Поднявшись с колен, Красноклык, взял череп и, подняв его над головой, торжественно отнёс в хижину, где водрузил Безымянного Козла над очагом, повесив на вбитый в стену крюк.

Ушка, осторожно подхватив Острозубку, зашла внутрь и, осмотрев помещение, положила мышку на грязный комбинезон одного из прежних хозяев жилища, после чего вышла и забрала рюкзаки, которые поставила у входа. Красноклык в это время взял из ящика ещё две бутылки водки.

За стеной по-прежнему раздавались глухие удары. Зайчиха выглянула в окно и увидела, как птица, встав над здоровяком, у которого не доставало одной лапы, методично и размеренно клюет безглазое лицо, разбрызгивая в стороны мелкие кусочки плоти.

Никогда ещё Ушка не была настолько равнодушна к происходящему, как сейчас. В этом, возможно, был виноват алкоголь, ведь она впервые в жизни выпила достаточное его количество, чтобы опьянеть. Зайчиху не шатало из стороны в сторону, у неё не заплетался язык, ей просто было на всё насрать. От водки Ушке стало легко и спокойно и, может именно из-за накатившего равнодушия она решилась попробовать жареное мясо.

Хмыкнув, Ушка отвернулась от окна и, обращаясь к Красноклыку, который как раз открывал бутылку водки, сказала:

– Да, ещё водки нам не помешает.

Сказав это, зайчиха улыбнулась, от чего Красноклык, не смотря на то, что был сильно пьян, удивился:

– Странная ты какая-то.

Ушка взяла хвороста и, подкинув его в очаг, села напротив и уставилась остекленевшими глазами на заплясавшее

пламя.

– Я ни о чём не жалею, – медленно сказала она.

И она действительно ни о чём не жалела: родители, которых она бросила, были ей равнодушны, на то, что произошло в пещере, ей было абсолютно наплевать, а воспоминания о том, как она надвое рассекла Чешуйку, не вызывали никаких эмоций. Она поначалу даже удивилась этому, но удивление тут же сменилось абсолютным, полнейшим равнодушием и это Ушке даже понравилось, ведь лишние переживания означали лишние проблемы, а их и так было достаточно. И ещё она поняла Красноклыка и то, почему он назвал себя свободным – они все стали свободными. Свободными от самих себя прежних, свободными от условностей, в которых жили раньше.

Они стали теми, кто они есть на самом деле.

Снаружи послышался глухой, протяжный рокот, а через несколько секунд раздались раскаты грома. Ушка вскочила, подбежала к выходу и выглянула наружу: на них медленно двигалась огромная чёрная туча, с которой вниз срывались ослепительные голубые молнии. Птица, бесшумно хлопая крыльями, пролетела над хижинкой и скрылась в лесу, ловко облетая мёртвые деревья. В когтистых лапах она держала ногу здоровяка.

– Гроза, – прошептала Ушка.

– Слышу, – отозвался Красноклык, – ну, выпьем?

Ушка закрыла болтающуюся на одной петле дверь, подо-

шла к лису и села рядом с ним.

– Давай, – сказала она, взяла бутылку и сделала большой глоток.

Красноклык, с улыбкой взглянув на Острозубку, спросил:

– Будить будем?

– Не надо, пусть спит.

– Хорошо. Слушай, а здорово я Безымянного Козла над огнём повесил?

Повернувшись к очагу, зайчиха взглянула на череп, оценила то, как он смотрится над пламенем и согласно кивнула:

– Выглядит, как надо. В этом есть что-то завораживающее.

– В чём? – спросил лис, протянувшись к бутылке.

– Череп над огнём.

– Это больше не череп, это – Безымянный Козёл, – ответил Красноклык и выпил.

– Как хочешь, – равнодушно сказала Ушка, отвернувшись к очагу и закурила.

Лис подсел к ней и тоже достал сигарету.

– Теперь у нас есть курево, – сказал он, – много курева.

– Это точно.

– Знаешь, – затянувшись, сказал лис, – а я бы хотел с этой птицей подружиться. Она правильная птица, весёлая. Она даже похвалила меня за то, что я начал почитать Безымянного Козла.

Он поднял лицо вверх и благоговейно взглянул на череп.

– Эта птица сожрала бы тебя, если бы ты ослаб, – ехидно сказала Ушка.

– А ты разве нет?

– Что?

– А ты разве не сожрала бы меня, если бы умирала от голода? – глядя на зайчиху пьяными глазами, спросил Красноклык.

– Ты совсем дурак? – Ушка щёлкнула указательным пальцем лиса по лбу. – У тебя в голове что, вместо мозгов дерьмо?

Красноклык нежно, с любовью посмотрел на зайчиху и блаженно улыбнулся:

– А я бы вас сожрал. Честно-честно.

– Точно свихнулся, – прошептала зайчиха.

– Нет, – ответил лис, – я просто честен.

Ушка вспомнила, как несколько лет назад в школе ходили слухи, что в северных районах Межречки на месяц задержали поставки белкового порошка, и звери стали есть друг друга. Тогда в это верилось с трудом, ведь эти рассказы больше походили на страшные сказки, но сейчас, глядя на Красноклыка, зайчиха поняла, что это вполне могло быть правдой. Что-то внутри неё подсказывало, что голод может довести вполне благопристойных и добрых зверей до безумия, и они станут способны на ужасные поступки.

Чёрт! Да ведь она сама сегодня ела лапу одного из обитателей этой самой хижины, а ведь им было, что есть!

Значит, не в голоде дело, а в ней самой.

На крышу упали первые капли, а вскоре ливень забарабанил с такой силой, что перекрыл треск хвороста в очаге, а потолок местами начал намокать. Несколько крупных капель упало на лицо Острозубке и мышка, пробормотав что-то непонятное, пошевелилась во сне.

– Надо отнести её туда, где не капает, – сказала Ушка.

– А ты боишься грозы? – неожиданно спросил лис, вслушиваясь в раскаты грома, которые, кажется, грохотали прямо за дверью.

– Боялась, когда была маленькая, – ответила зайчиха, взяв Острозубку в лапы и перенеся в сухое место.

– А я никогда не боялся, – икнув, сказал Красноклык, – мне всегда казалось, что гроза это здорово. Гром, молния! Кайф!

– Ещё скажи, что ты был бы рад, если бы мы сейчас ночевали в лесу, – ехидно сказала Ушка.

Красноклык поднялся и, повернувшись к ней, спросил:

– Чё, думаешь, я боюсь переночевать в лесу в грозу?

Лис стоял, пошатываясь, упираясь одной лапой в стену. Его глаза были мутными, язык сильно заплетался, а ноги подгибались, но он всеми силами старался придать себе дерзкий вид, что выглядело довольно смешно.

– Я не говорила, что ты боишься, – сдерживая улыбку, ответила Ушка.

– Но ты подумала, – не унимался лис.

– Нет.

– Подумала! – взвизгнул Красноклык, взмахнув лапой и обрызгав зайчиху водкой.

– Да говорю же тебе, что нет, – примирительным тоном сказала зайчиха, – успокойся.

Лис запрокинул голову и, в несколько глотков допив водку, швырнул пустую бутылку на пол. Бутылка гулко стукнулась о трухлявые доски и откатилась к ногам Ушки.

– А я пойду!

– Иди, – равнодушно сказала Ушка.

«Да и пускай идёт, – подумала зайчиха, – промокнет, протрезвеет и придёт в себя. Придурок сраный».

Красноклык, пошатываясь и упираясь в стену, вышел из хижины и, не оглядываясь, скрылся за плотной стеной ливня. Ушка поправила распахнутую настежь дверь, подкинула хвороста в очаг и легла рядом с Острозубкой.

Ни шороха, ни дуновения ветра...

В мёртвом лесу было так тихо, что Ушка слышала собственное дыхание. Она стояла среди облезлых деревьев и смотрела на небольшой холмик.

– Могила Чешуйки, – прошептала Ушка.

Сама не зная, зачем, она подошла к холмику и опустилась перед ним на корточки.

– Раскопай его для меня, – раздался сверху знакомый голос.

Ушка подняла голову и увидела птицу – та сидела, крепко вцепившись когтями в ветку, и смотрела сверху маленькими чёрными глазами. Смотрела прямо на неё.

– Что? – спросила зайчиха.

– Раскопай. Для меня, – прокаркала птица.

Ушка кивнула и стала раскапывать могилу. Она рыла, раскидывая землю вокруг, но тела Чешуйки так и не было. Птица спустилась с дерева и, встав на краю ямы, внимательно следила за процессом.

– Глубже, глубже, – говорила птица, – он там, я знаю.

Зайчиха рыла, рыла, а когда решила проверить, насколько глубокой получилась яма, посмотрела наверх и увидела, что птица далеко-далеко наверху, а сама она стоит на дне глубокого колодца.

– Эй! – крикнула Ушка.

– Чего тебе? – спросила птица.

– Помоги мне отсюда выбраться!

– Нет.

– А как я тогда вылезу?

– А тебе и не надо вылезать.

Взмахнув крыльями, птица стала скидывать вниз комья земли. Поначалу Ушка пыталась отбиваться от них, но комья становились всё больше и тяжелее, и вскоре она уже не могла пошевелить лапами. Земля постепенно накрывала её, но в самый последний момент Ушка почувствовала, что начинает куда-то проваливаться.

Зайчиха медленно прошла сквозь землю и упала в знакомое место.

Чернота, тьма без начала и конца окружала её. Тьма шевелилась, медленно расползалась в стороны, и в то же время оставалась на месте. Она как будто перетекала в самую себя. Ушка знала, что, в какую бы сторону она сейчас не пошла, везде будет одно и то же – тьма без начала и конца.

Она села, вытянув ноги вперёд, и опустила голову вниз. Ушке не было страшно, жутко или противно, ей было безразлично.

Когда-нибудь эта тьма закончится – она либо поглотит её, либо Ушка найдёт из неё выход. Зайчиха верила, что это не будет продолжаться вечно – ничто не бывает вечным.

Неожиданно Ушка услышала музыку. Подняв уши вверх, она прислушалась и узнала ту самую мелодию, которую играл старый козёл, когда приезжал к ним в школу.

Как там говорил Чешуйка, реквием?

Ушка встала и пошла на звук, который становился всё громче и казался продолжением окружавшей её тьмы.

Козёл с виолончелью показался внезапно, словно выскочил из-под земли: Ушка моргнула, а, когда открыла глаза, тот уже сидел перед ней, опустив голову с длинными рогами вниз и водил смычком по струнам, извлекая из инструмента самые тоскливые звуки в мире.

Зайчиха подошла к нему и робко спросила:

– Что вы здесь делаете?

Козёл ничего не ответил.

– Вы часть этой тьмы?

Козёл перестал играть и медленно произнёс глухим голосом:

– Мы все части этой тьмы.

Он поднял голову, и Ушка увидела череп вместо лица – тот самый, который нашёл Красноклык.

– Безымянный Козёл, – прошептала зайчиха.

В пустых глазницах зажглись зелёные огоньки, козёл отложил виолончель и встал, протянув лапу вперёд.

– Пошли со мной.

Ушка отшатнулась от него и, оступившись, упала на спину, а козёл, наклонившись, снова протянул её лапу.

– Пошли со мной.

– Нет, – ответила зайчиха и проснулась.

Первым, что она услышала, был слабый стон. Зайчиха открыла глаза и, приподнявшись на локтях, увидела Красноклыка: лис сидел, прислонившись к стене, а Острозубка, расположившись перед ним, облизывала его красный член, помогая себе лапами. Глаза Красноклыка были закрыты от удовольствия.

– Кхе-кхе, – изобразила кашель зайчиха.

Красноклык резко открыл глаза, оттолкнул мышку и принялся натягивать штаны.

– Мы, это самое, тут, – оправдывался он, пытаясь спрятать непослушный орган.

Ушка усмехнулась – рано или поздно что-нибудь этакое обязательно бы произошло. Крысы, конечно, преследовали межвидовые связи, называя их навязыванием вражеского образа жизни, но большинство молодёжи относилось к этому абсолютно спокойно, а Ушке так вообще было насрать, кто с кем трахается.

– Да не оправдывайся ты, – махнув лапой, сказала зайчиха и встала.

Ей навстречу поднялась Острозубка.

– Я сама захотела, – пьяным голосом сказала она, вытирая слюну с подбородка, – а тут ты проснулась.

– Да делайте вы, что хотите! Я вам что, мама, чтобы учить?

Ушка открыла дверь, вышла из хижины и, обернувшись, сказала:

– Я прогуляюсь, а вы, если хотите, можете продолжать.

По взгляду Красноклыка было понятно, что продолжать ему не особо хочется. Зайчиха усмехнулась и пошла в сторону леса.

– А есть ещё выпить? – донёсся из хижины голос Острозубки.

После дождя в лесу было сыро, земля стала грязью, а воздух пах чем-то кислым. Ушка вспомнила про дожди, из-за которых леса умирают, а ещё про цветков.

– И ведь всё-таки он вырос, – прошептала Ушка.

Она взглянула на чёрное небо, в котором одиноко сияла

огромная, серая луна с отчётливыми пятнами. Зайчиха смотрела на неё, и постепенно пятна стали соединяться, образуя подобие черепа.

– Что за хрень?

Очертания черепа становились всё отчётливее. Ушка зажмурилась, открыла глаза и увидела Безымянного Козла, сияющего среди бесконечной тьмы.

Она тряхнула головой, села на корточки и, обхватив голову лапами, зашептала:

– Не может быть... не может быть... не может...

Луна, на небе снова была луна. Ушка закурила и пошла дальше, стараясь не упускать из виду слабо светящиеся в темноте окна.

Она бродила между мёртвых деревьев, изредка поглядывая на луну, но та была совершенно обычной, а когда вернулась в хижину, увидела, что Острозубка и Красноклык, обнявшись, спят напротив очага. Ушка подбросила хвороста, отошла в угол, легла на грязные доски и заснула.

Проснулась зайчиха от того, что лис, споткнувшись на пороге, упал и громко выругался. Ушка открыла глаза: Красноклык сидел на полу и, положив одну ногу на другую, растирал ушибленное место.

– Дерьмо вонючее, – выругался лис, – зачем только эти сраные пороги придумала?

– Чтобы такие пьяницы, как ты, об них спотыкались, –

ответила Ушка. – А куда это ты собрался?

Лис, взъерошенный, с засохшей слюной на щеке и красными глазами, хмуро посмотрел на Ушку и ответил:

– За водкой.

– Опять? Тебе что, вчера не хватило?

– Да весело же было.

– Ещё как весело, – грубо сказала зайчиха, – обхохочешься. Ты что, хочешь сидеть здесь, пока всё не выпьешь?

– Нет, но...

Ушка встала, подошла к лису и, присев рядом, сказала:

– Слушай меня, Красноклык: ты, конечно, можешь сейчас немного выпить, но потом мы уходим отсюда. Хочешь остаться – оставайся, а я больше находиться здесь не хочу.

– Я тоже, – раздался слабый голос Острозубки.

Мышка с трудом приподнялась и прислонилась к стене.

– Пить хочу, – прошептала она.

Ушка открыла рюкзак, достала бутылку воды и протянула Острозубке. Мышка открутила пробку и в несколько глотков опустошила бутылку наполовину.

– Фу, – сказала она, вытерев нос, с которого свисала крупная капля пота, – как хорошо. Слушайте, а ведь я ничегошеньки не помню! Нет, кое-что, помню, конечно, но...

Она выронила бутылку из лап и уставилась на Красноклыка и Ушку.

– Я ела его...

Ушка с жалостью посмотрела на мышку, но утешать не

стала: в конце концов, Остроzubка сама виновата в том, что вчера натворила. Не надо было столько пить. Интересно, а она помнит о том, что было между ней и Красноклыком? Лучше бы не помнила.

– Мы все его ели, – сказал Красноклык, – ведь так?

– Да, – мрачно согласилась зайчиха, – мы все его ели.

Остроzubка подняла на них заплаканные глаза и заскулила:

– Но вы ведь, вы ведь такие сильные, решительные, а я... я...

Сглотнув слюну, лис со злобой прохрипел:

– То есть, ты не удивлена, что мы способны на такое, а вот то, что сама жрала это мясо, вызывает у тебя ужас? Ты что, лучше нас?

– Нет, что ты, – начала оправдываться мышка, – я ничего такого не думала.

– Она не хотела нас оскорбить, – сказала Ушка.

– Но у неё получилось, – буркнул лис.

У Остроzubки действительно получилось, ведь из сказанной ей фразы следовало, что от Ушки и Красноклыка вполне можно было ожидать того, что они станут есть чужую плоть, а вот мышка была на это неспособна, хотя, если судить по тому, с какой жадностью она вчера пожирала мясо, ей это очень даже понравилось. Зайчихе от слов Остроzubки стало неприятно, однако она не подала виду и предложила Красноклыку сходить и выпить.

– Глотни и возвращайся, а то ты какой-то агрессивный.

Лис, прихрамывая, вышел из хижины, а Острозубка, подойдя к Ушке, спросила:

– Ты ведь не обижаешься на меня?

– Нет.

– Я ведь совсем не это имела в виду, понимаешь?

– Да.

– Ты обижаешься, – уверенно сказала мышка, – раз так отвечаешь.

– Я не обижаюсь – мне просто немного неприятно.

– Понимаешь, я имела в виду, что вы с Красноклыком такие решительные, смелые, а я почти никогда в жизни не совершала никаких поступков.

Ушка, вспомнив, что мышка вытворяла ночью, улыбнулась, и как раз в этот момент с улицы донёлся крик Красноклыка:

– Вот дерьмо – я только сейчас заметил, что у меня штаны не до конца застёгнуты!

Острозубка провела языком по зубам, поморщилась и достала изо рта длинный волос. Она поднесла его к глазам, чтобы рассмотреть и с удивлением сказала:

– Рыжий! Это волос Красноклыка!

– Вы спали в обнимку, – успокоила её Ушка, решив не рассказывать о том, что между ними произошло.

«А Красноклык помнит? Нет, вряд ли».

– А, понятно, – пробурчала мышка и выкинула волос.

В хижину зашёл Красноклык и, судя по довольному выражению лица, он уже успел изрядно приложиться к бутылке.

– Как я мог забыть застегнуть штаны? – с улыбкой спросил лис, и непонятно было, удивляется он или этот факт его веселит.

– Наверное, когда ссать ходил, плохо застегнул, – сказала Ушка, – ты вчера был немного не в себе.

Лис хитро заглянул ей в глаза и медленно сказал:

– Да, я был немного не в себе. О, Безымянный Козёл!

Он подошёл к очагу и склонил голову перед черепом.

«Это он помнит, – подумала зайчиха, – значит, он моет помнить и другое».

Мышка, заинтересовавшись, подошла к Красноклыку и робко спросила:

– А почему ты так его называешь?

– Просто я пока не знаю его настоящего имени.

– А оно есть? – спросила зайчиха.

– Оно должно быть, – с уверенностью ответил Красноклык.

Безымянный Козёл...

Зайчиха вспомнила свой сон, луну, меняющую облик, и с тревогой взглянула на череп: пустые глазницы выглядели зловеще, словно в них что-то таилось, что-то, чего они не знали и с чем никогда не встречались, но это что-то внушало страх. Возможно, эта тревога была лишь следствием увиденного сна, но луна-то была не во сне!

«Наверное, это от водки, – попыталась успокоить себя Ушка, – я ведь никогда прежде не пила так много».

Она снова взглянула на череп, перед которым, застыв, как две статуи, стояли Острозубка и Красноклык: в пустых глазницах вспыхнули зелёные огоньки и послышался шипящий голос:

– Уш-ш-ш-ш-ка!

В глазах у зайчихи потемнело, ноги подкосились, и она рухнула на пол.

– Ушка! – крикнула Острозубка, бросившись к зайчихе.

– Да.

Зайчиха открыла глаза и увидела Красноклыка и Острозубку: они сидели на корточках и с тревогой смотрели на неё.

– Что со мной было?

– Ты стояла, стояла, а потом взяла и упала, – быстро ответила мышка, – сейчас тебе хорошо?

– Голова немного кружится, – ответила Ушка.

– Ты упала в обморок, – сказал Красноклык, – такое бывает.

Ушка, приподнявшись, взглянула в чёрные глаза мышки, карие глаза лиса и тихо сказала:

– Нам надо уходить отсюда.

– А вдруг тебе снова станет плохо? – с беспокойством спросила Острозубка.

– Не станет, – ответила зайчиха, – а отсюда надо уходить – это место какое-то мёртвое, оно меня угнетает.

Красноклык загадочно улыбнулся:

– Эта хижина видела много смертей.

– И тебя это веселит?

– Что?

– Почему ты улыбался, когда говорил это?

Красноклык отпрянул в сторону, переглянулся с Остроzubкой и сказал:

– Я не улыбался.

– Он не улыбался, – подтвердила мышка.

Ушка посмотрела на их изумлённые лица: нет, они не врут, да и зачем им врать? В этом месте действительно происходит что-то странное, с ней уж точно.

– Да? Значит, мне показалось, – сказала зайчиха после недолгого молчания, – но нам всё равно нужно уходить – здесь слишком сильно пахнет смертью.

Красноклык принюхался.

– Не, не смертью – здесь пахнет тухляком, ссаниной, гнилью, плесенью, дымом и чем-то ещё.

– Ты что, знаешь, как пахнет смерть? – спросила Ушка.

– Нет.

– Вот что-то ещё и есть запах смерти. Пошли отсюда.

Лис снял со стены череп и, развязав пояс, продел его через глазницы.

– Возьму с собой, – весело сказал он.

Теперь череп болтался у лиса на поясе, что делало его немного похожим на шамана из древних времён.

– Ты бы его лучше на голову нацепил, – сказала Ушка, надевая рюкзак, – и шкуру на плечи. Я, кстати, знаю, где есть много шкур. Показать?

– Ха-ха, – скривился в усмешке Красноклык, – я тоже знаю это место, так что спасибо.

Надев рюкзаки, они вышли из хижины и направились в лес. Отойдя шагов на двести, зайчиха остановилась, скинула рюкзак и, со словами: «Я сейчас!», быстро пошла обратно.

– Куда это она? – спросила Острозубка.

– Наверное, забыла что-нибудь.

Ушка забежала в хижину, разворошила хворостиной тлеющие в очаге угли и выкинула их на пол. Угли почти не горели, но Ушка сгребла их в небольшую кучку к стене, накрыла тонкими хворостинками и, опустившись на колени, раздула. Не прошло и минуты, как яркое пламя облизывало стену, а когда зайчиха вернулась к Красноклыку и Острозубке, на месте хижины пылал огромный костёр.

– Теперь везде пахнет дымом, – сказал Красноклык.

– Зачем ты это сделала? – спросила Острозубка, заглянув в слезящиеся от дыма глаза зайчихи.

– Потому что мне так захотелось.

– Честно, – положив лапу к сердцу, сказал лис, – я бы тоже спалил эту хижину с удовольствием, но что-то не додумался это сделать. Ты молодец!

Игриво подмигнув, Красноклык поправил череп и, виляя хвостом, пошёл вперёд.

– Странный он какой-то, – тихо, чтобы не услышал лис, сказала Острозубка.

– Он всегда таким был, – ответила Ушка, – ты просто не замечала. А сейчас он, к тому же, ещё не до конца протрезвел.

Красноклык, словно прочитав её мысли, остановился, достал из рукава куртки бутылку и поднёс её ко рту.

– Эй! Что ты там собрался делать? – крикнула зайчиха.

– Глупый вопрос, если честно, – обернувшись, ответил лис, – странно его от тебя слышать. Я, как ты, надеюсь, заметила, собрался выпить и ничего более.

– Может, пока хватит? До вечера не потерпеть?

– Нормально, – развязным тоном сказал Красноклык, – я немного.

Он и в самом деле глотнул чуть-чуть, не больше одного глотка, после чего закрыл бутылку и спрятал обратно в рукав.

– Вот не знаю, что мне нравится больше: курить, выпивать или трахаться, – прислонившись спиной к дереву и достав сигарету, сказал Красноклык.

Девчонки подошли к нему и Ушка ехидно спросила:

– Когда это ты успел потрахаться, чтобы сравнивать?

– Да так, – вальяжно ответил лис.

– Ага, с лапой, наверное, – усмехнулась зайчиха.

– Нет.

Острозубка нахмурила лицо, от чего стала похожа на оби-

женного ребёнка.

– Ничего в этом хорошего нет, – буркнула она,

– В чём? – спросил Красноклык.

– В траханье этом.

Лис подавился дымом и с изумлением уставился на мышку.

– Ты что, пробовала?

Острозубка, присев на корточки, закурила и рассказала лису о том, что с ней произошло в участке. Она рассказывала без прикрас, подробно описывая, что и как с ней делали, и какие ощущения она при этом испытывала.

– У меня только вчера кровь перестала идти, – завершила свой рассказ мышка.

– То-то я удивился, с какой злобой ты того крыса на свалке прикончила, – присвистнув, сказал Красноклык, – теперь мне всё понятно: ты хотела отомстить крысам.

– Возможно, – прошептала Острозубка.

– Не возможно, а точно, – возразил Красноклык, – а то, что тебе не понравилось, не значит, что не понравится в будущем!

Ушка легонько толкнула лиса в грудь, от чего тот фыркнул и даже оскалился, но тут же пришёл в себя и спрятал клыки.

– Заткнись, – строго сказала зайчиха, – ты не знаешь, о чём болтаешь. Не язык, а помело.

– Ну, я ведь не специально, – начал оправдываться Красноклык, – просто я всегда говорю, что думаю!

– В следующий раз лучше думай, – предупредила Ушка, вновь начав подозревать, что лис помнит обо всём, что произошло ночью, – пошли, Острозубка!

Девчонки пошли вперёд, а Красноклык глотнул водки, хищно улыбнулся и, погладив череп, последовал за ними.

Вечером им пришлось собрать намного больше хвороста, чем в предыдущие дни – помимо костра, ребятам пришлось устроить себе подобие лежанок, ведь никому не хотелось спать на мокрой земле. Кровати получились так себе, но это было лучше, чем ничего.

Красноклык, который незаметно для других прихватил из хижины несколько ржавых гвоздей, вбил один из них в ствол дерева и повесил Безымянного Козла.

– Он будет оберегать наш сон, – с довольной улыбкой сказал лис, положив на плечо топор.

– Знаешь, я ему как-то не особо доверяю, – с сарказмом сказала Ушка, занятая разведением костра, – уж лучше будем дежурить по очереди, как раньше.

– Я тоже думаю, что так будет надёжнее, – кивнула Острозубка, насыпая в котелок белковый порошок.

– Да ничего вы не понимаете, – топнув ногой, сказал лис, – он будет оберегать наши сны, чтобы не приснилось что-нибудь нехорошее.

– Что-то прошлой ночью у него это не особо получилось, – чиркнув спичкой, сказала зайчиха, – думаешь, сейчас полу-

чится?

– А тебе приснилось что-то страшное? – с любопытством спросил Красноклык.

Ушка не хотела рассказывать, что ей приснился именно Безымянный Козёл, но и врать она не собиралась, поэтому ответила:

– То же, что обычно: бесконечная тьма и одиночество.

Мышка вздрогнула:

– Б-р-р-р! Я бы, наверное, давно с ума сошла, если бы мне каждую ночь такие сны снились!

ЧТОБЫ СОЙТИ С УМА, НУЖНО ЭТОТ САМЫЙ УМ ИМЕТЬ!

Ребята вздёрнули головы вверх и увидели птицу, сидевшую на ветке метрах в семи над ними. Скосив голову набок, птица смотрела на них и, судя по выражению глаз, ей было очень весело.

– Как ты так бесшумно подлетела? – спросила Ушка.

– А я и не прилетала, – ответила птица, – я сидела тут. Сижу, сплю, вдруг слышу голоса знакомые, а это вы! Здорово, правда?

– Не вижу в этом ничего хорошего, – сердито сказала Ушка.

– Ты что, следишь за нами? – настороженно спросил Красноклык.

– Нет.

Она плавно спустилась с ветки, подошла к Острозубке и

засунула клюв в котелок.

– Что это тут у нас? Белковый порошок? Фу! А есть что-нибудь нормальное?

Нет, эта птица становилась слишком наглой! Уж что-что, а кормить её они не обязаны! Ушка подошла к ней и, оттолкнув от котла, процедила сквозь зубы:

– Мы не обязаны тебя кормить! Убирайся!

Птица, расправила крылья, от чего стала казаться в два раза больше и, устремилась на зайчиху, но та тут же схватила тесак. Птица мгновенно сложила крылья, отпрыгнула назад и обиженно сказала:

– Сожгли еду, выпили водку, а теперь говорите, что не будете меня кормить. Какие вы злые!

Не убирая направленный на птицу тесак, зайчиха спросила:

– А откуда ты знаешь, что мы сожгли хижину?

– Я видела дым.

Красноклык, отстранив лапу Ушки в сторону, на что зайчиха ответила гневным взглядом, подошёл к птице и спросил:

– А что бы ты ела, если бы те двое остались живы?

– Нашла бы что-нибудь, – ответила птица, – а так я на них рассчитывала. Ты, кстати, молодец, что не бросил Безымянного Козла. Ты его ведь так назвал, да?

– Да, – изумлённо ответил лис.

– Он на многое способен, – загадочно ответила птица и

внезапно клюнула Красноклыка в лоб.

Лис вскрикнул, схватился за голову, а птица, взмахнув крыльями, отскочила назад и, не успев Ушка замахнуться тесаком, взлетела на ветку.

– Ты зачем это сделала? – крикнула зайчиха, в то время как Острозубка, присев около лиса, осматривала рану.

– Да, зачем? – еле слышно спросил Красноклык с залитым кровью лицом.

УА-ХА-ХА-ХА-ХА-ХА-ХА!

Посмеявшись, птица выгнула шею и, кладая клювом, прокаркала:

– Кровь это жертва ему.

Выпрямившись, она прежним беззаботным голосом добавила:

– А я буду рядом и, если кто из вас помрёт – не закапывайте!

УА-ХА-ХА-ХА-ХА-ХА-ХА!

Смеясь, она сорвалась с ветки и скрылась между деревьями.

– Она меня пугает всё больше и больше, – тихо сказала Острозубка.

Ушка думала так же: птица казалась ей не живым существом из плоти и крови, а ночным кошмаром, от которого невозможно избавиться и которому можно лишь подчиниться.

– Меня тоже. Ну, ты как?

– Нормально, – ответил лис, немного придя в себя, – даже голова не кружится.

Он поднялся и, слегка пошатываясь, подошёл к черепу. Проведя ладонью по лицу, он помазал Безымянного Козла собственной кровью и поклонился.

– Совсем рехнулся, – фыркнула Ушка, доставая сигарету.

ШЛЁП!

ШЛЁП!

ШЛЁП! ШЛЁП! ШЛЁП!

Привлечённые светом костра, прилетели мотыльки. Серые, лохматые, она врывались из темноты, кружились над огнём и, опалив крылья, падали на землю.

ШЛЁП!

– Откуда их столько? – спросила Острозубка, оттолкнув ногой ползущего к ней мотылька с опалёнными крыльями.

– Наверное, где-то поблизости есть вода, – ответил Красноклык.

Лис, рана которого к ночи успела немного подсохнуть, был пьян. Он поднял мотылька с земли, поднёс к лицу и фыркнул:

– Щекотно! Он мне лапками нос щекочет!

Чихнув, Красноклык закинул насекомое в рот и прожевал.

– Фу! А вдруг он ядовитый? – поморщившись, спросила Ушка.

– Не, не ядовитый, – ответил Красноклык.

Мышка, глядя на мотыльков, вспомнила шуточную песню, которую они пели, когда были маленькими.

И ТОЛЬКО ЗЕЛЁНЫЕ ЖАБЫ

ЛЕТАЮТ ПО СИНЕМУ НЕБУ.

ЗЕЛЁНЫЕ ЖАБЫ, ВЕСЁЛЫЕ ЖАБЫ,

СЧАСТЛИВЫЕ ЖАБЫ ЛЕТАТ!

Песня в детстве казалась им невероятно смешной и абсурдной, ведь они не знали, что её сочинили после того, как ракета, изобретённая крысами, упала в озеро, взорвалась и с неба действительно падали жабы, головастики, рыбы, черви и прочая водная живность.

– Глупая песня, – нахмурилась Ушка.

– Нормальная песня, – не согласился с ней Красноклык, – уж явно лучше тех, что заставляли учить в школе.

– Это точно, – кивнула Ушка.

Лис взглянул на череп, покрытый засохшей кровью, рядом с которым, трогая друг друга усиками, ползали мотыльки.

– Смотри – они тоже ему поклоняются!

Зайчиха, мельком глянув на лохматых насекомых, улыбнулась:

– Они собираются трахаться, Красноклык. Сейчас познакомятся друг с другом и начнут.

– Эх, как у них всё просто, – вздохнул лис.

– Жалеешь, что у нас не так? – насмешливо спросила зай-

чиха.

– Немного.

Острозубка потянулась, зевнула и, закрыв глаза, сказала:

– Тебе нужно было родиться каким-нибудь тараканом или мотыльком – тогда у тебя всё бы было просто. Тебя, конечно, могли съесть, но ведь оно того стоит, правда?

– Слушайте, – совершенно не обидевшись, воскликнул Красноклык, – а мне вот интересно – они что-нибудь понимают?

– Спроси у них сам, – предложила Ушка.

– А вот и спрошу.

Красноклык встал, подошёл к черепу и, глядя на мотыльков, спросил:

– Вы меня понимаете?

Мотыльки не обращали на него никакого внимания и продолжали медленно ползать вокруг Безымянного Козла.

– Эй!

– Уверена, что они тебя слышат, – с иронией сказала зайчиха, – только им на тебя насрать. Да и на нас тоже.

– Жаль, – прошептал лис, погладил череп и сел обратно.

Острозубка снова зевнула и предложила лечь спать.

– Ложитесь, – согласилась зайчиха, – я подежурю первой.

Красноклык и Острозубка легли и вскоре заснули, а Ушка, подкинув хвороста в костёр, долго сидела и смотрела на череп, ожидая появления зелёных огоньков в пустых глазницах, но они так и не загорелись.

Деревня

Лес кончился неожиданно.

Вот совсем неожиданно: ребята шли-шли, а деревья закончились – вот только что они были, а через пару шагов их уже и нет. Ребята вышли на край огромного обрыва, на дне которого клубился туман, из которого торчали чёрные ветки. Надо всем этим кружились стайки мелких насекомых, похожих на комаров.

– Ай! – вскрикнул Красноклык, потирая укушенную щёку.

Место укуса моментально вздулось, а из ранки потекла кровь. Лис поймал одно из насекомых в воздухе, придавил и оторвал крылья. Мелкая тварь сидела у него на ладони и пыталась кусить, хотя её хоботок был сломан.

– Как она жаждет твоей крови, – сказала Ушка.

– Ага, – сказал лис и медленно раздавил насекомое.

Острозубка, подойдя к краю обрыва, взглянула вниз и спросила:

– Мы будем спускаться?

– Другого пути нет, – ответила зайчиха, – мы не знаем, какой длинный и широкий этот обрыв, поэтому пойдём через него.

– Мне кажется, что на дне этого обрыва болото или озеро, – сказал Красноклык, – те мотыльки, что прилетали но-

чью, размножаются в воде.

– Пойдём и узнаем, – сказала Ушка и шагнула вперёд.

Медленно ступая по скользкому склону, они спустились и оказались на краю болота, окутанного плотным туманом. Из воды торчали чёрные изогнутые скелеты деревьев, вокруг которых кружились стайки насекомых. Почувствовав тёплую кровь, насекомые набросились на Ушку, Красноклыка и Остроzubку. Они лезли в рот, в глаза, в уши, пытались забраться под одежду.

– Да они нас сожрут! – воскликнул Красноклык, махая лапами в воздухе.

Ушка, у которой уши покрылись кровью от укусов, накинула на голову капюшон и крикнула лису:

– Доставай водку!

– Зачем?

– Натрём ей лица и руки! Я слышала, что запах алкоголя их отпугивает!

Красноклык скинул рюкзак, достал бутылку, плеснул водки на ладонь и быстро растёр её по лицу и ушам. Насекомые мгновенно потеряли к нему всякий интерес и набросились на Ушку и Остроzubку. Мышка, отмахиваясь от кровососов, подскочила к лису, тот быстро натёр её водкой и передал бутылку зайчихе.

Через минуту всё закончилось. Насекомые, хоть и не улетели, но больше не пытались укусить и лишь надоедали своим писком.

– Не убирай бутылку, – сказала Ушка.

Красноклык понимающе кивнул, спрятал водку в рукав и надел рюкзак.

– Ну, куда теперь? – спросил он.

– Пойдём по краю, – ответила зайчиха, – напрямую идти нельзя: с островка на островок мы не допрыгнем, а между ними наверняка очень глубоко.

– Я бы не стала проверять, – сказала Острозубка.

– Вот именно, – кивнула Ушка, – поэтому пойдём по краю.

Повернув направо, они пошли вдоль болота, преследуемые писком насекомых. Болото везде было одинаковым: те же островки, те же мёртвые деревья, те же ямы с водой. Несколько раз ребята останавливались и перекуривали, выяснив, что табачный дым отгоняет кровососов ещё лучше водки, но, так как не могли дымить всё время, ещё раз натёрлись, опустошив бутылку почти наполовину, что очень расстроило Красноклыка.

– Не парься, – сказала Ушка, когда лис с жалобным лицом прятал бутылку в рукав, – так от неё больше пользы.

– Да понимаю, – ответил Красноклык.

Он отмахнулся от писклявого насекомого, кружившего прямо перед глазами, и неожиданно спросил:

– А помните, как у Чернушки мама умерла?

Чернушка была их одноклассницей, а про то, как умерла их мама, знали не только в школе, ведь в своё время эта история была одной из самых обсуждаемых в городе, затмив да-

же новость об аресте одного из учителей, оказавшегося шпионом, вредителем и развратителем неокрепших умов учеников. В чём конкретно состояло преступление старого бобра, никто так и не понял, но ходили слухи, что он, в беседе с другим учителем, назвал Мудрокрыса старым и неспособным руководить Межречкой.

И вот, как раз в тот самый день, когда Широкозуба забрали прямо с урока, умерла мама Чернушки. А было это так: в их доме необычайно размножились клопы. Большие, жирные, клопы прятались во всех щелях, в мебели, на чердаке, в шкафах, а по ночам не давали спать. Некоторые применяли старый проверенный способ и обмазывались на ночь тухлой мочой, но мама Чернушки была брезгливой и перед сном укутывалась в тряпки с ног до головы, надеясь, что до неё не доберутся.

В тот день она, как обычно, замоталась, а ночью то ли открылась во сне, то ли клопы нашли дырку, но больше женщина не проснулась: мерзкие кровососы выпили её досуха. Самым странным во всей этой истории было то, что клопы после этого исчезли.

– Помню, – сказала Ушка, – потом во всех домах клопов искали.

– А мне интересно – она чувствовала, что клопы её съедают? – спросила мышка, которая в то время как раз дружила с Чернушкой.

– Вряд ли, – ответил Красноклык, – она бы тогда не дала

себя съесть.

– А вдруг это такая извращённая форма самоубийства? – схватив на лету насекомое и раздавив, спросила зайчиха.

– Не, вряд ли, – ответил лис, – для этого нужно сойти с ума, а мама Чернушки была нормальной.

– Многие психи выглядят нормальными, – возразила Ушка, – Нюхошмыг тоже казался обычным вредным старикашкой, а потом убил Сухогрыза. Может, мама Чернушки тоже рехнулась в одно мгновение. Почувствовала, что её кусают, и сошла с ума.

– Хочешь сказать, что сойти с ума может любой? – спросил лис, остановившись и заглянув ей в глаза.

– Думаю, что от безумия нас отделяет какое-нибудь событие, – ответила Ушка, – оно может произойти, а может и не произойти, но, если оно случится, ты сойдёшь с ума. Полагаю, что у каждого оно своё.

– Или когда многие вещи постепенно накапливаются, а потом в голове что-то щёлкает и всё, – предположила Остроzubка, – ты сходишь с ума постепенно, и я даже не знаю, что хуже.

– И не узнаешь, пока не почувствуешь, – с иронией сказал Красноклык. – Кстати, а как вы думаете – сумасшедшие знают, что они сумасшедшие?

– Ты же сам только что сказал, что, пока сам не почувствуешь, не узнаешь, – ехидно сказала зайчиха, – так что – вперёд!

Мышка шмыгнула носом, утёрлась рукавом и ответила:

– Я думаю, что они считают себя нормальными.

– Я тоже так подумал, – кивнув, сказал Красноклык, – но проверять не собираюсь.

Он подмигнул Ушке. Зайчиха в ответ улыбнулась, и они пошли дальше.

Минут через пятнадцать пути, после очередной остановки, во время которой они ещё раз натёрлись водкой, Ушка, которая шла впереди, заметила тропинку, сложенную из тонких брёвен и веток. Тропинка была узкой и уходила вглубь болота, петляя между островками. Зайчиха поставила на ветки сначала одну лапу, потом обе, а, убедившись, что тропинка выдерживает её вес, даже подпрыгнула – дерево промялось, но не сломалось.

– Как вы думаете, куда она ведёт? – спросила Острозубка.

– На болото, – усмехнувшись, ответил Красноклык.

– И как ты только до этого додумался? – удивлённо подняв брови, спросила Ушка.

Лис пожал плечами и, скромно потупив глаза, ответил:

– Я всегда был догадливым.

Ушка протянула лапу к тонкому кривому деревцу, торчащему из воды, вырвала его с корнем и, обломав боковые ветки, протянула Острозубке.

– Тропинка узкая, – сказала зайчиха, – если кто-нибудь из нас свалиться, то остальные его за палку смогут вытащить.

Она вырвала ещё два деревца и, с палками в лапах, они по-

шли вглубь болота. Со всех сторон их окружал густой, плотный туман, поглощающий все звуки, так что даже голоса стали звучать глухо, словно они говорили сквозь плотную ткань. Под ногами изредка скрипели ветки, из болота поднимались пузыри, которые, лопаясь, распространяли вокруг себя невероятное зловоние, похожее на запах гнилого мяса, прелого дерева, тухлой мочи и потных подмышек.

– Воняет-то как, – с отвращением сказал Красноклык, когда прямо перед ними лопнул очередной пузырь.

– Зато этих кровососов больше нет, – заметила зайчиха, – так что радуйся. Уж лучше я понюхаю говна, чем меня будут заживо жрать эти твари.

Действительно – чем дальше они углублялись в болото, тем реже попадались насекомые, а вскоре они вообще исчезли. Кровососы, по всей видимости, жили только у берега.

– И водка будет целее!

– У тебя-то? – спросила Ушка. – Ты ж её выпьешь, как только мы на ночлег остановимся.

Только тут до зайчихи дошло, что она не имеет ни малейшего представления о том, где они будут ночевать. Она не знала, куда ведёт эта тропинка, не знала, насколько большое это болото, не знала, сколько им придётся ещё идти, чтобы вновь выйти на твёрдую землю.

«Да, здесь даже лечь негде, – глядя под ноги, подумала Ушка, – да и костёр развести не получится. Придётся идти до конца».

– Думаешь о том, где нам заночевать? – словно прочитав её мысли, спросил Красноклык.

– Да, – честно призналась Ушка.

– Я тоже как раз об этом думал и ничего не придумал. А ты?

– Будем идти, – уверенно ответила зайчиха, – больше мы ничего не можем.

– Можем вернуться, – предложил лис.

– Куда?

– Нет уж, – неожиданно резко сказала Острозубка, – если уж пошли, то пошли до конца! Куда-нибудь эта тропинка нас выведет.

– Твой настрой вселяет уверенность, – обернувшись к ней, сказал Красноклык, – но я, честно, и не собирался идти обратно, а просто предложил, как вариант.

Внимание мышки привлекла рябь, расходящаяся по воде за спиной у лиса. Она указала на неё лапой и спросила:

– Что это там?

Ушка и Красноклык, присев на корточки, всмотрелись в воду и увидели, как под самой поверхностью, сбившись в плотный шар, плавают жирные чёрные пиявки.

– Они кого-то едят, – предположила зайчиха.

– Жаль, что палка короткая, – сказал лис, – так бы я их разогнал.

Мышка присела рядом с ними и, глядя на пиявок, прошептала:

– Представляете, что будет, если туда упасть?

Красноклык слегка толкнул Острозубку, и та взвизгнула от страха:

– Ай! Ты что?

– Дурак, что ли? – спросила Ушка.

– Да я же пошутил, – начал оправдываться лис.

– В следующий раз сам туда прыгай, – спокойно сказала зайчиха, кивнув на пиявок, – возможно, тебе даже понравится.

– Спасибо, – ответил Красноклык, несколько не обидевшись, – но я лучше останусь с вами.

– Тогда не пугай так больше, – попросила Острозубка.

Лис погладил череп и, понизив голос до леденящего шёпота, признался:

– Это всё Безымянный Козёл, честно.

– Думаю, что ты всё-таки узнаешь, знают ли психи о собственном безумии или нет, – сказала Ушка, закуривая.

Красноклык посмотрел на неё мутными глазами, ничего не ответил и достал сигарету.

Через час пути впереди показались неясные очертания каких-то строений. Подойдя ближе, ребята увидела сделанные из веток круглые хижины, накрытые сухим тростником. Хижины стояли на больших плотках из брёвен, скреплённых между собой кожаными верёвками.

– Плавающая деревня! – восхищённо сказал Красноклык,

разглядывая одинаковые серые хижины.

– Только я что-то никого тут не вижу, – сказала Ушка.

Деревня, однако, не выглядела брошенной или необитаемой: в хижинах лежали циновки, между домов были натянуты тонкие верёвки с выпотрошенными червями, кое-где даже стояли глиняные жаровни с тлеющими углями, а между плотами плавали кучки дерьма. Они шли между хижинами, заглядывали внутрь, но так никого и не встретили.

– Меня это пугает, – тихо сказала Острозубка, словно боялась, что её кто-нибудь услышит, – где все?

Словно в ответ на её слова, впереди раздался крик нескольких десятков голосов.

ПРИДИ И ВНЕМЛИ!

– Они там! – воскликнул Красноклык и быстро пошёл вперёд.

– Стой! – остановила его Ушка. – Куда ты так бежишь? Ты не думал, что тут могут жить не очень добрые звери?

– Думаешь, они тоже захотят нас сожрать?

– Возможно, – ответила зайчиха, – так что давай подойдём, посмотрим, а уже потом решим, что делать дальше.

– Хорошо, – согласился лис.

Стараясь не шуметь, они прошли вперёд и выглянули из-за хижины.

Десять огромных плотов медленно покачивались на воде, а на плотках, воздев вверх лапы, стояли на коленях выдры. То, что это именно они, ребята поняли по хвостам, торчавшим

из-под длинных серых одеяний. На головах выдр были наде-
ты высокие колпаки грязно-зелёного болотного цвета. Выд-
ры ритмично покачивались, повторяя за вожаком, который
находился на отдельном плоту впереди.

ПРИДИ И ВНЕМЛИ!

ПРИДИ И ВНЕМЛИ!

ВЕЛИКИЙ!

ВЕЛИКИЙ!

ВЕЛИКИЙ!

Каждый возглас сопровождался взмахом лап и поклоном.

МОГУЧИЙ!

МОГУЧИЙ!

МОГУЧИЙ!

ВСЕСИЛЬНЫЙ!

ВСЕСИЛЬНЫЙ!

ВСЕСИЛЬНЫЙ!

Вода перед главным плотом забурлила, вспенилась, уда-
рила фонтаном и на плот, чавкая и булькая, вылез огромный
слизень с круглыми глазами на ниточках. Слизень был гряз-
но-серого цвета, с чёрной полосой на спине, его тело сочи-
лось бурой слизью, распространявшей зловоние, а над отвра-
тительной пастью с тысячью мелких зубов раздувались две
толстые розовые трубки.

Выдры почтительно склонили головы, а слизень медленно
втянул на плот жирный хвост и уставился на вожака выдр
круглыми бесчувственными глазами.

– Великий! – воскликнул вожак, воздев лапы вверх. – Ты благословляешь нас, ты милуешь нас, ты хранишь нас! Мы чтим тебя, мы благодарим тебя, мы поклоняемся тебе!

– Что-то мне это не нравится, – прошептала Ушка.

– Интересно, что будет дальше? – спросил Красноклык.

Слизень выслушал приветствие, открыл пасть и громко фыркнул, окатив вожака выдр жёлто-зелёной слизью с ног до головы.

– Фу! – фыркнула Острозубка.

Вожак, однако, так не считал: он воздел лапы вверх и воскликнул:

– Благодарю тебя, великий! Благодарю тебя за твоё благословение! Воистину – милость твоя безгранична, безграничны и щедроты твои!

Слизень недовольно заурчал, вытянул глаза к вожаку выдр и открыл пасть, из которой капала слизь.

– Я понял, великий! Принести подношение!

Три выдры встали и, пройдя между рядами слизнепоклонников, зашли в маленькую, украшенную цветными тряпками хижину, вывели оттуда связанного зверя с закрытым лицом и подвели его к слизи. Чудовище вытянулось вперёд, обнюхало жертву трубками и довольно фыркнуло, обрызгав вожака и первый ряд выдр, которые стали благоговейно размазывать слизь по лицам.

Вожак сорвал с головы жертвы повязку, и ребята узнали сторожа Нюхошмыга. Хорёк бесстрашно смотрел на слизня

и даже улыбался, словно его пригласили на какой-то экзотический праздник.

– Это же...

– Тихо! – перебила Острозубку Ушка.

– Он пришёл из леса! Мы были добры с ним! Он согласился принять Тебя! Он жаждет умереть в Тебе, и обрести жизнь вечную! Мы отдаём его Тебе! Будь к нему справедлив и милостив!

Нюхошмыг, по всей видимости, окончательно сошёл с ума и не понимал всей опасности ситуации: он уставился на нависшего над ним слизня и весело крикнул:

– Милый червячок! А какой жирный! В нём, наверное, пудов тридцать будет! Давайте его сожрём!

– Молчи, нечестивец! – воскликнул вожак выдр.

Слизень взревел и, раскрыв пасть, обрушился на хорька. В одно мгновение он всосал Нюхошмыга в себя и, сокращая и вытягивая огромный живот, проглотил. Хорёк внутри шевелился, что было видно по вытягиванию кожи на пузе слизня, но через несколько секунд затих.

– Мы резали мелких слизней, – сказал Красноклык, – у них в животе шипы есть внутри, которыми они прокалывают тех, кого глотают живьём.

– Мы вместе их резали, – прошептала Ушка.

– Жалко Нюхошмыга, – всхлипнула Острозубка.

– Привет! – раздался сзади детский голос.

Ребята обернулись и увидели маленького выдрёнка в се-

ром балахоне и грязно-зелёном колпачке. Выдрёнок улыбался и ласково смотрел на них чёрными глазками.

– Привет, – ответила зайчиха.

Выдрёнок обнюхал Ушку, Красноклыка и Острозубку.

– Как от вас интересно пахнет, – сказал он, – а что вы тут делаете?

– Мы путешествуем, – заглянув в чёрные глазки, ответила Ушка.

– Как интересно! А я вот никогда нигде не была, кроме нашей деревни! Вы мне расскажете, что видели?

Послышался громкий всплеск: слизень, насытившись жертвой, нырнул обратно в болото.

ВЕЛИКИЙ!

ВЕЛИКИЙ!

ВЕЛИКИЙ ДОВОЛЕН!

– Обязательно, – сказала Ушка, пытаясь придумать, как бы им от неё избавиться.

– Здорово! А что это у тебя?

Она указала на череп и Красноклык, приподняв его, с гордостью ответил:

– Это Безымянный Козёл, всемогущий и всеведущий!

Девочка-выдрёнок с недоверием посмотрела на череп и серьёзным голосом ответила:

– Только Мудрейший Слюрр всемогущий и всеведущий, а твой череп не может ничего. Я не раскрою твою тайну, но и ты больше никому ничего не говори про своего козла, а то

Бесконечный Слюрр расстроится. А ещё у меня скоро будет Его ребёнок!

– Его ребёнок? – с удивлением спросила Ушка.

– У всех взрослых есть Его ребёнок, – улыбнулась девочка, – он щедр и милостив.

– Ничего не понимаю, – сказала Ушка.

Девочка звонко рассмеялась:

– Какие вы глупенькие! Это же так просто: все взрослые носят детей Всемогущего Слюрра! Они делают нас сильнее, мудрее, даруют способность чувствовать Его! Это самый главный дар Всесильного Слюрра, нашего господина и повелителя, подающего бесконечные милости и дарующего жизнь после смерти в Нём!

Девочка, произнося эту восторжённую речь, казалась сумасшедшей: её глаза горели, лапки дрожали, голос прерывался от переполнявших чувств, усы трепетали, а хвост нервно дёргался и бил по поверхности плота.

– Как это – жизнь после смерти в Нём? – спросил Красноклык, положив лапу на череп.

Девочка ничего не ответила, лишь робко поклонилась и убежала.

– Я вам объясню, – раздался сзади ласковый, елейный голос.

Ребята обернулись и увидели вожака выдр в окружении своих соплеменников, которые каким-то непостижимым образом беззвучно подошли, пока они беседовали с девочкой.

Вожак выглядел старым, но крепким и ростом лишь немного уступал Ушке. Он улыбнулся, поклонился, и все выдры повторили за ним. Ушка, Красноклык и Острозубка поклонились в ответ.

– Слышу я, что кто-то здесь ведёт беседу, – сказал вождь, – но ведь все мы на поклонении и приношении. И тут меня и вдохновило мудростью Безначального Слюрра, что это кто-нибудь из детей болтает тут. Мы подошли неслышно и увидели детей! Воистину безграничны Его милости! Воистину!!!

ВОИСТИНУ!

ВОИСТИНУ!

ВОИСТИНУ!

Выдры трижды вскинули лапы вверх и поклонились.

– Как вы нашли нас, потерянные дети Всесильного Слюрра? – спросил вождь.

Ушка взглянула на выдр и, решив, что пока они не представляют опасности, ответила:

– Простите, но мы не его дети.

– Все в свете этом Его дети, – подняв глаза вверх и начертая лапой круг в воздухе, – но не все просветлены светом истины. Вы счастливы должны быть, что оказались здесь!

– Почему? – спросила зайчиха, а Острозубка, словно почувствовав что-то, спряталась за её спиной.

– Вы сможете умереть в Нём и обрести жизнь! Воистину!!!

ВОИСТИНУ!

ВОИСТИНУ!

ВОИСТИНУ!

Выдры запрыгали от возбуждения, раскачивая плот и постепенно окружая хижину, рядом с которой стояли Ушка, Красноклык и Остроzubка и, не успели они опомниться, как были окружены со всех сторон.

– Лишь нам он даровал своих детей, – раскачиваясь, нараспев сказал вожак, – но всем он даровал жизнь после смерти в Нём! О, счастье! О, бездна милости! О, бесконечная любовь! Узрите!

Он осторожно снял свой колпак, и ребята вздрогнули: на лысой макушке выдры сидел жирный слизняк, частично вросший прямо в череп. Слизень был отвратительного бурого цвета с зелёными пятнами на спине, а его глаза и ноздри, по всей видимости, находились внутри головы вожака.

– Мозгоеды, – с отвращением прошептал Красноклык.

– Наши глаза – их глаза! – воскликнул вожак, и все выдры стали повторять за ним.

НАШИ ГЛАЗА – ИХ ГЛАЗА!

– Наше дыхание – их дыхание!

НАШЕ ДЫХАНИЕ – ИХ ДЫХАНИЕ!

– Наша кровь – их кровь!

НАША КРОВЬ – ИХ КРОВЬ!

– Наша жизнь – их жизнь!

НАША ЖИЗНЬ – ИХ ЖИЗНЬ!

– Наша душа – их душа!

НАША ДУША – ИХ ДУША!

– Они – наши, мы – их, а вместе мы – Его!

ОНИ – НАШИ, МЫ – ИХ, А ВМЕСТЕ МЫ – ЕГО!

Ребята оглянулись: на голове у каждой выдры сидел слизень. Они различались по размерам, но все были одинакового бурого цвета с зелёными пятнами, а некоторые даже шевелились, словно вгрызались в головы носителей. Эти паразиты, по всей видимости, были личинками Слюрра и управляли жителями деревни, соединившись с их мозгами.

Выдры, стараясь не касаться мозгоедов, надели грязные колпаки и достали из-под своих длинных одеяний тонкие деревянные колья.

– Пройдёте вы теперь для посвящения и вразумления, – нараспев сказал вожак.

Покалывая колями в спины, их провели в просторную хижину, где заставили вытряхнуть рюкзаки.

– Что это? – спросил вожак, указывая на пачку белкового порошка.

– Еда, – хмуро ответила Ушка.

– Это что?

– Сигареты.

– Это?

– Водка.

Увидев топор и тесак, вожак подпрыгнул на месте и схватился за нос. Его лицо перекосило от возмущения, отвращения и злобы.

– Металл! Металл! Металл! Зло! Зло! Зло!

Он выскочил из хижины и завопил на всю деревню:

– Они принесли с собой металл!

Выдры завыли и попадали на колени, устремив взоры на болото. Они вскидывали вверх лапы и горестно выли, повторяя за вожаком.

ВЕЛИКИЙ!

ОНИ ПРИНЕСЛИ ОСТРЫЙ МЕТАЛЛ!

ОНИ НАРУШИЛИ ЗАПРЕТ!

ПОМИЛУЙ ИХ, ВЕЛИКИЙ!

ПРОСТИ ИХ, ВЕЛИКИЙ!

ДАРУЙ ИМ ЖИЗНЬ ЧЕРЕЗ СМЕРТЬ В ТЕБЕ!

Это продолжалось довольно долго, и за всё время Ушка, Красноклык и Острозубка не сказали друг другу ни слова и лишь с чувством нарастающей тревоги смотрели на выдр, молившихся своему отвратительному божеству.

ВОИСТИНУ!

ВОИСТИНУ!

ВОИСТИНУ!

Вернувшись в хижину, вожак, пристально посмотрев на ребят слезящимися глазами, сказал:

– Металлом убивали детей Всесильного Слюрра! Он посылал их во все концы света, дабы весть благую нести, но жестокие звери резали посланников острым металлом, холодным железом! Лишь мы приняли Его весть и стали избранными! Теперь мы живём здесь и спасаем заблудших зверей,

которые, по воле Его, забредают в нашу деревню. Великий Слюрр поглощает их, и они, умирая в Нём, обретают вечную жизнь! Их души мотыльками вылетают из чистой воды и устремляются ввысь, в бесконечное блаженство!

Теперь всё стало понятно: эти безумцы, чьё сознание затуманили слизи-мозгоеды, являются всего лишь инкубаторами для паразитов. Видимо, на определённом этапе жизни слизням нужен носитель, за счёт которого они питаются и выживают. Но самым удивительным было то, что слизи, которых всегда считали тупыми и безмозглыми пожирателями падали, создали свой собственный культ и заставили выдр поклоняться своей самке. Хотя, выдры и сами могли до этого додуматься, а мозгоеды их просто направляли.

Зайчиха, слушая проповедь вожака, прекрасно осознавала, что их ожидает (достаточно было вспомнить Ньюошмыга), но не испугалась: они так просто не сдадутся, а вот узнать, что происходит с самими выдрами, когда приходит время отпускать подростка слизи в воду, было интересно.

– А что с вами происходит, когда его дети подрастают? – спросила она.

– О, когда дети Всемогущего Слюрра готовы отправиться на проповедь, мы это чувствуем! Наши мысли становятся чистыми, эта временная жизнь перестаёт нас волновать, мы утрачиваем интерес ко всему, а потом мы засыпаем, нас опускают к Безграничному Слюрру и души наши мотыльками улетают в край вечного блаженства!

Красноклык наклонился к зайчихе и тихо прошептал ей на ухо:

– Они сжирают их мозги.

Ушка кивнула и спросила у вожака:

– То есть, вы попадаете туда же, куда и те, кого вы ему скармливаете?

– Ты глупая девочка, – с нежностью ответил тот, – и не понимаешь вещей простых. Не скармливаем, а спасаем через смерть в Нём. Так они спасаются и их души уходят в край вечного блаженства. А мы, Его избранные, просветлённые хранители Его детей, за службу свою попадаем выше, неизмеримо выше, где наши чистые души будут пребывать в блаженстве неопишемом, коего и представить невозможно! Воистину, милости Всевеликого Слюorra безграничны к верным слугам своим!

Он блаженно улыбнулся, из пасти стекла тонкая струйка слюны, а взгляд затуманился.

– Я уже близок...

– Скоро у него мозгов не останется, – глядя на застывшего вожака, сказал Красноклык.

Острозубка осторожно встала, подошла к выдре и поводела лапой перед лицом, на что тот никак не отреагировал и продолжил пускать слюни.

– Эй! – крикнула Ушка.

В хижину вошли две выдры, которые, увидев вожака, радостно заскулили:

– Благодать-то какая! Слава Великому Слюрру!

Они осторожно взяли вожака и вынесли его из хижины, чем вызвали неописуемый восторг остальных выдр, которые снова попадали на колени.

СЛАВА ВЕЛИКОМУ СЛЮРРУ!

СЛАВА МОГУЧЕМУ СЛЮРРУ!

СЛАВА ВСЕСИЛЬНОМУ СЛЮРРУ!

ТВОЙ ВЕРНЫЙ РАБ ГРЯДЁТ К ТЕБЕ!

ВОИСТИНУ!

ВОИСТИНУ!

ВОИСТИНУ!

– Думаю, скоро им придётся выбирать себе нового главаря, – сказала Ушка.

– Наверное, – согласился Красноклык, – хорошо, что наш Безымянный Козёл не такой.

Лис погладил череп, а зайчиха, посмотрев на него, усмехнулась:

– Просто ему не нужно жрать и размножаться.

В хижину зашли три выдры, поклонились и, забрав топор и тесак, вышли.

– Я так надеялась, что они про них забудут, – сказала Ушка.

– Видимо, не у всех ещё мозги отказали, – хмуро фыркнул лис, – они нас ещё и охранять будут.

Но охранять их не собирались: снова вошли выдры, на этот раз пятеро и, угрожая колыями, заставили их завести ла-

пы за спину, после чего связали кожаными верёвками, усадили спинами друг к другу и соединили верёвки между собой. Немного пошутушавшись у входа, выдры сходили за новыми верёвками и связали также ноги.

– А как мы в туалет ходим? – возмутился Красноклык.

– Или поесть? – добавила Острозубка.

Выдры поклонились и, ничего не ответив, вышли, а в хижину вошла девочка.

– А зачем вам есть? – игриво спросила она. – Вас завтра или послезавтра отдадут Всемогущему Слюрру. Всё зависит от того, достиг ли наш вождь Гнусляк просветления. Если завтра он придёт в себя, то вас отдадут, а если не придёт, то завтра будет ритуал прощания и благодарения, а вас оставят на послезавтра.

Мышка мелко задрожала от страха, но Ушка, толкнув её плечом, гневно фыркнула и та успокоилась.

– Можешь помочь нам? – спросила зайчиха у девочки.

Маленькая выдра подошла к ней, потёрлась мокрой мордочкой о нос зайчихи и, улыбнувшись, повернулась к Красноклыку.

– Нет. Пускай этот, – она подмигнула лису, – попросит свой мерзкий череп. Он поймёт, что Всесильный Слюрр выше, что он единственный, кто может даровать бесконечное блаженство и вам будет радостно и приятно умереть в нём, чтобы потом взлететь на небо.

– Я попробую, – пообещал Красноклык.

– Вот и хорошо, – хихикнула девочка, – а теперь я ухажу. Хотела послушать о других землях, но мне не разрешили вас о них спрашивать. Сказали, что это страшный грех пред Вседобрейшим Слюрром. Пока!

Когда девочка вышла, Красноклык, обращаясь к зайчиче, сказал:

– А ведь неплохая девочка.

– Да, – согласилась с ним Ушка, – только мозги промыты почище, чем у самого крысолюбивого патриота Межречки.

Острозубка пошевелилась и слабо простонала:

– Зачем они так туго завязали эти проклятые верёвки? У меня уже лапы затекли!

– Не у тебя одной, – почти грубо сказала Ушка, – так что не жалуйся.

Начинало вечереть. Выдры, наловив червей, выпотрошили их и, усевшись перед хижинами, начали есть. Они одновременно вздымали червей над головами, откусывали по небольшому куску, прожёвывали и повторяли сначала. Съев по три червя, жители деревни вытерли лапы друг о друга и строем пошли на площадь перед болотом.

БЛАГОДАРИМ ВЕЛИКОГО СЛЮРРА!

СЛАВЬСЯ, МОГУЧИЙ СЛЮРР!

БЛАГОСЛОВИ НАС!

УКРЕПИ НАС!

ПРОСВЕТИ НАС!

Это продолжалось минут пять или десять, после чего вы-

дры вернулись, разошлись по хижинам, улеглись и постепенно затихли.

А болото с наступлением темноты ожило: слышались какие-то всплески, бульканье, в воздухе залетали мотыльки, трещали ветви чёрных кустов, а кто-то невидимый чавкал прямо за хужиной, в которой сидели ребята.

– Может, попробуем встать? – предложила Ушка.

Красноклык с Острозубкой согласились, они прижались спинами друг к другу и поднялись, но, так как были разного роста, а связали их между собой в локтях, ноги мышки болтались в воздухе, а зайчихе пришлось согнуться.

– И что дальше? – спросил Красноклык. – Ноги они нам тоже связали. Прыгать отсюда будем?

Они, конечно, могли и прыгать, но далеко бы точно не упрыгали и свалились в болото, разбудив перед этим всех выдр своим топаньем.

– Не знаю, – хмуро ответила зайчиха, осознав всю безнадежность ситуации.

Острозубка всхлипнула:

– Нас точно отдадут этому мерзкому слизню.

Ушка принялась лихорадочно думать, пытаясь найти выход, но так ничего и не придумала. Видимо, им придётся ждать рассвета и попробовать договориться с выдрами, хотя о чём можно договориться с теми, чьими мозгами управляет слизень?

А Красноклык, вспомнив, что ему говорила девочка, ре-

шил обратиться к черепу. Лис закрыл глаза и, представив его прямо перед собой, тихо прошептал:

– О, великий Безымянный Козёл! Помоги нам! Выручи нас!

Одна из выдр кашлянула во сне, и он ещё больше понизил голос:

– Выручи нас, Безымянный Козёл, и я обещаю тебе, что дам тебе свежей крови!

Сверху раздался тихий шелест. Усиливаясь, он превратился в хлопанье крыльев, и прямо перед их хижинкой опустилась птица. От неожиданности ребята сели, и Острозубка простонала от боли, когда кожаные верёвки врезались ей в лапы.

– Привет, – весело сказала птица, – а я ведь за вами следила. Решила подождать, пока эти чудики уснут.

Она указала на спящих выдр крылом и тихо, почти беззвучно рассмеялась.

– Ты не боишься их разбудить? – спросила зайчиха.

– Они с этими слизнями в мозгах спят очень крепко, – ответила птица, – во сне мозгожоры впрыскивают им яд, чтобы подчинить своей воле ещё сильнее. Чем старше выдра, тем сильнее она верит во Всемогущего Слюorra. Хотя, хи-хи, старых среди них нет, да и молодых становится всё меньше и меньше.

– Откуда ты всё это про них знаешь? – спросил Краснокльк.

– Я много летаю, много вижу, много слышу, много знаю, – ответила птица. – Кстати, а что ты пообещал Безымянному Козлу за спасение?

Ушка со страхом посмотрела на неё: птица не могла слышать, как лис разговаривал с черепом, но откуда-то знала про это, как и про то, о чём именно он просил у Безымянного Козла.

Красноклык, напротив, ничему не удивился и ответил:

– Я обещал ему свежую кровь.

Птица расправила крылья и, задрав вверх клюв, издала торжествующий клёкот, после чего обратилась к лису:

– Запомни своё обещание, лисёнок! Крепко запомни!

– Я обещаю, – глядя в чёрные глаза птицы, прошептал Красноклык.

Птица подошла к ним и, ловко орудуя длинным клювом, развязала верёвки. Ушка, Красноклык и Острозубка поднялись и стали разминать затёкшие лапы. Зайчиха, которой для восстановления нормального кровотока одних приседаний было мало, встала на верхние лапы и из кармана её куртки выпала упаковка таблеток.

– Что это? – поинтересовалась птица, подняв когтистой лапой таблетки и поднеся их к лицу.

Она выглядела довольно забавно: стоя на одной лапе, птица другой держала таблетки и, скосив голову набок, пыталась прочитать название препарата.

– Ой, а я про них совсем забыла, – сказала зайчиха, встав

на ноги, – это медсестра в школе дала для Острозубки.

Мышка, вспомнив своё состояние после одной таблетки, поморщилась:

– От них теряешь контроль над собственным телом. Поначалу я просто ничего не понимала, что со мной происходит, а того, что было дальше, просто не помню.

Птицу таблетки явно заинтриговали.

– Зайчонок, а можно я их заберу себе? – спросила птица.

– Да, бери, если надо, – ответила Ушка, нисколько не возмущившись тем, что её называли «зайчонок», – только зачем они тебе?

– Увидишь, – ответила птица, взяла пачку таблеток в клюв и ушла.

Оставшись одни, ребята стали складывать в рюкзаки свои припасы, выложенные для досмотра, а птица, по всей видимости, решила попробовать таблетки, так как со стороны площади послышались глухие удары.

– Наверное, она их расклёвывает, – предположил Красноклык.

– Наверное, – сказала Ушка, – если она их съест, то не сможет отсюда улететь и эти выдры скормят её своему жирному богу.

– Может, предупредить её? – спросила Острозубка.

– Не надо – она птица взрослая и сама знает, что ей делать, – ответила зайчиха, давая понять, что на судьбу спасительницы ей наплевать.

Птица, однако, вовсе не собиралась глотать эти таблетки: раздробив их на мелкие кусочки, она взяла их в клюв, поморщилась от горечи и взлетела. Она кружила над самой поверхностью воды и, увидев огромное тело жирного слизня, высыпала крошки на него сверху. Медленно погружившись под воду, крошки упали на блестящую кожу слизня и растворились в ней. Слюрр вздрогнул всем своим огромным телом и пополз по дну в сторону деревни.

Довольная результатом, птица вернулась обратно, прошла по хижинам и, найдя топор и тесак, принесла их ребятам.

– Вот, – выплюнув оружие из клюва, сказала она, – берите. Скоро все тут проснётся, так что оно вам пригодится.

В этот момент со стороны площади послышался громкий всплеск, а все выдры, как по команде, открыли глаза и выбежали из хижин.

**ВЕЛИКИЙ СЛЮРР В ЯРОСТИ!
МОГУЧИЙ СЛЮРР СТРАДАЕТ!
МЫ ДОЛЖНЫ ПОМОЧЬ ЕМУ!
ЭТО ОНИ!
ЭТО ОНИ!**

Пять выдр, выхватив колья, бросились к ребятам, а остальные побежали на площадь.

– Смотрите! – крикнула птица и, взмахнув крыльями, клюнула в голову первую выдру.

Удар пришёлся прямо по мозгоеду. Раскинув лапы в сто-

роны, выдра упала, с её головы слетел колпак, и ребята увидели извивающегося слизня, пробитого острым клювом. Из раны текла мутная, похожая на семя жидкость, слизень отпал от головы выдры, обнажив съеденный наполовину мозг, попытался отползти в сторону, но Красноклык одним ударом разрубил его напополам топором.

Птица тем временем, нанося быстрые удары клювом, уложила других выдр и Ушка посекала тесаком выползших из их голов слизней, которые, даже разрубленные надвое, продолжали извиваться, источая мутную жидкость.

Зайчиха с отвращением посмотрела на розовые, объединенные мозги, вытёрла испачканный слизью тесак об одежду одной из выдр и спросила птицу:

– Теперь мы можем уходить отсюда?

– Нет, – ответила птица, – сейчас начнётся самое веселье! За мной!

Она взмахнула и улетела на площадь, с которой доносились жалобные крики выдр и странное, глухое рокотание, похожее на далёкие раскаты грома.

– Жди здесь! – сказала Ушка Острозубке и побежала на площадь вслед за Красноклыком.

Их глазам открылось страшное зрелище: выдры кричали и визжали, бегая вокруг беснующегося слизня. Слюрр перекатывался с брюха на спину, давил своих последователей жирным, мягким телом, поливал их слизью и громко шипел. Его дыхательные трубки бешено раздувались, а круглые гла-

за вращались в разные стороны. Божество явно сошло с ума.

Птица, приземлившись прямо в толпу выдр, принялась с яростью клевать их в головы, убивая мозгоедов вместе с их носителями. Размахивая крыльями, она ловко уворачивалась от острых кольев, и расшвыривала выдр в стороны.

– Убейте его! – перекрывая вой выдр, крикнула птица.

Ушка и Красноклык поняли, что она просит убить Слюрра, с которым не могла справиться сама: слизень был огромным, и птица не могла пробить своим клювом его толстую, сочащуюся слизью кожу, которая, к тому же, вполне могла оказаться ядовитой.

И тут Слюрр заметил их и, издав гортанный рёв и извергая из себя потоки слизи, бросился вперёд, поднимая и опуская огромное тело и давя попавшихся на пути выдр.

Ушка с Красноклыком отскочили в стороны, и зайчиха даже успела полоснуть тесаком по блестящему боку слизня, но его кожа была слишком толстой – она лишь немного разошлась, обнажая свой второй слой, и тут же затянулась слизью.

– Так не выйдет! – крикнул Красноклык.

– Отвлеки его!

Слизень развернулся и, оставляя за собой раздавленных и корчащихся выдр, снова бросился вперёд на незнакомцев, которые представляли угрозу для него и его потомства. В его отравленном таблетками сознании не осталось никаких мыслей, кроме одной – убить, сожрать, поглотить!

Слюрр поначалу не мог понять, что с ним происходит: он, как обычно, спал на дне болота, как вдруг ему почудилось, что его дети зовут на помощь. Они никогда до этого с ним не разговаривали, ведь были ещё слишком маленькими, но он сразу почувствовал, что это они. Слизень подполз по дну к деревне, вылез из воды и тихо позвал их. Примчались выдры, и он набросился на них, считая, что эти живые инкубаторы нашли способ освободиться от его детей, а потом прибежали эти и Слюрр догадался, кто во всём виноват.

Таблетки, от которых Острозубка чуть не превратилась в овощ, на слизня подействовали по-другому: они вызвали в нём чувство непреодолимого страха за жизнь своих личинок и вызвали видения и галлюцинации, из-за которых он стал слышать их голоса.

– Как мне его отвлечь? – крикнул лис, с ужасом глядя на приближающуюся тушу.

– Не знаю!

– Убейте его! – проорала птица, расшвыривая выдр, которые продолжали с остервенением бросаться на неё.

Красноклык собрался, расставил ноги в стороны, и, как только Слюрр, раскрыв свою огромную пасть, навис над ним, со всей силы ударил его топором. Слизень взревел и, вздёрнув вверх уродливую голову, стал мотать ей из стороны в сторону, пытаясь избавиться от топора и повисшего на нём Красноклыка. Лис крепко сжимал рукоять и со страхом смотрел на огромную пасть, разверстную прямо перед ним.

Он был забрызган слизью с ног до головы и его лапы уже начали соскальзывать, но в этот момент Ушка, запрыгнув на Слюрра, одним ударом отсекла круглые глаза и тут же скатилась обратно, не в силах удержаться на скользкой спине.

Слюрр взвыл и тряхнул головой с такой силой, что Красноклык отлетел прямо на кучу мёртвых выдр, а Ушка, пользуясь тем, что враг ослеплён, принялась с яростью кромсать жирное тело, оставляя на нём глубокие рубцы. Она прыгала вокруг Слюрра, уворачивалась от страшной пасти и старалась бить по тем местам, где уже был след от удара.

Слизень ревел, булькал, разбрызгивал слизь, но никак не мог достать мучителя, и вскоре Ушка добилась того, чего хотела: кожа на блестящем брюхе лопнула, и из отверстия чрева Слюрра вывалился пучок омерзительных серо-зелёных внутренностей, источавших дикий смрад. Слизняк сразу сник, чем и воспользовался Красноклык, подбежав к нему и выдернув топор из раны.

Оставшиеся выдры, услышав вопль своего божества, бросились к нему, но птица в одно мгновение клюнула их в головы и они попадали.

Слюрр, впрочем, был ещё жив: лоснящийся бок вздрагивал, дыхательные трубки шевелились, а из огромной пасти раздавался тихий свист. Собрав последние силы, он пополз к воде, оставляя за собой размотанные кишки, между которых можно было разглядеть яйца с его детьми, похожие на гигантские икринки.

Доползти ему, однако, не дали: зайчиха подошла к голове чудовища и вонзила тесак между дыхательных трубок. Слюрр хрипло вздохнул и затих, а его жирное тело стало втягиваться само в себя, укоротившись почти в два раза.

– Вот и всё, – сказала птица, подойдя к ней.

Ушка взглянула на Красноклыка и улыбнулась:

– Тебе бы помыться – ты весь в его слизи.

– Я знаю, – ответил лис, подошёл к краю плота и, зачёрпывая воду лапами, ополоснул лицо, уши и отёр куртку.

– Больше размазал, – сказала зайчиха, когда он вернулся.

– Фигня! – махнув лапой, ответил Красноклык. – Высохнет – само отвалится!

Птица положила клюв ему на плечо и тихо спросила:

– Когда ты исполнишь своё обещание?

– А разве мы его не выполнили? – удивился лис, кивнув в сторону мёртвого Слюрра.

– Это входило в план вашего освобождения, и именно поэтому я вам помогла, – ответила птица, – а вот жертвенная кровь – это другое. Совсем другое.

– И что же мне делать?

– Выполнять обещание, – холодно ответила птица.

Она развернулась и пошла в сторону хижин. Ушка и Красноклык, предчувствуя, что сейчас произойдёт что-то неприятное, последовали за ней.

Острозубка сидела в хижине, а рядом с ней, забившись в угол и поглядывая оттуда блестящими, наполненными сле-

зами глазами, сидела девочка-выдра.

– Не плачь, – успокаивала её мышка, – всё будет хорошо.

Девочка-выдра, которая никак не могло поверить в то, что их бессмертное божество мертво (а она сама видела, как Ушка вспорола Слюрру брюхо, после чего тот издох, как самый обыкновенный червяк, которых они ели), и что все, кого она знала, убиты страшной птицей, дрожала всем своим маленьким тельцем и всхлипывала.

Птица подошла к хижине и, пристально глядя на девочку, поприветствовала её:

– Доброй ночи, моя маленькая! Как ты себя чувствуешь, как настроение?

Девочка вздрогнула от испуга и спросила:

– Вы меня тоже убьёте, как всех?

Птица, отступив на полшага, чтобы в хижину смогли войти Ушка и Красноклык, усмехнулась:

– Я? Нет, что ты! Я тебя даже кончиком когтя не трону!

Она повернулась к лису и холодно, почти не открывая клюв, прошептала:

– Ты обещал.

Взмахнув крыльями, она взлетела, а Красноклык, поняв, что от него хочет птица за их спасение, вздохнул и закрыл глаза. По мохнатым рыжим щекам потекли слёзы.

– Что он должен сделать? – спросила Острозубка.

– Он должен сделать страшное, – ответила Ушка, чувствуя, как холодеет сердце.

Девочка-выдра, словно предчувствуя свою судьбу, громко заплакала.

УА-ХА-ХА-ХА-ХА-ХА-ХА!

Ушка посмотрела на череп, прикрепленный к поясу лиса, и увидела, как в пустых глазницах загораются зелёные огоньки. Ей захотелось встать, сорвать череп с пояса лиса, выкинуть в болото и никогда больше о нём не вспоминать, но она так и не смогла заставить себя это сделать, как не могла заставить себя рассказать о том, что Безымянный Козёл являлся ей во сне и наяву.

А не смогла зайчиха это сделать потому, что, как только она протянула лапу к черепу, в её голове прозвучал знакомый страшный голос:

– Даже не смей об этом думать!

– Что? – подумала зайчиха.

– Не смей, сучка ушастая! Я спас вас! Вы обязаны меня отблагодарить, тем более он обещал меня отблагодарить! Нужно отвечать за свои слова!

– Но он не обещал тебе убивать её! – мысленно возразила зайчиха.

– Он обещал мне кровь, а чья это кровь – решаю я!

Острозубка, заметив, как остекленел взгляд Ушки, с тревогой спросила:

– Ушка, что с тобой?

Вздвогнув, зайчиха пришла в себя и, смущаясь, ответила:

– Ничего, просто мысли дурные в голову лезут.

Она закурила и краем глаза взглянула на череп: огонёк в его глазницах не горел.

«Наверное, я схожу с ума, – подумала Ушка, – я схожу с ума».

– Ты не сходишь с ума, – сказал Безымянный Козёл в её голове.

Где-то с полчаса они сидели, не говоря друг другу ни слова и слушая всхлипывания девочки-выдры. Наконец, Красноклык, тяжело вздохнув, отвязал череп и повесил его на стену хижины. Он развёл огонь в глиняной жаровне, достал из рюкзака бутылку водки, выпил залпом почти половину содержимого и, повернувшись к Ушке и Острозубке, сказал:

– Выйдите.

– Зачем? – встревожено спросила мышка.

Зайчиха крепко схватила её за запястье и, не глядя в глаза, потащила из хижины. Острозубка попробовала упереться ногами, но Ушка была намного сильнее и с лёгкостью вытащила её наружу и отвела на другой конец деревни.

– Что он хочет с ней сделать? – спросила мышка, пытаясь заглянуть зайчихе в глаза.

– Узнаешь ещё, – отворачиваясь в сторону, ответила Ушка.

То, что лис должен был сделать с девочкой, было неправильно, жестоко и бессердечно, но он не мог поступить по-другому, и зайчиха каким-то внутренним чутьём понима-

ла, что Красноклык обязан принести её кровь Безымянному Козлу, иначе он найдёт способ отомстить. А в том, что месть черепа будет страшной и неминуемой, Ушка не сомневалась: она слышала его голос у себя в голове, она видела его во сне, она видела, как загораются зелёные огни в пустых глазницах. Безымянный Козёл был реален, и им придётся ему подчиняться.

– Что он хочет с ней сделать? – повторила вопрос Острозубка.

Из хижины донёсся вопль девочки-выдры. Она кричала без слов, задыхалась и переходила на визг. Мышка дёрнулась, пытаясь вырваться, но Ушка лишь крепче сжала её запястье.

– Отпусти!

Острозубка вцепилась свободной лапой в куртку Ушки, трясла её, стучала по груди, но та не реагировала.

Девочка снова закричала, послышался громкий топот, и она выскочила из-за хижины. Полностью голая, девочка бежала к ним с расширенными от ужаса глазами, а за ней, держа в правой лапе занесённый тесак зайчихи, мчался Красноклык.

Острозубка вскрикнула и, попытавшись ещё один раз вырваться из цепкой хватки Ушки, инстинктивно вцепилась в её лапу острыми зубами. Зайчиха фыркнула от боли и разжала лапу, а мышка бросилась к девочке, но, не успела она подбежать к несчастной, как её настиг Красноклык. Остро-

зубке в лицо ударила струя тёплой крови, а голова девочки отлетела в сторону. Мышка упала на колени перед трепыхающимся трупом, а Красноклык, подставив ладони, набрал в них тёплой крови и медленно пошёл в хижину с Безымянным Козлом.

– Я хотела, чтобы она пошла с нами, – плакала Острозубка, сидя в луже крови.

Ушка подошла к ней сзади и положила лапу на плечо. Мышка дёрнулась, вскочила на ноги и, уставившись на зайчиху ненавидящим взглядом, проорала:

– Вы чудовища!

Ушка хотела что-то возразить – мол, ты и сама убила крыса на свалке, но поняла, что убийство крыса и принесение в жертву девочки нельзя сравнивать, а про Безымянного Козла рассказывать было рано, да и Острозубка вряд ли бы в это поверила.

Зайчиха молчала, опустив глаза, а мышка, пятясь спиной от неё, продолжала кричать:

– Вы чудовища! Вы чудовища! Вы чудовища!

Она отступила на тропинку, по которой они пришли, развернулась и, крикнув: «Ненавижу!», убежала на болото. Ушка бросилась за ней, но она была не такая манёвренная, как юркая мышка, поэтому так её и не нагнала и, минут через десять бега, тяжело дыша, остановилась.

Присев на корточки, чтобы отдышаться, зайчиха увидела что-то тёмное в воде у самой тропинки. Она пригляделась

получше и увидела Острозубку, облепленную жирными пиявками. Мышка, по всей видимости, оступилась и упала в воду, а так как вся её одежда была перепачкана кровью, то пиявки моментально в неё вцепились.

Зайчиха вытащила потерявшую сознание Острозубку из воды, стряхнула с неё жирных, насосавшихся крови пиявок, потрогала шею и, убедившись, что мышка жива, взяла её в лапы и пошла в сторону деревни.

Красноклык сидел возле тела девочки-выдры. Его хвост лежал в луже крови, а над головой лис держал отрубленную голову и, задрав лицо вверх, с наслаждением глотал крупные капли. Он облизывался, фыркал и был настолько увлечён, что не сразу заметил Ушку.

– Кайфуешь? – спросила зайчиха.

Лис опустил голову и повернул к ней запачканное кровью лицо с красными глазами.

– Что с ней? – медленно, словно ему было тяжело говорить, спросил Красноклык.

– Пиявки, – ответила зайчиха.

– А, пиявки, – понимающе кивнув, сказал лис, – эти кровососы очень быстрые и жадные.

Он положил голову девочки рядом с телом и, поднявшись, подошёл к зайчихе и мазнул её окровавленным пальцем по губам.

– Попробуй, Ушка, – прошептал он, – тебе понравится.

Зайчиха облизала губы и почувствовала солоноватый вкус

чужой крови, пьянящий и волнующий, отталкивающий и притягательный одновременно. Ушка слизала остатки и, глядя в красные глаза Красноклыка, прошептала:

– Ещё.

Лис не заставил просить себя дважды: улыбнувшись, он наклонился, зачерпнул ладонью кровь из лужи и поднёс её к губам зайчихи. Ушка с жадностью слизала с его ладони маслянистую, уже успевшую остыть кровь, а лис, когда она закончила, вытер остатки об её лицо.

Сердце зайчихи бешено застучало, голова закружилась, ей захотелось ещё и ещё и, отнеся Острозубку в хижину, она вернулась, опустилась на колени и принялась пить кровь из лужи. Она вылизывала окровавленные ветки, фыркала и рычала, а лис стоял над ней и, воздев лапы вверх, шептал:

– Ты спас нас! Мы выполнили обещание! Направь нас! Научи нас!

Опустившись на колени рядом с зайчихой, лис осторожно коснулся её плеча. Ушка зарычала, повернула к нему лицо, с которого капали капли крови, но Красноклык, глядя на неё безо всякого страха, спросил:

– Он тоже говорил с тобой?

В голове Ушки словно что-то взорвалось: значит, она не безумна и Безымянный Козёл разговаривал не только с ней! Он реален!

– Да, – хрипло ответила зайчиха.

– Он хотел, чтобы мы нашли его, – вкрадчиво сказал лис.

Зайчиха не ответила и снова принялась слизывать кровь, но её было уже мало, поэтому она, схватив тело девочки-выдры, стала высасывать остатки крови из её рассечённой шеи, но вскоре увлеклась настолько, что сама не заметила, как впилась зубами в плоть, отрывая огромные куски мяса. Она глотала их, почти не прожёвывая, и никак не могла насытиться.

– Тебе нравится? – спросил Красноклык.

Ушка бросила на него испепеляющий взгляд и, урча от наслаждения, продолжила терзать останки девочки-выдры. Лишь когда от шеи остался один позвоночник, зайчиха отбросила тело и, облизав окровавленный рот, легла на спину и закрыла глаза.

– Только не спи, – услышала она голос Безымянного Козла.

– А что я ещё должна сделать? – мысленно спросила зайчиха.

– То, чего ты давно хотела.

– То, чего я давно хотела...

Ушка открыла глаза, села и взглянула на Красноклыка. Лис кивнул, словно тоже только что разговаривал с Безымянным Козлом. Ушка схватила его за шею, притянула к себе и жадно впилась в окровавленные губы, прикусив их. Красноклык застонал от боли и наслаждения, прокусил в ответ губу зайчихи и их кровь смешалась.

УА-ХА-ХА-ХА-ХА-ХА-ХА!

Высоко-высоко над деревней кружила страшная птица с чёрными, бездонными глазами. Птица громко смеялась, но Ушка с Красноклыком были заняты друг другом и не слышали её зловещего, торжествующего смеха.

Они лежали в луже размазанной крови, голые, с шерстью, покрытой бурыми сгустками. Красноклык с трудом раскрыл слипшиеся глаза, содрал с лица запёкшуюся кровь, сел и, глянув на взерошенную зайчиху, спросил:

– Может, водки выпьем?

Ушка после произошедшего между ними не испытывала ни смущения, ни стыда, ни омерзения. Она зевнула и, потянувшись, ответила:

– Можно. А ещё я жрать хочу.

Красноклык повернулся к телу девочки-выдры и, оскалившись, спросил:

– Ты думаешь про то же, что и я?

– Да.

Лис встал и, нисколько не стесняясь того, что его мужские органы болтались чуть ли не перед самым лицом Ушки, подобрал тесак и принялся рубить тело выдры на части.

– Я за водкой, – зайчиха встала и, пошатываясь, пошла в хижину.

Острозубка, по всей видимости, потеряла очень много крови и до сих пор не пришла в сознание. Ушка пощупала её пульс и, убедившись, что та жива, взяла из рюкзака бутылку

водки и вернулась к лису.

– Как там мышка? – спросил Красноклык.

За то короткое время, что Ушка ходила за водкой, он успел избавиться тело девочки от конечностей и теперь, сняв с неё балахон, вспарывал тощий живот, явно намереваясь выпотрошить.

– В отрубоне, – чуть ли не с презрением ответила зайчиха, почувствовав к мышке глубокую неприязнь, граничащую с отвращением, – эти пиявки здорово у неё крови выпили.

Красноклык, несколько не удивлённый той интонацией, с которой Ушка говорила о мышке, ничего не ответил и, вскрыв живот выдры, начал вырезать печень.

– Ты водку-то будешь?

– А, да, – ответил лис, – я просто увлёкся намного.

Он вытер липкие от крови лапы о балахон девочки, взял протянутую бутылку и, глотнув, поставил рядом с собой, после чего отрезал небольшой кусок тёмной печени и закусил, закрыв глаза от наслаждения.

– Чуть-чуть горькая, – проглотив, сказал лис, – но такая мягкая!

Ушка присела рядом, выпила водки и тоже попробовала сырой печени. Она действительно оказалась слегка горькой, но настолько мягкой, что, кажется, её можно было разжевать одними дёснами. Зайчиха проглотила пахнущую желчью кашицу, взяла свою куртку, достала сигареты и закурила.

– Никогда бы не подумала, что нас ждёт такая жизнь, –

сказала она, выдыхая дым.

– А что ты себе представляла, когда мы уходили из дома?

Зайчиха сплюнула горьковатую, кровавую слюну и, усмехнувшись, ответила:

– Всё, что угодно, но только не это.

– И как?

– Да по кайфу всё.

Красноклык встал, приволок глиняную жаровню, наломал веток от ближайшей хижины и развёл огонь.

– Надо пожарить мясо, – сказал он, хотя зайчиха всё и так прекрасно поняла. – Остроzubку как-нибудь можно покормить?

– Хрен его знает, – с прежним презрением ответила Ушка, – я даже не знаю, придёт ли она в себя.

– Такое чувство, что тебе на неё насрать, – сказал лис, обстригивая ветку, чтобы сделать вертел.

Ушка, не задумываясь, ответила:

– Наверное, так и есть. Знаешь, меня уже задрало помогать ей, заботиться о ней! Задрали её вечные слёзы, скулёж, неумение постоять за себя. Она привыкла, что я постоянно за неё впрягаюсь. Да если бы не я, её пиявки ещё бы вчера сожрали! Какого хрена она вообще побежала? Да ещё, дура мелкая, нас чудовищами назвала! А как тут не быть чудовищами? Тут или ты, или тебя! Только чудовища могут выжить и мне по кайфу, что пока что мы оказались большими чудовищами, чем те, кто нам встретился, а то нас бы уже сожра-

ли!

– Она тебе в детстве помогла, – вкрадчиво заметил Красноклык.

– И что? Я теперь до конца жизни должна о ней заботиться? Мы, конечно, пообещали друг другу, что будем дружить, но мне эта дружба уже начала надоедать. Да и обещания эти на самом деле ничего не стоят – так, глупые слова глупых детей.

Красноклык одобрительно хмыкнул, проткнул печень заострённым концом ветки и поместил её над огнём жаровни. С печени в пламя капала кровь, от жаровни пошёл густой, жирный дым с отвратительным запахом, но Ушке и Красноклыку это даже понравилось и они, подойдя к жаровне, начали вдыхать этот дым. У них слезились глаза, но запах был настолько притягательно-тошнотворным, что оторваться они смогли лишь тогда, когда начали кашлять и задыхаться.

– У меня даже голова закружилась, – вытирая слёзы, сказала Ушка.

Красноклык, оскалившись (а его улыбка теперь всегда была похожа на оскал хищника), взял бутылку, но зайчиха, забрав её у него, поставила лиса перед собой на колени, набрала водки в рот и тонкой струйкой сплюнула её ему в пасть.

– Вкусно, – облизываясь, прошептал лис, схватил Ушку за бёдра и уткнулся носом в промежность.

– Не сейчас, – оттолкнув его коленом, сказала зайчиха, –

я всё ещё жрать хочу.

Глотнув водки, Ушка взяла вертел с полусырой печеню и, понюхав копчёную плоть, стала рвать её зубами. Она глотала горьковатую, пропитанную дымом плоть, почти не разжёвывая, из её рта стекал полупрозрачный розовый сок, капал на грудь и блестел в серо-голубом мехе.

– Дай мне тоже, – попросил лис, стоя перед ней на коленях.

Ушка зарычала, отвернулась и быстро, словно у неё хотели отнять добычу, доела печень девочки-выдры и выкинула вертел. Вытерев губы, она повернулась к лису, и тот пораился произошедшей перемене: глаза Ушки горели злобой, грудь быстро вздымалась, изо рта стекала пена, а кончики пальцев дрожали.

Красноклык попятился назад, но зайчиха схватила его, повалила на спину и уселась сверху.

– А вот теперь можно, – прохрипела она и вгрызлась в губы лиса.

Закатив глаза, Ушка сидела на лисе, размашисто двигая бёдрами. Она стонала, выла и царапала себе грудь когтями, оставляя на меху длинные багровые полосы, сочащиеся кровью. В момент наивысшего наслаждения зайчиха открыла глаза, наклонилась и сжала горло Красноклыка сильными пальцами. Лис захрипел, попытался расцепить стальную хватку, но Ушка, глядя прямо ему в глаза, стала медленно

душить, не обращая внимания на его попытки освободиться.

Она медленно, с наслаждением выдавливала из него жизнь, словно уже когда-то делала это и теперь стремилась вновь испытать знакомые ощущения. Красноклык хрипел, в глазах у него начало темнеть, он уже не видел ничего, кроме полного холодной ненависти взгляда зайчихи, в котором ясно читалось одно желание – убить.

И она бы его непременно убила, но в последний момент послышалось хлопанье крыльев, и рядом с ними приземлилась чёрная птица.

– Ты ведь его задушишь! – громко прокаркала птица.

Ушка разжала пальцы и взглянула на хрипящего под ней лиса. Красноклык откашлялся, обрызгав зайчиху и та, перекинув лапу, слезла с него.

– Некоторые любят, когда их во время этого дела слегка душат, – насмешливо сказала птица, – говорят, что ощущения острее.

Красноклык, кашляя и задыхаясь, встал на корточки, а зайчиха, не обращая на него внимания, глотнула водки и, насмешливо глядя на птицу, спросила:

– А тебе почём знать? Вы, пернатые, вроде по-другому трахаетесь.

Склонив голову набок (это, по всей видимости, была её любимая поза), птица весело ответила:

– Я же говорила, что я много чего знаю.

– До хрена ты знаешь, – сказала Ушка и закурила.

– Ну, уж точно больше, чем вы, – прокаркала птица. – Кстати, а ведь ты могла его убить.

Ушка, поджав нижнюю губу, кивнула:

– Да, я могла его убить.

– И ты так спокойно об этом говоришь? – прохрипел Красноклык, который уже пришёл в себя и смог нормально дышать, хотя горло всё ещё побаливало.

– Да, – спокойно ответила зайчиха.

– Ты что? – с ужасом спросил лис.

– В тот момент мне этого очень хотелось, – ответила Ушка, выпустив ему в лицо струйку дыма, – но ведь я тебя не придушила.

– Только из-за неё! – срываясь, крикнул Красноклык, кивая на птицу.

– Скажи ей спасибо. Ладно, я не знаю, что на меня нашло, но я буду с тобой честна.

Лис насторожился.

– Что ты имеешь в виду? – спросил он.

– А то, что мне насрать, – ответила зайчиха, сгребла свои вещи и стала одеваться.

Её штаны, куртка, рубашка были пропитаны кровью и вняли, но Ушка и в самом деле была честна – ей было насрать. Она надела влажную, липкую одежду, всунула ноги в сырые ботинки и, допив водку, пошла в хижину к Острозубке.

Красноклык тоже взял свои вещи, но надел только шта-

ны, а рубашку и куртку, подвесив на выломанную из хижины ветку, подвесил над жаровней для просушки. Птица с интересом следила за его действиями, а когда лис, чтобы не держать ветку лапами, сходил ещё за двумя и, вставив их в щели плота, соорудил некое подобие вешалки и подвесил вещи над тлеющими углями, не сдержалась и спросила:

– Ты думаешь, они у тебя просохнут?

– Надеюсь, – буркнул лис.

Птица, медленно ступая длинными лапами с острыми когтями, подошла к нему и, наклоняясь, лукаво спросила:

– Понравилось?

– Что? – делая вид, что не понимает вопроса, спросил Красноклык.

– Она, – подмигнув, ответила птица, – она такая сильная, такая страстная. Я видела, как она царапала себе грудь до крови перед тем, как захотела тебя придушить.

– Это было и здорово, и страшно одновременно, – честно признался лис, – меня словно охватывало безумие, да и Ушку, я думаю, тоже. Но мне понравилось.

Он взглянул птице в глаза и добавил:

– Знаешь, мне ведь даже в кайф было, когда она меня душила. Я только сейчас это понял.

Впрочем, каким бы честным не казался его ответ ему самому, в тот самый момент, когда зайчиха разжала свои стальные пальцы, Красноклыку захотелось жить, а пьянящее, возбуждающее безумие, которое доставляло столько измен-

ного, запретного и притягательного удовольствия, оставило его.

– Зачем же тогда ты сопротивлялся?

– Не знаю.

Птица отошла и, клюнув в глаз голову девочки-выдры, вырвала его и проглотила.

– Глаза всегда были самым вкусным, – щёлкнула клювом птица. – Ты боялся смерти, лисёнок. Этот страх есть почти у всех, кроме самых сильных духом. Эту силу даст тебе Безмянный Козёл. Он уже дал тебе бесстрашие убивать, а может даровать и бесстрашие перед смертью.

Красноклык, действительно, чувствовал, что за последнее время стал абсолютно равнодушно относиться к чужим страданиям и смерти, а убивать ему так и вовсе доставляло удовольствие. Взять хотя бы эту девчонку: поначалу даже сама мысль убить её, чтобы принести жертвенную кровь Безмянному Козлу, вызывала в нём робость и неловкость, но зато с каким наслаждением он отсёк ей голову,пил её кровь, а потом трахался с Ушкой, ползая в этой крови!

А какой приятной на вкус была её сырая печень! Лис даже сглотнул слюну, вспоминая горьковатый вкус.

Вместе с воспоминаниями к нему стало возвращаться безумие.

– И что я должен сделать? – спросил Красноклык.

Птица спрятала голову под крыло, издала несколько нечленораздельных звуков, словно с кем-то переговарива-

лась и, высунув наружу лишь самый кончик клюва, ответила:

– Убить.

– Кого? – спросил лис, не понимая, кого ещё он должен убить, чтобы заслужить милость своего божества.

– Её, – тихо, чтобы никто не услышал, ответила птица.

– Но... как...

Красноклык, ошеломлённый требованием, сел и опустил лицо вниз, а птица подошла к нему и, накрыв его своими огромными крыльями, проскрипела:

– Или она убьёт тебя, лисёнок, а ведь она уже хотела это сделать.

– Да, она хотела, – согласился лис.

– Вы оба можете стать его избранниками, – продолжила птица, – но не оба сразу. Ты понял?

– Да, – ответил Красноклык, – это может быть один из нас, но для этого он должен убить другого.

– Молодец, – хихикнула птица, – ты догадливый, ты мне нравишься. Кстати, ей я ничего не говорила, ведь мне так хочется, чтобы его избранником стал ты.

Красноклык почувствовал, как в нём просыпается гордость за самого себя, за то, что его избрали, за то, что с ним делятся страшными секретами. Он уже забыл, где и при каких обстоятельствах нашёл череп, они словно всегда были вместе и всегда он ему поклонялся.

В глазах лиса загорелись зловещие огоньки. Он подобрал тесак, неосторожно забытый Ушкой и, оскалившись, спро-

сил:

– Когда я должен это сделать?

– Когда хочешь, – проворковала птица, – но только учти: зайка сильная, зайка ловкая, зайка догадливая и она не даст тебе убить себя. Тебе придётся постараться, лисёнок. Будь осторожен и терпелив.

– Я буду, – сказал Красноклык, сжимая тесак.

Он решил не торопиться и выждать подходящий момент, тем более, что зайчиха ничего не подозревает об их разговоре.

Он, Красноклык, станет избранником Безымянного Козла!

Птица ласково провела кончиком клюва по его щеке, схватила голову девочки-выдры и, оттолкнувшись от покачнувшейся поверхности плота, улетела.

УА-ХА-ХА-ХА-ХА-ХА-ХА!

Дикий, торжествующий смех пронёсся над деревней, разбудив Острозубку. Он долго звучал над болотом, постепенно удаляясь, пока не стих окончательно.

Красноклык, сняв подсохшую и прокопчённую одежду, разрубил на куски ногу девочки-выдры и бросил их на тлеющие угли...

...Снаружи куски мяса обуглились, а внутри остались сырыми, но лису это даже понравилось: горькая, хрустящая корочка и пропитанная кровью плоть. Он ел кусок за куском и, как и Ушка, никак не мог насытиться. Лис тоже глотал

куски, почти не прожёвывая, как будто у него их собирались отнять. Он озирался по сторонам, жадно разрывая мясо когтями и клыками, давился и отплёвывался, но никто так и не появился.

Закончив, Красноклык оделся, взял тесак и направился в хижину.

Острозубка, услышав шаги, открыла глаза и слабым голосом прошептала:

– Это ты, Красноклык. А где Ушка?

Лис оглядел хижину: Безымянный Козёл висел на стене, рюкзаки аккуратно стояли у входа, а на полу валялась недопитая бутылка водки. Лис поднял бутылку, отпил и только тут заметил, что нет топора.

– Она взяла топор? – спросил он.

Мышка устало посмотрела на него, попыталась приподняться, но не смогла.

– Я не знаю, – с трудом ответила она, – я ничего не знаю. Я слышала, что кто-то ходит, но не могла понять, сон это или нет...

Она закрыла глаза и прошептала:

– А потом я услышала смех той страшной птицы и проснулась.

Красноклык оскалился, посмотрел на Острозубку, подошёл к Безымянному Козлу и прикоснулся лбом к гладкому черепу, покрытому бурыми разводами запёкшейся крови.

– Я стану твоим избранником, – шептал лис, – я, а не она.

– Знаешь, а он со мной разговаривал, – услышал он слабый голос Острозубки.

Лис обернулся и увидел, что мышка смотрит на него. Он сел рядом и, отложив тесак, спросил:

– Кто?

– Он, – ответила Острозубка, указав глазами на Безымянного Козла, – во сне. Я сначала не могла понять, кто это, но потом увидела его. Он говорил страшные вещи.

Действительно, а что ещё мог Безымянный Козёл сказать маленькой, глупой и трусливой мышке? Она не его избранница и никогда даже не приблизится к тому, чтобы ей стать. Только он, Красноклык, только он может слышать от него великие наставления, укрепляющие дух и направляющие по пути величия.

Если бы кто-нибудь спросил сейчас лиса о том, в чём состоит этот путь величия, он бы не смог объяснить и, скорее всего, просто набросился бы на вопрошающего.

– Какие? – оскалившись, спросил Красноклык.

– Что больше никогда не будет света, никогда не будет радости, никогда не будет любви и дружбы, – устало ответила Острозубка. – Только мрак, бесконечный мрак. Мне было так холодно и страшно.

Конечно, ей было холодно и страшно и у неё никогда не будет света, радости, любви и дружбы, но боязнь потерять это испытывают лишь те, кто этим дорожит, а ему, Красно-

клькы, будет хорошо и в бесконечном мраке.

– Мрак страшен только для тех, кто недостоин его, – мрачно сказал лис и пошёл искать зайчиху.

Острозубка проводила его испуганным взглядом, перевела взор на Безымянного Козла и попыталась встать.

Выйдя из хижины, Красноклык услышал тихие всплески. Они доносились со стороны площади, где они расправились со Слюрром. Лис крепко сжал тесак в руке и, мысленно попросив помощи у Безымянного Козла, направился к месту битвы с болотными выдрами.

Ушку он увидел сразу: зайчиха увлечённо рубила тела выдр на части и скидывала их в воду, где вокруг останков уже кружились целые стаи чёрных пиявок. Мерзкие твари присасывались к телам и конечностям выдр, вгрызались в плоть и, извиваясь, проникали во внутренности. Глубина болота вокруг деревни не доходила и до полутора метров, на дне росли мелкие, серо-зелёные водоросли, поэтому то, что происходит с трупами, было хорошо видно с плотов.

Зайчиха, запыхавшаяся, вытирала со лба пот и не сразу заметила Красноклыка, который, вместо того чтобы напасть, подошёл к ней и зачем-то спросил:

– Что делаешь?

Ушка выпрямилась, и Красноклык увидел устремлённый на него взгляд чёрных, бездонных глаз, из которых, подобно слёзам, стекали тонкие струйки ярко-алой крови. У са-

мого подбородка струйки собирались в две огромные капли, дрожавшие при каждом движении зайчихи. Они дрожали, но не падали и не стекали дальше, и выглядело это необычно и страшно.

Низким, грудным голосом, Ушка прорычала:

– Кормлю их. От детей Слурра не должно остаться ничего, кроме обглоданных дочиста костей.

Лис, которого при виде того, насколько изменилась Ушка, оставила прежняя уверенность, попятился. Он понял, что с зайчихой что-то произошло, хотя птица с ней не разговаривала.

Тогда, может, с ней разговаривал сам Безымянный Козёл? Может, он сам её избрал? Но ведь птица сказала ему...

Стоп! А не могла ли эта птица его обмануть?

А зачем тогда она им помогала?

– Ты что, боишься меня, лисёнок? – утробным голосом спросила Ушка, заметив его смущение.

Красноклык отступил ещё, крепко сжав тесак, и стараясь не выдавать волнения, ответил:

– Нет, с чего ты взяла?

Она ещё никогда не называла его лисёнком, даже в детстве зайчиха обращалась к нему по имени. Лисёнком его называли родители, кто-то, кого он уже и не помнил и птица.

– Твой голос дрожит, а сердечко бьётся, как у испуганной мыши. Неужели я и в самом деле настолько страшная?

Красноклык не знал и не понимал, что могло произойти с

зайчихой за то время, что он разговаривал с птицей и жарил мясо, и он решил спросить об этом напрямую:

– Что с тобой случилось?

Ушка улыбнулась, показав длинные передние резцы и клыки, которых он раньше никогда у неё не замечал. Да и нет у зайцев таких клыков! Их попросту не бывает!

А чем тогда она прокусила ему губу?

– Он говорил со мной, – наклонив голову, подобно птице, ответила зайчиха. – Ну же, лисёнок, не бойся, подойди! Я ведь знаю, что ты пришёл убить меня, так что же ты не пристаёшь?

Лис переступил с ноги на ногу, перехватил тесак, а Ушка, отбросив топор в сторону, развела лапы в сторону, согнула ноги в коленях и прорычала:

– Давай, лисёнок, трахни меня этим ножиком, как ты трахал меня до этого. Если, конечно, сможешь!

Красноклык взглянул в чёрные, сочащиеся кровью глаза, и испугался: в них не было ничего, кроме бесконечного мрака, холодного и пустого. Только что он говорил Острозубке, что мрак страшит лишь тех, кто его недостоин, а теперь сам боялся того, что увидел в глазах зайчихи. На него словно повеяло холодом.

– Не подходи, а то я тебя убью! – хотел сказать лис, но язык словно окоченел, и он не смог сказать ни слова, а Ушка, прыгнув вперёд, со всей силы ударила его по запястью, выбив тесак из лапы.

Лис почувствовал, как кожа на лапе взорвалась изнутри. Он поднёс лапу к лицу и увидел острый осколок сломанной кости, торчащий из рыжего меха и безжизненно болтающаяся кисть, залитую кровью.

– Маленький лисёнок, тебе, наверное, больно? – спросила Ушка.

Прижимая к груди сломанную лапу, лис отступал в сторону хижин, а зайчиха медленно шла на него, словно наслаждаясь его страхом, а Красноклыку действительно было страшно, как никогда в жизни.

Он никакой не избранник, птица попросту посмеялась над ним, а Ушка, верная подруга, всегда заступавшаяся за них в школе, выручавшая в драках, сейчас убьёт его и делает это с наслаждением.

– Стойте!

Из-за хижин, неся над головой череп, вышла Острозубка. Она качалась от слабости, каждый шаг доставался с трудом, и было видно, что кричала она из последних сил.

– Стойте, – тихо повторила мышка, – вы обезумели. Это он, это он свёл вас с ума.

Ушка улыбнулась:

– Я не сошла с ума, моя мышка – мы с лисёнком просто немного разошлись в том, кто из нас должен сегодня умереть. Ведь так, лисёнок?

Красноклык ничего не ответил, а Острозубка, подойдя к краю плота, посмотрела вниз и, увидев там стаю пиявок, под-

няля Безымянного Козла и сказала:

– Я выкину его в воду, если вы не прекратите. Там пиявки и они сожрут любого, кто захочет его достать.

Красноклык испугался за Безымянного Козла больше, чем за самого себя. Он бросился к мышке, но Ушка толкнула его в спину и, наступив на сломанную лапу, прошептала, глядя на Острозубку:

– Попробуй.

Острозубка взглянула на умоляющие глаза лиса, насмешливо-злобную улыбку зайчихи и, закрыв глаза, кинула череп в болото и упала на краю плота без сознания.

– Нет!

Лис рванулся с такой силой, что вырвал лапу из-под ноги зайчихи, опрокинув её. Он бросился к краю плота и прыгнул в воду, где на него набросились сотни голодных пиявок. Они лезли под одежду, в глаза, в рот, а Красноклык пытался нащупать череп среди водорослей. Ему это удалось, он даже поднял его над поверхностью воды, но пиявки уже вгрызлись в тело, проникли внутрь и начали пожирать его изнутри.

Последним, что видел Красноклык, была Ушка: зайчиха стояла на краю плота и, улыбаясь, смотрела на него, а потом жирные твари впились в глаза и больше он уже ничего не видел и не чувствовал.

Мышка открыла глаза и увидела зайчиху, стоящую у воды.

– Где Красноклык? – чуть слышно спросила Острозубка.

Не оборачиваясь, Ушка ответила:

– А эти пиявки намного прожорливее тех, что напали на тебя.

– Откуда ты знаешь?

– Скоро от бедного лисёнка совсем ничего не останется.

Мышка подползла к зайчихе, взглянула в воду и увидела стаю пиявок, рвущих на части то, что ещё недавно было их лучшим другом. В мутной от крови воде кружились клочки рыжей шерсти и обрывки одежды.

– Зачем ты это сделала? – спросила Острозубка.

Ушка повернулась к ней, и мышка с ужасом увидела чёрные, бездонные глаза со струйками алой крови.

– Это сделал он сам, – оскалив клыки, ответила зайчиха, – и ты.

– Нет! – собрав все силы, крикнула Острозубка.

Зайчиха наступила ей на лапу и с силой надавила. Мышка завизжала от боли, а Ушка, склонив голову набок, с наслаждением слушала хруст ломающихся костей.

– Не надо!

– Не надо, так не надо, – ответила Ушка, опустилась на колени и, глядя мышке в глаза, приблизила к ней своё страшное лицо и лизнула в щёку. – Я хочу по-другому.

Несколькими движениями когтистых лап зайчиха сорвала с Острозубки штаны и, разведя её ноги в стороны, впиалась в промежность клыками. Мышка пыталась вырваться, кричала, колотила лапами по голове Ушки, царапалась, но та, не обращая внимания, лишь крепче держала её за ноги и вгры-

залась в плоть и вскоре Остроzubка затихла.

Зайчиха подняла вверх окровавленную морду и захохотала.

УА-ХА-ХА-ХА-ХА-ХА!

На сером небе показалась огромная чёрная туча. Она медленно опускалась на деревню, гудела и свистела, словно внутри неё переругивались тысячи злобных существ. Туча опускалась всё ниже и ниже, пока не превратилась в стаю летучих мышей. Хлопая перепончатыми крыльями, они кружили над хижинами, смеялись и переругивались на странном языке, в котором слышались писк, треск, шипение и щелчки, похожие на удары хлыста.

Ушка встала во весь рост, подняла тесак и принялась рубить мышей. Разрубленные напополам, с отсечёнными крыльями, они десятками падали к ногам зайчихи, жалобно пищали, ползали в крови своих сородичей, но их не становилось меньше. Зайчихе даже показалось, что весь мир вокруг неё состоит из этих маленьких крылатых тварей.

Внезапно мыши разлетелись в стороны и уселись на крыши хижин и ветки чёрных деревьев. Тысячи маленьких глаз со всех сторон смотрели на Ушку. Маленькие твари молчали, но тишина продолжалась недолго: сначала тихо, а потом всё громче и громче, со стороны болота раздалась та самая музыка.

Вокруг деревни сгустился густой туман. Он медленно наползал, пытаясь забраться на плоты, но каждый раз отступал,

словно у него не хватало сил, чтобы оторваться от поверхности воды.

Протяжные завывания виолончели звучали всё громче, и Ушка увидела его: в тумане, совсем рядом, стояла высокая рогатая фигура. Зайчиха шагнула к ней – фигура отступила. Ушка подошла к самому краю – фигура отошла ещё дальше.

Зайчиха посмотрела вниз: у самой поверхности воды кружились чёрные пиявки, а на дне лежал Безымянный Козёл со светящимися зелёными глазами, вокруг которого валялись обглоданные кости Красноклыка.

– Бедный лисёнок, – с иронией сказала Ушка и шагнула вперёд.

По грудь в воде, она шла к рогатой фигуре, которая (а она была в этом уверена) и была тем самым Безымянным Козлом, дух которого вошёл в неё, когда она вернулась в хижину, оставив Красноклыка болтать с птицей...

...В тот миг, когда Ушка, зайдя в хижину, взглянула на череп, она всё поняла. Глаза Безымянного Козла не вспыхивали зелёным светом, в голове зайчихи не звучал его голос, но она знала, что делать дальше. Ушка даже чуть не расхохоталась от того, насколько всё на самом деле просто.

Она вышла из хижины с почерневшими глазами и пошла на площадь...

...Путаясь ногами в водорослях, разгребая воду свободной лапой, Ушка шла к Безымянному Козлу, явившемуся воочию, а не в виде жалкого черепа. Ушка впустила тьму в се-

бя, подчинилась ей и подчинила её, и ей больше не нужен был череп, который был всего лишь образом Бафомета, но не им самим.

А он сам всё отдалялся, и зайчиха шла вперёд. Рогатая фигура словно плыла по воде, Ушку за собой.

Бафомет вёл её туда, где она станет по-настоящему свободной.